

Алексей Поворов

Я УБИЙЦА

роман

В каждом из нас дремлет зверь в ожидании своего часа. И когда существо вырвется на свободу, его невозможно будет остановить. Обнаружена очередная жертва. Развязка, кажется, вот-вот наступит. Но что если расследование заранее спланировано? Что если все явное лишь вымысел? Возможно истина совсем в другом месте... Возрастное ограничение — 16+.

Пролог

Я никогда и никому не делаю ничего дурного без повода.

Но жизнь научила меня творить зло во благо.

Максимов Максим Юрьевич

12 апреля 2015 года. Пасха. 16 часов 33 минуты.

Светило яркое солнце. Лучам иной раз перебегали дорогу кучевые бледно-серые облака, накрывая землю тенью. Частный сектор, расположенный на городской периферии, был малолюднен: народ праздновал Христово Воскресение. Щебет воробьев заглушал детские крики, доносящиеся издалека.

Вереница машин быстро проехала меж коттеджей и остановилась неподалеку от небольшого дома. Из ПАЗика стремительно выскочили бойцы СОБРа в полной боевой экипировке и взяли дом в оцепление. Несколько полицейских УАЗов заблокировали дорогу вдоль квартала. Из подъехавших Жигулей четырнадцатой модели вылезли трое в штатском. Один из них — в костюме-тройке с расстегнутым пиджаком — встал, опершись на автомобиль, и скрестил руки на груди.

Подтянулись первые зеваки с мобильниками, готовые запечатлеть интересное. Если бы кого-нибудь еще и убили, день для них выдался бы просто отличным! Казалось, что ради рейтингового видео на YouTube они готовы пожертвовать даже собственной безопасностью. Святой праздник уже был давно позабыт: разворачивалось шоу.

Полицейские пытались оттеснить образовавшуюся толпу. Двое в штатском жестикулировали и кричали — наверное, командовали. Человек в костюме застыл, наблюдая за происходящим без каких-либо эмоций. Спецназ пошел на штурм.

Внезапно раздался взрыв. Столб огня вырвался из окон дома, черный густой дым повалил вверх. Повсюду завывали автомобильные сигнализации. Сверху посыпались осколки стекла и стройматериалов, поднятых в воздух. СОБРовцы отступили назад. Зеваки заметались в панике...

Глава I

Убей одного человека — и ты станешь убийцей.

Убей миллионы — и станешь завоевателем.

Убей всех — и ты станешь Богом.

Ж. Ростан

6 апреля 2015 года. Шесть дней до Пасхи. 18 часов 45 минут.

Щелкала фотовспышка, сустились люди: медики, криминалисты и полицейские. Сергей переступил через маленький, лежащий на боку стульчик.

— Да ради всего святого, уберите журналистов! Кто вообще их сюда пустил?!

Участковый и двое патрульных, немного помешкав, вывели вездесущих сплетников, готовых на любом горе заработать денег, на лестничную площадку и закрыли за ними дверь. Но те даже снаружи наперебой выкрикивали вопросы, как будто им сейчас кто-то мог дать более-менее внятный ответ.

Сергей рассматривал кровавый отпечаток ладони на светлом ламинате. Дальше следовал точно такой же, потом еще один. Жертва явно пыталась спастись на кухне. Тут к следователю быстрым шагом подошел Денис Яркин, местный участковый, который только что выставил журналюг за дверь.

— Надо же, такое дерьмо на мою голову свалилось! Много в жизни видел, но чтоб такое... Теперь писаниной достанут, — он забежал вперед и приоткрыл дверь на кухню.

В глаза бросилась большая лужа крови. Белый кухонный гарнитур был буквально залит красным. Свернувшаяся жижа застыла потеками на дверцах шкафов. Сергей замер, пытаясь представить, что здесь произошло. Денис жужжал ему в ухо про отчеты, а в голове следователя крутилось: «Жертву, уже раненую, толкнули на столешницу. Она упала на пол и пыталась подняться, размазывая кровь».

Денис, глядя куда-то в сторону, замолк, снял фуражку и протер платком испарину на лысине.

— Вот об этом я тебе и толкую, — чуть слышно пробормотал он.

Сергей аккуратно переступил через лужу, оценивая страшную картину, представшую перед его взором.

За холодильником лежала девушка, пристегнутая пластиковыми хомутами к батарее. На правой руке не хватало трех пальцев. Они были аккуратно сложены в рядок на полу: один, два, три — три дамских пальчика, словно виноград на прилавке. Сергей отметил прекрасный маникюр и поймал себя на мысли, что смерть его больше не пугала. Он не испытывал отвращения — он вообще никаких эмоций не испытывал, даже сострадания. Оно тоже исчезло. «На боку жертвы виднеется большая резаная рана, но ее профессионально забинтовали, чтобы девушка не умерла от потери крови раньше времени. Следов изнасилования не наблюдается. Значит, преступник имел совершенно другие цели. Правая нога согнута в колене, левая вытянута вперед». Сергей осмотрелся по сторонам. «Признаков борьбы также не видно. Дверь была открыта жертвой изнутри. Значит, она знала, кого впускает. Следы крови тянутся из коридора. Преступник, скорее всего, сразу нанес удар ножом в бок, а потом шел за ней до кухни, смотрел, как она страдает, будто наказывая за что-то. Интересно, за что? А вот, кстати, и нож. Рядом брусок для заточки. Видимо, точил не один раз, пока резал ее. Впрочем, это только предположение. Нужно будет дождаться вскрытия. Странно только, что соседи ничего не слышали, а тревогу забила мать погибшей, когда та два дня не отвечала на звонки. Сегодня воскресенье. Убили, получается, в пятницу. Умно придумано. Кто будет искать в выходные? Может, человек отдыхает...». Сергей открыл шкафчик для посуды. Два бокала стояли отдельно от других. Следователь надел перчатку и перевернул бокал, из которого вытекло немного воды. «За два дня все бы

испарилось. Наверное, преступник специально оставил воду, чтобы мы не поняли, что он нанес ранение сразу, как только вошел. Как будто перед этим они что-то пили. Но зачем оставлять такие улики? Или попросту просчитался? Непонятно».

Он присел на корточки перед телом жертвы и попробовал взглянуть на нее глазами убийцы. «Молодая, лет тридцати. Лицо искажено предсмертным страхом. Где-то там, в глубине глаз, прячется лик преступника. По крайней мере, так говорят. На руках разнообразные украшения, на некоторых пальцах сразу по три кольца. Такое ощущение, что она любила выставлять драгоценности напоказ. Или их надел на нее сам злодей? Хотя и то, и другое доказывает одно: ее пришли убивать, а не грабить. Потекший от слез макияж. Значит, куда-то собиралась. Черные волосы в некоторых местах слиплись от крови. Наверное, при жизни ее тело было неплохим. Судя по обстановке квартиры, украшениям на руках и шее, она неплохо зарабатывала. Интересно чем? Головой или тем, что пониже? Впрочем, какая теперь разница?».

Яркин продолжал ныть, жалуясь на то, что это убийство случилось именно на его участке. Дай ему волю, он бы без раздумий оттащил тело и подкинул его другому участковому, лишь бы самому теперь не писать килограммы отчетов.

Широко открытые глаза девушки пустым взглядом смотрели на стену. Рот был рассечен от уха до уха. Отрезанный язык аккуратно лежал около пальцев. Сергей слегка отодвинул бретельку майки с плеча, где красовался фиолетово-черный след от укуса.

— Личность установили?

— Ледовских Светлана Васильевна. Соседи опознали.

— Соседи не родственники, толку от их слов мало.

— Жуткая ночь сегодня, — рядом с Сергеем на корточки присел Стрельников. — Интересно, а почему она не орала, когда у нее еще была та часть тела, которой они обычно выносят нам мозг?

Александр Стрельников, или просто Сашок, как все называли его в отделе, был младшим следователем и находился в подчинении у Сергея вот уже почти три года. Смешливый и привлекательный парень двадцати девяти лет, он вечно ляпал что ни попадя и где не надо.

— Чтобы орать, Сашок, язык не нужен, достаточно голосовых связок. Тут явно что-то другое.

— Скорее всего, ее накачали чем-то, — спокойно ответил медик. — Но это еще нужно проверить. Точно скажу после вскрытия.

— И сколько это займет времени?

— Ну, тело передам Дмитрию Геннадьевичу, а он, сами знаете, человек шустрый — сколько лет уже людей кромсает! — потирая нос, усмехнулся медик. — Завтра утром дадим ответ, — серьезно добавил он, поймав на себе пристальный взгляд Сергея и вспомнив, что медицинские шуточки не всегда нормально воспринимаются неподготовленным человеком.

Следователь, закусив нижнюю губу, кивнул головой, хлопнул по плечу Сашка и встал.

— Думаешь, это он?

— Не знаю, — ответив помощнику, Сергей вышел на балкон, достал сигарету и закурил.

— Ты почти десять лет за ним гоняешься.

— По-моему, я ничего не сказал, — выдохнул густой дым Сергей.

— Но тебя что-то насторожило.

— Он так не работает. Слишком много следов: укус на плече, вода в бокале, нож этот,

да еще и с бруском — непонятно к чему. А он, словно волк, — Сергей со злостью отшвырнул сигарету в сторону. — Чертов санитар леса.

— Санитар он и есть Санитар. Не зря ты его так прозвал.

— Да какая разница, как его называть? Человек не имеет права убивать других лишь потому, что видит в них плохое.

— Серег, а может это просто...

— Ага, еще скажи бытовуха! У него никогда не было таких явных косяков. Точнее сказать, вообще косяков не было. Ублюдок не оставляет следов. Действует всегда по-разному и не только в нашем городе. У маньяков есть привычки, почерк, мотив. У этого вообще ничего! Есть только наша с тобой догадка о том, что все его жертвы, о которых мы знаем, либо выродки, либо... выродки! Под его критерий подойдет даже младенец, написавший на рясу священника во время крещения.

— Может, его вообще не существует, и он живет только в твоей голове? Всяки ведь всегда были. Чего их валить на какого-то неуловимого безумца? Может, эту подружку завалил ее муж? Его, кстати, пока не нашли.

— Вариант с мужем тоже нужно проработать. Чем черт не шутит? А вдруг ее муж и есть этот убийца, а? Мы чего-то не видим или не понимаем. Если это и впрямь Санитар, то он явно что-то задумал либо расслабился. Сань?

— Да.

— Подними по ней все. Я хочу знать даже самые пошлые и извращенные ее фантазии, если они у нее были. И всю информацию ко мне на стол. Разыщите близких и родных, в первую очередь супруга. Узнай, где работала, какие отношения были с коллегами, с друзьями, что о ней думали окружающие. Узнай даже то, что она сама думала о себе. Хоть труп ее в морге допроси, но выясни все! Саша, не подведи меня, а то пришлют сверху какого-нибудь плохого дядьку нам с тобой в помощь. Ты меня понял?

— Постараемся.

— И уведите отсюда этих журналистов! Вон опять один стоит, что-то пишет! Пошел вон отсюда! — проорал со второго этажа следователь.

Сашок склонился вниз, глядя, как человек с блокнотом не спеша поправил воротник и, немного сгорбившись, отошел в сторону.

Глава II

*Цивилизация концентрируется в больших городах;
самоубийство тоже.*

Э. Дюркгейм

Дневной свет проникает в комнату сквозь открытое настежь окно, режет лучом помещение. В этом свете даже лениво поднимающиеся вверх пылинки кажутся россыпью бриллиантов. Я сижу на кресле и читаю книгу. Мне двадцать три года, но кажется, что я уже познал весь мир и понял смысл жизни. Я молод и глуп. Теперь эти воспоминания заставляют меня улыбаться. И это редкость.

Слышу, как у соседей внизу работает телевизор: панельные дома известны своей отвратительной шумоизоляцией. Слышу, как на улице трелью заливается птица, звенит

детский смех, звучат разговоры, тарахтит мотором проезжающая мимо машина. Щелкает замок, дверь открывается, в комнату с радостным криком влетает сын. Ему три года. Всего три, так мало! Хотя он уже очень смысленный. Все же дети теперь не то, что мы, соображают гораздо быстрее, да и думают своими головками куда лучше нас с вами. Жена пытается придержать сорванца, но бесполезно: несется ко мне. Его светлая шевелюра блестит на солнце, кудри задорно вздрагивают при каждом шаге. Лицо его светится радостью. Я откладываю книгу в сторону, смотрю, как его мать опирается о стену. Ей тяжело: все-таки ждем второго, но она улыбается, а я пытаюсь разгадать, что за сюрприз готовит мне мой первенец.

— Смотри, пап! — кричит он во весь свой звонкий голос и протягивает руку.

В ручонке что-то зажато. Он сжимает пальчики так сильно, что от соприкосновения с маленькими ноготками белеет ладошка. Интересно, что там? Он всегда что-то приносит с улицы, пытается удивить меня.

— Смотри, пап!

Пухлый кулачок медленно разжимается. На ладошке лежит черный гладкий камешек, похожий по форме на капельку, а может, на слезинку. Он загадочно блестит на вспотевшей ручонке.

— Паук, пап! — радостно кричит мальчишка.

— Почему паук? — улыбаюсь я и смотрю на жену.

Та лишь молча пожимает плечами, глядя на нас глазами, полными тепла и счастья. Сын срывается с места и убегает. Пока он с воплями гоняется по квартире, Кристина подходит ко мне и садится на колени, гладит рукой по голове. Я прижимаюсь к уже округлившемуся животу.

— И все-таки почему паук? — спрашиваю я тихим голосом, прислушиваясь к тому, что происходит у нее внутри.

Она улыбается, опять пожимает плечами, целует меня в макушку, еле касаясь губами. Сколько бы я отдал за это теперь! Только когда те моменты нашей жизни, которые мы считаем мелочами, исчезают из нее, мы начинаем осознавать, насколько они были важны для нас. Когда они есть, они обычно нас раздражают.

Сегодня 11 апреля 2015 года. Остался один день до Пасхи. Сейчас шесть часов утра. Я просыпаюсь от холода в небольшом одноэтажном доме в частном секторе рядом с городом. Глухой забор окружает его сзади и по бокам, спереди стоит просматриваемый насквозь металлоштакетник, встроенный в желтоватый облицовочный кирпич. Узкая дорожка из тротуарной плитки, обсыпанная по краям крашенной в голубоватый цвет мраморной крошкой, ведет к железной двери дома, напоминая весенний ручеек. Вдоль нее по обеим сторонам растут туи. Газон вокруг дома уже начинает набирать цвет. Солнце припекает так, что от плитки немного парит, хотя еще два дня назад все было завалено снегом.

Тело затекло и болит. Правую руку я не чувствую вовсе. Постепенно ее начинает покалывать, будто иголками, и хочется ее просто вырвать, отделить от себя, чтобы не испытывать этих мерзких ощущений. Как же хорошо, что сейчас выходные. Голова просто раскалывается. Я бы плюнул в рожу тому, кто говорит, что вино лечит. Я давно уже перестал выбирать выпивку: результат от любого поила всегда один и тот же. Да и цель одна. Впрочем, какой смысл жаловаться? Сегодня последний день. И как назло светит солнце. Все-таки, что ни говори, а природа чувствует и по-своему радуется. Все в мире

взаимосвязано.

Я лежу на полу в коридоре. С трудом отрываю лицо от ковра: на помятой роже остается китайский узор. Шатаясь, дохожу до ванной. Пока умываюсь, ловлю себя на мысли: «Зачем я это делаю?». Наверное, для того чтобы у меня был более чистый вид? А что плохого в том, как я выгляжу сейчас? Пожалуй, ничего, если не считать, что... Сплюываю зубную пасту в раковину, вытираю лицо и иду на кухню. Достаяю из холодильника бутылку коньяка. «Арапат», три звезды. Прекрасное начало дня, Макс! С добрым утром, страна! Щелкак клавишу на магнитофоне, и молчаливый дом наполняется звуками.

Да здравствуй, Бог, это же я пришел.

И почему нам не напиться?

Я нашел, это же я нашел,

Это мой новый способ молиться.

Отличная песня. Как раз подходящий музыкальный фон для того, что я собираюсь сейчас сделать. Открываю бутылку и вливаю в себя изрядную порцию спиртного. Алкоголь течет по организму, обжигая внутренности и возвращая мне обычные человеческие чувства. Я утратил все то, что отличает нас от животных, уже давно — около пятнадцати лет назад. Наверное, именно тогда, когда я умер в первый раз. Я отставляю бутылку в сторону, зажимаю в ладонь выскочивший из-под майки кулон в виде черного камня, похожего на слезинку. К горлу подступает комок. Он появляется всегда, когда я смотрю на подарок сына. В нашем мире этот кулон не стоит и гроша, но для меня он стоит целого мира. Целую украшение и прячу обратно как самое святое. Православный крестик я снял уже давно: мои пути разошлись с Господом Богом. Так бывает, когда его не оказывается рядом. Хотя в церковь я хожу. Но лишь потому, что там служит — а он действительно служит, а не работает, как все остальные, — отец Петр. Именно он вытащил меня с того света и именно к нему я хожу за советами, да и так, просто поговорить. До сегодняшнего дня я помогал ему восстанавливать маленькую заброшенную церквушку. Работал вместе с ним до полуночи, пока не отказывали руки. Но это было не в тягость. Станный священник: мог бы давно отказаться от меня, но он почему-то верит, что служитель не должен вмешиваться в дела мирские. «Бог решит сам, кто прав, а кто виноват», — говорит он. Станный, странный все-таки этот отец Петр. Был. А может, это я был, а он есть и навсегда останется? Или это сейчас говорит в моей голове коньяк?

Я делаю музыку громче. Ставлю табуретку посередине, снимаю люстру. Куда запропастилась эта чертова... А-а-а, вот ты где. Вытаскиваю из-под стола бельевую веревку. Прикрепляю к торчащему из потолка крючку. На другом конце делаю петлю. Проверяю на руке, как ловко затягивается удавка. Петля Линча. Усмехаюсь сам себе. Примеряю ее на шее. Раскачиваюсь на табуретке. Ну вот, вроде все готово. Пора опускать занавес и прекращать представление, которое растянулось больше чем на тринадцать лет. Но сначала я спускаюсь вниз и беру бутылку, забиваюсь в угол кухни, словно подбитый пес. Делаю глоток, еще и еще. Смотрю, как одиноко болтается петля посреди кухни. Ждет меня. Я знаю, что еще меня ждет. Нет, не смерть от собственных рук. Меня давно заждался в преисподней сам Дьявол. А еще те, кого я отправил к нему. Ведь их место именно там. К сожалению, за все мною содеянное, мое место тоже там, рядом с ними. Как писала Агата Кристи (странно, что сейчас из динамиков я слышу одноименную группу): «Истинное величие судьбы в

способности покарать себя!». Но я не жалею о том, что сделал. А теперь, до того, как удавиться в собственном доме, хочу поведать вам одну очень простую — впрочем, для вас, может, и не очень простую — историю о сломанной жизни человека. Слушайте.

Глава III

*По моему мнению, брак и его узы или величайшее добро,
или величайшее зло; середины нет.*

Вольтер

К моему счастью, брак для меня оказался величайшим добром. Вот и сейчас жена тихонько сопит, лежа у меня на руке. Я боюсь пошевелиться, чтобы не разбудить ее. Смотрю на нее, словно на икону. Неподалеку стоит детская кроватка, там начинает ворочаться сын. Она открывает глаза, пытается подняться и посмотреть, что с ребенком.

— Все хорошо. Он еще спит. Отдыхай.

Она прижимается ко мне. Я чувствую, как внутри нее шевелится наша общая вторая жизнь. Врачи сказали, будет дочка.

— Чувствуешь? Вот опять, — она улыбается. Прислоняет мою руку к себе.

— Чувствую.

— Как назовем?

— Решай сама. Я назвал сына, ты называй дочку.

— Пусть будет Викой. Пускай ее зовут, как бабушку.

— Хорошее имя, мне нравится. Пусть будет, — я касаюсь ее живота. — Слышишь, мама дала тебе имя. Так звали мою маму и твою бабушку. Вика. Теперь так будут звать тебя. Можешь быть спокойной там, потому что тебя здесь все любят и ждут.

Откидываюсь на подушку, смотрю в потолок. Я счастлив. Мне хорошо. Просто от того, что они рядом. Прикрываю глаза и с улыбкой вспоминаю, как я познакомился с Кристиной.

Я был студентом технического университета. Будущий инженер. «Смешная профессия, — говорили мне, когда я учился. — Чем ты будешь кормить своих детей?». Когда я поступал, все шли на юристов, экономистов, бухгалтеров, а инженер приравнивался к грузчику. Мало кто понимал, в чем разница между ними. Я был обычным парнем и ничем не отличался от миллионов других: среднего роста, обычного телосложения, рядовой внешности. Короче говоря, я был одним из ста пятидесяти миллионов людей, которые проживали в России. Отец погиб в аварии, а мать тянула меня до последнего, надорвав свое здоровье на двух работах, лишь бы я был не хуже других. И я был не хуже. Что-что, а образование она мне дала сильное, и я уже с первого курса стал писать дипломы выпускникам, к тому же помогал с изобретениями двум профессорам кафедры, на которой учился.

«Подарком» на мое восемнадцатилетие стал диагноз моей матери, звучавший как

«неоперабельная опухоль мозга четвертой стадии». Я шел из чудного места под названием хоспис, в котором она лежала, и думал о своей жизни, о том, насколько я стал сегодня «счастливее», узнав такую новость. Я видел только свои пыльные кроссовки, мелькавшие поочередно перед глазами, а потом был резкий толчок, от которого я пришел в себя и поднял взгляд. Прекрасная девушка, отшатнувшись в сторону, смотрела на меня заплаканными глазами. Так я встретил свою жену. Как оказалось, ее отец лежал в том же хосписе. Можно сказать, что нас свело несчастье. Сначала мы просто здоровались, потом стали делиться своими горестями, потом практически одновременно похоронили родителей.

И вот теперь я лежу рядом с ней. В кроватке ворочается первенец, а в ее чреве растет маленькое создание, которое мы назвали в честь моей мамы. Вот и думай: прекрасна жизнь или нет? Потеряв одно, я приобрел другое. Я познал горечь смерти, трудности жизни и боль одиночества. Но у меня появилась семья, которую я заслужил такими испытаниями. Неужели в нашей жизни обязательно нужно сначала что-то потерять, чтобы потом что-то приобрести? Чтобы понять, осознать, как было дорого то, что было рядом, но воспринималось как нечто само собой разумеющееся. Наверное, такова суть нашего мироздания, о котором мы не задумываемся, пока нас это не касается. Меня это коснулось, и теперь я больше всего в жизни боюсь потерять их — то самое ценное, что у меня есть сейчас. Я люблю Кристину и сына до безумия, может даже, до фанатизма. Когда я с ними рядом, то не могу наглядеться, надышаться, не могу представить себя без них. Потому что я понимаю, каким образом они достались мне, какой ценой.

К двадцати годам я разработал пару изобретений. По странной воле случая ими заинтересовалась наша доблестная армия. Отдав, как полагается в нашей стране, долю отката, я заключил выгодный контракт, который выиграл по тендеру, уже подготовленному для меня. Таким образом, я обзавелся знакомыми в Министерстве обороны и ряде других ведомств. Как оказалось, все там были повязаны. Узнай одного, и ты дойдешь по цепочке хоть до самого президента, если, конечно, захочешь себе щенка лабрадора. Но ни щенок, ни связи, ни власть — все это было мне не нужно. Я нигде не светился, старался быть незаметным и не досаждал никому. Я выработал для себя одно простое правило: жить нужно по принципу «не навреди». Так я и жил. Я впервые получил неплохие деньги, что позволило купить квартиру и машину и даже отложить энную сумму средств на черный день. Хотя мне достались всего лишь крохи (львиную долю рассовали по своим карманам чиновники), я был доволен и этим. Все произошло ровно так, как говорил один мой друг, работавший в правительстве: «Мы, словно свиньи, стоим у кормушки, в которую государство наваливает нам корм. Те, кто поближе к ней, — самые жирные и наглые — начинают жрать так, что хрустит за ушами, а все, что отлетает от них, подбираем мы, и нам, в принципе, этого хватает». В тот момент жизни я был маленьким поросенком, которому отлетели скудные крохи с пиршественного стола.

Я работал. Кристина была моим вдохновителем, моей музой. Кроме нее и детей, мне не нужен был никто: ни друзья, ни родственники. Нет, я не был отшельником или затворником. Мы жили обычной жизнью — ходили в гости, в кафе и кино, ездили отдыхать. Но если бы в мире остались одни только мы, мне хватило бы и этого. Я не мечтал очутиться на необитаемом острове в окружении развратных смуглых аборигенок. Я не врал, чтобы убежать из дома и «отдохнуть» от семейной жизни. Я любил их. Как любой нормальный мужчина, я смотрел на красивых женщин, но лишь как на обложки журналов — не более того. Никаких дурных мыслей. Знаю, что многим меня не понять. В свою очередь, я не

понимал и не пойму этих многих. Сила мужчины заключается не в том, скольких женщин он покорил, а в том, скольким он смог отказать ради одной-единственной. Я был из тех, кто отказывал ради одной. Таким и остался.

Глава IV

*Отсутствие вашей судимости —
это не ваша заслуга, а наша недоработка.
Ф. Э. Дзержинский*

7 апреля 2015 года. Пять дней до Пасхи. 9 часов 00 минут.

Здание полиции было местом угрюмым и темным. Окна кабинета Сергея выходили на длинную серую девятиэтажку. Кабинеты начальства располагались по другой стороне с видом на парк и недавно открывшийся «Макдоналдс». Рядом находился автосалон, проходя мимо которого по пути на работу, Сергей постоянно смотрел на блестящие новые машины с номерами телефонов вместо ценников. Или все-таки это были цены? Он так до сих пор и не определился. Сергей отработал здесь почти двенадцать лет, и все это время наблюдал в окно безликую серую многоэтажку и людей, приезжавших в автосалон, словно в театр с гамбургером в антракте.

— Серега! Ау-у-у-у. Прием, прием! Прошу вернуться в реальность! — насмешливо звал его Сашок и водил рукой перед стеклянным взглядом начальника.

Он постучал костяшками пальцев по рабочему столу следователя и поставил перед ним чашку горячего кофе, аромат которого мгновенно заполнил прокуренную комнату. Ложечку, естественно, не убрал: он же русский!

— Прости, я что-то задумался, — Сергей сделал большой глоток со звучным прихлебом.

— Наверное, о девчонках? — съехидничал Сашок, но, когда Сергей взглянул на него исподлобья, неловко кашлянул в кулак и добавил: — Вот. С пяти утра на ногах.

— Что это?

— Результаты вскрытия девки с отрезанными пальцами и распоротым ртом. Конечно, если тебе это еще интересно, — делая недовольный вид, пробухтел Сашок.

— Да ладно, брось. Я просто устал!

Сергей раскрыл папку и стал внимательно вчитываться, перелистывая бумаги.

— В организме убитой обнаружен препарат-миорелаксант. Вещество вызывает блокаду Н-холинорецепторов в синапсах, прекращает подачу нервного импульса к скелетным мышцам, и мышцы перестают сокращаться. Круто! — снова отхлебнул кофе следователь.

— Поэтому соседи ничего не слышали?

— Да, убийца накачал ее этим дерьмом, а потом стал разделывать, как барашка на праздник Курбан-байрам.

— Этот парень — вовсе не глупец. У него хорошее образование и, вероятно, неплохие

связи. В аптеках такие витаминки не купишь.

— Тут ты прав, Саша. Нужно будет пробить, когда и кому продавали это вещество. Думаю, это не составит труда. Не каждый же день его приобретают. Теперь бы еще разгадать, почему он отрезал именно три пальца и язык?

— Послушай. Я, конечно, все понимаю. Ты собирал доказательства существования этого парня много лет. Весь отдел смеялся над тобой, считая, что ты гоняешься за призраком. И ты вроде бы успокоился, а тут на тебе, все заново началось. Тебя вчера словно подменили. Я видел, как ты себя вел. Но тогда скажи мне Бога ради, почему ты ухватился именно за этот труп? Почему решил, что это дело рук Санитара?

— Знаешь, это, наверное, чутье. Во-первых, нашли быстро. Во-вторых, он оставил подсказки. Пока не знаю для чего, но не думаю, что это он по неосторожности наследил.

— Блин, Серега! Опять будем гоняться за ним, словно собака за своим хвостом?

— Не-е-ет, Сашок. Нет. Тут есть намек на амбиции. Раньше такого не наблюдалось. Пальцы сложены в рядок, рядом язык. Прежде он бы раскидал их хаотично, но тут он подготовил все специально для нас. И это неспроста. Парень заигрался. Думаю, у нас есть шанс. И к тому же мне кажется, что убийца и жертва были знакомы. Она открыла дверь, пустила его домой. В ее крови обнаружено спиртное. Они выпивали, и он начал действовать лишь после того, как накачал ее этой гадостью. Потом он убрал бокалы, стер отпечатки и, как обычно, не оставил улики. Только вот к чему эти отрезанные пальцы и язык? Раньше он просто убивал. Жестоко? Да, жестоко. Но он не оставлял посланий. Все его убийства были наказанием для жертв. Он карал их за те или иные дела, но не играл с нами и не хотел известности. Все преступления были разными по почерку, поэтому мы и не могли так долго объединить их в серию. Но сейчас он оступился, сделал ошибку. Я просто уверен, что это Санитар! Нужно брать быка за рога, второго шанса не будет!

— Серега, Серега... — Сашок покачал головой. — Шрек тебя кастрирует! И меня вместе с тобой. Он и так давно точит на тебя зуб за твои идеи с безумным неуловимым маньяком. Если мы скажем, что девка погибла от его руки, он нас порвет, как Тузик грелку!

— А делать-то нечего, — следователь снова хлебнул уже остывший кофе и сморщил гримасу. Он достал из пачки сигарету, несколько раз стукнул фильтром о стол и спрятал обратно. — Нужно идти к нему.

— Твою мать, — Сашок потер переносицу, предвкушая, что их сейчас ожидает.

Шреком они называли своего непосредственного начальника. Полковник Афанасий Филимонович Громов и впрямь походил на персонажа известного мультфильма. В отделении даже ходила шутка: если Пригожина, Громова и Шрека запечатлеть на фотографии, получатся тройняшки. Но Громов был из всех самым страшным: среднего роста, толстоватый, с лысой головой и оттопыренными ушами. Полковник еще советской закалки, непробиваемый. Общаться с ним было все равно, что разговаривать с инопланетянином: он вроде тебя понимает, даже кивает, поддакивает, но в конце разговора вытаскивает свой космический бластер и выносит тебе мозг. А все потому, что единственным человеком, которого он уважал, был Иосиф Виссарионович Сталин. Его любимая фраза звучала так: «Поставить бы вас к стенке, как предателей родины! За такую работу вас, упырей, надо сажать на довольствие!». На какое довольствие, он никогда не уточнял, а спрашивать у него боялись. Возможно, он имел в виду «удовольствие», но тогда выходила неприглядная картина, так как, если представить, на какое удовольствие он хотел сажать своих подчиненных, становилось поистине страшно.

Подойдя к закрытой двери начальника, они остановились. Перед кабинетом мялся молодой сержантик, прижимая к груди, словно библию, зеленую папку.

— Что, опять там кого-то насилует в извращенной форме? — кивнул Сергей в сторону закрытой двери.

Сержант пожал плечами, а из-за двери донеслось до боли знакомое: «Поставить бы вас к стенке, как предателей родины! За такую работу вас, упырей, надо сажать на довольствие!».

— Круто, Серега, у него сегодня хорошее настроение. Ты вазелин случайно не прихватил?

— Думаю, и без него будет хорошо.

В этот момент дверь открылась, и из нее почти бегом выскочили двое.

— Что, сам пойдешь или старших пропустишь? — с усмешкой спросил Сашок, глядя, как лицо сержанта зеленеет, приближаясь по цвету к судорожно сжатой в руках папке.

Тот опять нервно пожал плечами и печально окинул взглядом кабинет, давая понять, что он с готовностью отложит неизбежную экзекуцию еще на какое-то время.

Шрек сидел в кресле и стучал по столу пальцами, похожими на сосиски. За его спиной красовались портреты Путина, Медведева и, естественно, Сталина. Наверное, он снял бы вождя народов со стены только при угрозе ядерной войны, да и то лишь для того, чтобы отнести его в спасительное бомбоубежище.

— Ты опять ко мне со своим маньяком?! Ты что, хочешь меня под трибунал подвести?! Я, по-твоему, похож на мальчика?! — брызгая слюной, с ходу начал Громов, стуча ладонью по рабочему месту в такт своим словам.

— Понеслось, — уткнувшись глазами в пол, тихо прошептал Сашок, словно провинившийся второклассник, которого отчитывают за разбитое оконное стекло.

— Допрыгались! Сталина на вас нет! Ну, ничего, ничего! Услышали тебя! Долго ты приключений искал на свою задницу! Сами не захотели свои дела делать, так вот вам, — он снял трубку телефона и нажал на кнопку. — Пускай зайдет!

Сергей и Сашок переглянулись, не понимая пока, что происходит. Дверь кабинета внезапно открылась, и в нее вошел, будто средневековый инквизитор, мужчина лет тридцати пяти, ближе к сорока, в костюме-тройке. Потертая папка из кожзаменителя была зажата левой рукой под мышкой. Он был среднего роста, поджарый, со строгими чертами лица, напоминающего лицо древней статуи. Черные волосы с сединой коротко пострижены под машинку. На голове большой, но аккуратный шрам. Надеть бы этому товарищу балахон и дать в руки факел — точно бы сошел за инквизитора!

— Знакомьтесь! Пименов Станислав Владленович. Сотрудник Следственного комитета. Прошу любить и жаловать!

— Ну, все, нам кранты, — сквозь зубы прошипел Сергей и понуро покачал головой.

Глава V

*Несомненно, важнее, как принимает человек судьбу,
нежели какова она на самом деле.*

В. Гумбольдт

Я вижу этот сон, как наяву. В мельчайших деталях. Мне никогда не снились сны, но в тот день почему-то приснился. Теперь он повторяется вот уже пятнадцать лет — из ночи в ночь. Как только мой мозг засыпает, наступает время кошмара, время моих страхов, время, когда я бессилен, время, когда я не властен повлиять на что-либо. Все произошло 12 апреля 2001 года. В шестьдесят первом году в этот день Юрий Гагарин совершил свой высокий полет, я же в новом тысячелетии совершил свое падение в самые недра Ада.

Прохладное утро, в комнате свежо и спокойно. На грудь что-то наваливается, становится тяжело дышать. Я хочу проснуться и не могу. Я чувствую, как ломаются мои кости, как трещит все мое тело, но не понимаю, что это и за что мне это. Мне снится моя беременная жена. Она держит сына за руку, стоя на краю обрыва. Они зовут меня. Их голоса отражаются эхом, словно в огромной пустой комнате. Малыш радостно прыгает и смеется. Волосы Кристины развиваются на ветру. Я иду к ним. Ничего необычного, но в груди так тяжело и противно, что, кажется, еще мгновение, и меня вывернет наизнанку. Я ускоряю шаг, перехожу на бег, но на ногах словно надеты свинцовые башмаки. Чем больше я тороплюсь, тем медленнее продвигаюсь. Сын прыгает, веселится. Жена улыбается и манит рукой к себе. И вот, когда я почти уже рядом с ними, клочок земли, на котором они стоят, срывается вниз, унося их в бездну. Они разбиваются на моих глазах вдребезги, жена и трехгодовалый сынишка. Голова всмятку, мозги, из разбившейся, как арбуз, черепной коробки разлетелись в стороны, все в крови. Кристина, будто манекен, лежит на животе в безобразной, исковерканной позе с переломанными конечностями. Накатывает ощущение ужаса и слабости. Наверное, эти два чувства ходят рядом, образуя одно целое под названием беспомощность.

Я очень устал от этого сна за прошедшие годы, за пять тысяч сто тринадцать ночей одного и того же кошмара. Почему он мне снится? В первый раз я подумал, что сон вызван страхом потерять близких. Я слишком боялся, что с ними что-то может случиться. Помню, как заорал во сне и вскочил с постели, обливаясь холодным потом. Кристина спросонья испуганно подтянула одеяло к груди, ожидая увидеть в нашей спальне чудовище. И монстр на самом деле уже тогда был рядом с ней. Только они его и сдерживали, давая ему смысл быть другим, нежели тем, кем он являлся на самом деле и кем стал сейчас. Теперь я уже с трудом представляю себя прежнего.

— Господи, Макс! — простонала жена, хватаясь за сердце. От моего крика заплакал сынишка, и она бросилась к нему. — Ты меня до смерти напугал. Тише, тише, тише, — качая кроватку, переводила дух Кристина.

Я дрожащими руками беру с пола бутылку минералки и, открыв крышку, пытаюсь погасить полыхающий в душе огонь. Пью большими глотками, обливая себе шею и грудь, а самого трясет так, что зубы стучат о пластиковое горлышко.

— Ну что ты? — жена опускается на край кровати и прижимает меня к себе. — Что случилось? Дурной сон? — она целует меня в мокрый от пота лоб, словно в последний раз. Я помню это прикосновение ее нежных губ до сих пор.

— Да, кошмар приснился... — тихо бормочу я в ответ.

Ненавижу день космонавтики. Нет, не потому, что я какой-то там шизофреник или еще что в том же духе. Просто так случилось, что 12 апреля стал для меня роковым днем. В гороскопе ни о чем не предупреждали, лишь советовали, чтобы я не одалживал денег. Глупо все-таки верить звездам, тем более тем, которые открывают свои тайны астрологам. В воздухе чувствовалась весна. Стояла та пора, когда ты, ощущая дуновение ветерка и вдыхая полной грудью свежий, прохладный воздух, понимаешь, что лето не за горами. Сын прыгает на заднее сидение, жена садится рядом с ним и пристегивает его в детском кресле. Я никогда не разрешал ей ездить спереди. Все-таки до пассажирского сиденья в случае чего еще пара метров жизни. Загрузившись в машину, мы выдвинулись на природу. Я давно обещал вывезти семью на шашлычок куда-нибудь, где есть речка и лес и никого рядом. Только мы. Это должен был быть незабываемый отдых. Последнее, что я помню, — белый с перламутром внедорожник, который выскакивает нам навстречу. Белый с перламутром внедорожник. Ты всегда думаешь, когда едешь в машине, что скорость не так уж и велика. Что страшного может случиться, даже если ты врежешься? Просто немного ушибешься. Я заблуждался. Две тонны железа, несущиеся на тебя со скоростью почти в двести километров в час, производят неизгладимое впечатление. Но ты понимаешь это только потом. Сначала ты жмешь на тормоз и пытаешься уйти на обочину. Водитель на встрече делает то же самое. А потом темнота и пустота. Ни света в конце тоннеля, ни голосов — вообще ничего. В один миг пьяная сучка отняла у меня все, что я так боялся потерять.

Глава VI

*У вас не будет второго шанса
произвести первое впечатление.
Коко Шанель*

7 апреля 2015 года. Пять дней до Пасхи. 12 часов 10 минут.

Выпалив все дежурные реплики и познакомив своих сотрудников со Станиславом Владленовичем, Громов отпустил их на все четыре стороны. Выйдя в коридор, Сашок первым делом панибратски хлопнул ожидающего там сержанта по плечу и саркастически произнес: «Заходи. Он хочет теперь молодого и невинного тела».

Они молча прошли до кабинета по коридору с вечно мигающей люминесцентной лампой. Ее, наверное, не меняли с того самого дня, когда Сергей устроился в органы. Сам Сатана, казалось, поддерживал ее жизнеспособность, заставляя издавать противный для ушей звук и действовать всем на нервы. Они остановились у двери. Сергей положил ладонь на ручку и замер, всматриваясь в Пименова, чье бледное и безжизненное лицо походило на каменную скульптуру, а осанка заставляла вспомнить поговорку про проглоченный лом. Этот мужик из СКР не выглядел простаком, но и не был похож на человека при исполнении. Весь его вид указывал на то, что ему все кругом безразлично, и это приводило Сергея в

замешательство, поскольку он затруднялся дать четкую оценку этому товарищу. Стоило ли его бояться или напротив? Следователь перевел взгляд на Александра. Тот стоял позади и непринужденно копался в своем «самотыке», как Сергей называл все без исключения сенсорные телефоны. Складывалось впечатление, что Сашок мыслями был где-то очень далеко, и Сергея это злило. Он снова взглянул на Станислава Владленовича, и в его голову буравчиком стала вкручиваться идея послать этого красавца подальше и вообще отказаться вести с ним дело. Однако в памяти всплыло лицо Шрека, который голосом Сталина выдал отрезвляющее «расстрелять», и крамольная мысль сразу отступила. Даже жизнь на какое-то время показалась следователю веселее и интереснее.

— Прошу, — нажав в конце концов на ручку, распахнул дверь Сергей.

Войдя внутрь, Сашок указал на стол, и Пименов присел за него, положив перед собой толстую потрепанную папку. Некоторое время он ковырялся в ней, перекладывая бумаги и распределяя их в только ему известном порядке.

— Что вы стоите? По-моему, это ваш кабинет, а не мой, — вскоре нарушил он воцарившуюся в кабинете тишину.

— Правда? А я тут на секунду подумал...

— Зря подумали, — перебил Станислав Владленович. — Если вы считаете, что я буду учить вас работать, то ошибаетесь. Я здесь чтобы поймать того, за кем вы так безнадежно охотитесь. Я был немало удивлен, когда ознакомился с вашими делами.

— Ознакомился с моими делами? — Сергей развел руки и повернулся к Александру, но тот только скривил непонимающую гримасу и пожал плечами.

— Вы удивлены?

— Вообще-то, да! И, кстати, перестань мне выкать. Давай уже разговаривать нормально!

— Как скажешь. Так вот. Такие дела мы обычно откладываем в сторону. Сам понимаешь: доказательств — ноль. Убийцы такого рода действуют в разных городах, и найти их весьма непросто. Мы подключаемся, когда они допускают промах. Как в вашем случае. Сейчас дорога каждая секунда. Поэтому я здесь.

Станислав Владленович снова стал копаться в бездонной папке.

— А с чего ты взял, что мне вообще нужна помощь?

Пименов оторвался от своего занятия и несколько секунд внимательно смотрел на стоящего перед ним следователя. Затем вытащил дело и пододвинул его Сергею.

— Крынкин Вадим Викторович. Его распяли в лесополосе.

Сергей зашелестел бумагами.

— Варфоломеева Татьяна Леонидовна. Ее тело было найдено на мусорной свалке. Точнее сказать, части тела. Армен Оглы Мааш, ударение на последнюю «а». Посажен на кол. Бревнышко торчало из его шеи больше чем на метр. Джон Картер, американец. Ему разрезали горло и вытащили язык наружу. Здесь более ста человек, которых мы выделили в особую группу. Как видишь, пол, возраст и национальность совершенно разные. Финансовое положение жертв также сильно различается. Мне продолжать? — спросил Станислав Владленович, увидев, как Сергей застыл над какой-то фотографией.

Тот повернул к нему папку. На снимке был парень лет четырнадцати с отрезанными гениталиями, которые висели на крюке под потолком сарая.

— У тебя дети есть? — поинтересовался Сергей, но Пименов почему-то усмехнулся и лишь откинулся на спинку стула. — И что тебя так веселит?

— Дети у меня есть. Но, слава Богу, не такие. Это Гришин Константин Федорович двухтысячного года рождения. Его папа — известный предприниматель, чайный барон, так сказать. Этот так называемый ребенок вместе с двумя одноклассниками изнасиловал до полусмерти девочку. А папа, дав взятку судье, отмазал его. Лучше бы его все-таки посадили — целее был бы. Кстати, там есть еще две фотографии его товарищей. Им досталось не меньше. Теперь их кормят через трубочку манной кашкой. Видеть они больше не могут. Они вообще теперь ничего не могут, кроме как лежать и гнить заживо от пролежней до конца своих дней.

— А с судьей что?

— Там же, чуть дальше. Суд Камбиса.

— Чего?

— Был такой царь — Камбис. Давно. Очень давно, — Сергей и Сашок явно не понимали. — Короче, с судьи содрали кожу. С живого, в собственной квартире. Как видишь, наш парень любит разнообразие.

Станислав Владленович говорил об этом так спокойно, как будто бы вел беседу о милых котиках, соревнующихся за то, чтобы их лайкнули в соцсетях.

— И что, соседи ничего не слышали?

— А при вашем вчерашнем убийстве соседи слышали что-нибудь? — ответил он вопросом на вопрос.

— Миорелаксант?

— Бинго, Сергей! — щелкнул пальцами Пименов. — И есть еще кое-что, что объединяет всех убитых.

— Они все уроды, так ведь? — перебил его Сашок.

— А ты не так глуп, как показался мне на первый взгляд. Я дал бы этому маньяку медаль за избавление мира от всякой мрази, но, встав на путь палача, он сам стал мразью, и поэтому мой, да и ваш тоже, долг — поймать его. Я давно наблюдал за этими убийствами, но дал ход делу, только когда он оставил послание. Тут явно что-то не так. Либо он захотел славы, либо просто опростоволосился. Мне кажется, налицо первое. Быть в тени — это ведь неинтересно.

— Почему тогда он не хотел славы раньше?

— Это нам и предстоит выяснить.

— А при чем здесь этот? — вытаскивая очередную фотографию из дела и протягивая ее Пименову, спросил Сергей. — Он ведь пропал всего два месяца назад. Тело до сих пор не найдено. С чего ты его к мертвякам засунул?

— Парень с темным прошлым. Такие плохие мальчики просто так не пропадают. Да и родители его, чего греха таить, не белые и пушистые. Сами знаете: папа разворовывает госбюджет. Мама, Фролова Елизавета Викторовна, — глава администрации, алкоголичка со стажем. Та еще стерва. Но к ним претензий не предъявляют, так как они делятся с теми, кто наверху. Мы тоже не лезем, поскольку люди маленькие. Пока нам команду не дадут, мы не твякаем. Наше дело телячье: обоссался и стой. Вот только его родители уже достали всех с поисками. Давят на рычаги своей власти, а власть давит на нас, вот и приходится его везде пихать. Может, и всплывет что про него. Вас-то, наверняка, тоже напрягают?

— А то! Уже доста..., — хотел было выкрикнуть Сашок, но тут же получил локтем в бок от Сергея.

— Если бы это наш подозреваемый его убил, то было бы тело. Он не стал бы его

прятать.

— Никогда не прятал, — снова влез Александр.

— Согласен. Но почему-то чутье мне подсказывает, что этот сладенький пропал не просто так.

— Ладно, допустим. Я предлагаю начать с последней жертвы и пробить все сети аптек и фирмы, которые могут поставлять миорелаксант.

— Не могу не согласиться с тобой, Сергей. Нужно еще опросить соседей и коллег убитой, плюс родителей, родственников, друзей. Может, вспомнят что-нибудь странное в ее поведении или вообще просто что-то вспомнят. Начнем с морга, я хочу лично взглянуть на тело. Мы имеем дело с хитрым, к тому же хорошо образованным человеком. Стоит признать, мы сами начали прорабатывать его только после последнего убийства.

— Правильно, когда он почти во всю глотку заявил о себе. А до того? Сколько лет я посылал запросы и просил объединить эти дела в одно!

— Что было, то прошло. Сейчас пререкаться не будем. Сам знаешь, сколько людей пропадает и скольких из них находят убитыми. Дай Бог, если из десяти дел раскрывается одно, да и то по горячим следам или по наводке. К тому же над нами тоже есть начальство, и мы выше головы прыгнуть не можем. Да и вообще руки у нас связаны, пока нам не скажут «фас». Зато теперь... — Пименов загадочно замолчал и многозначительно ощерился.

Глава VII

Для спасения человека можно причинить ему и боль.

Публий Сир

Говорят, что меня накрыли простыней, и я пролежал три часа на дороге. Просто мое давление было настолько низким, что все подумали, будто я умер. И только реаниматолог обнаружил в мертвце живого человека, когда меня грузили в труповозку: я не заоченел, и это вызвало у него подозрения. В реанимацию мое брэнное тело попало с давлением 30 на ноль. Почему в искалеченном существе еще теплилась жизнь? Главврач реанимационного отделения Павел Алексеевич Денисов выдал тогда простую до безобразия фразу, которая звучала как приговор: «Пациент скорее мертв, чем жив. Еще минут десять и все». Но этот корявый, ломаный, как картофельная ботва, человек был истинным приверженцем клятвы Гиппократата и наперекор собственному прогнозу взялся за дело.

Как вам всем известно, в любой нашей госструктуре действует железное правило «не подмажешь — не поедешь». Каждый в курсе, как и с чем следует ходить на прием к врачу. Вряд ли вам улыбнутся, если вы не сунете в карман хрустящую бумажку. После этого вам, конечно, скажут: «Ну что вы, не стоило» или «Спасибо», но без этой нехитрой манипуляции вы не станете полноценным пациентом. До этого вы можете харкать кровью в кабинете, но врач будет упорно диагностировать у вас аллергию, и единственным, что вам пропишут, да и

то в лучшем случае, станет успокоительное, ну или активированный уголь, которым у нас лечат все — от головы до пятой точки. Суды, больницы, ЖКХ, полиция — все, абсолютно все ждут от тебя подачку. Нет, даже не ждут — требуют, словно ты им обязан. Наверное, только в нашей стране на одного работающего человека приходится с десятков чиновников-паразитов. Они штрафуют, проверяют, обязывают, при этом сами ни шута не делают, а живут на то, что им удастся содрать с других. И не дай Бог попасть к ним без денег или связей: тогда жернова этих структур пережуют вас и выплюнут в сторону. Это только по телевизору говорят, как все у нас хорошо и прекрасно, потому что говорят нам это те, кто вряд ли сталкивается с проблемами простого обывателя.

К моему удивлению, Павел Алексеевич оказался из категории людей, отличающихся непробиваемым упрямством. Он стоял на нестигаемой позиции, согласно которой врач должен в первую очередь помогать, а уже потом оценивать финансовое положение пациента. И делал он свою работу просто замечательно.

Гематома головы, разрыв селезенки, сломанные ребра, два из которых пробили легкое, тридцать два перелома остальных частей тела, и это не считая ушибов и рваных ран. Целым и практически невредимым было только лицо: подушка безопасности сделала свое дело, хотя осколки стекла и посекали голову. По биологическим законам моя смерть должна была наступить мгновенно, но, судя по всему, у кого-то имелись на меня свои планы. Костлявая с косой не спешила брать меня в свои холодные объятия. Видимо, с ней тоже нужно было договариваться. Старуха, похоже, прониклась нашим образом жизни и захотела получить десятипроцентный откат с моих похорон. Впрочем, бывали же случаи, когда люди выживали даже в авиакатастрофах. Может, и я каким-то чудом записался в ряды этих счастливиц?

За первую неделю мое сердце останавливалось три раза. Три раза врачи констатировали мою клиническую смерть, но Павел Алексеевич был не из тех, кто сдается так просто. Он ненавидел смерть гораздо больше, чем любой другой человек на нашей планете. Этот с виду корявый мужичок вырвал из ее цепких лап людей больше, чем сам Иисус Христос, когда творил чудеса, пребывая в нашем мире. Врачи реаниматологи с гордостью, а иной раз и с завистью, говорили о нем: «Наш при желании может заставить жить даже кусок мяса, если ему дать немного времени». Кем-кем, а врачом он был от Бога.

Я вспоминаю сейчас об этом с некоторой иронией, но тогда было не до шуток. Сознание вернулось ко мне спустя три-четыре недели. Адская боль охватила абсолютно все тело. Я не мог пошевелиться и ощущал себя, словно в пустоте, не чувствуя ни рук, ни ног, ни головы — только боль. Мне казалось, что я целиком и есть одна сплошная боль. Иногда мне слышались чьи-то шаги, отдаленные звуки людской речи. Постепенно я начинал чувствовать тело, но вместе с этим нарастала и боль. Сказать я ничего не мог, но ощущал, что в меня постоянно что-то вонзали, что-то шевелили во мне. Это заставляло сознание разрываться на части: в мозг словно входили раскаленные до бела иглы. Словом, первые впечатления были такими, будто я попал в Ад.

Чем больше проходило времени, тем отчетливее я ощущал свое переломанное и истерзанное тело. Иногда становилось настолько невыносимо, что хотелось раствориться в небытии, но разве можно сбежать из Ада? Но это было не самое страшное — самое страшное ждало меня впереди. Пока же я считал, что меня запихали в Преисподнюю, самое последнее пристанище, Геенну огненную. Как же я ошибался: на самом деле это были последние мгновения моего пребывания в Раю, ведь я тогда не знал всей страшной правды. Если ты думаешь, что ты в Аду, значит, ты пока еще точно не в нем. И поверьте мне: жизнь

иногда гораздо ужаснее смерти.

Глава VIII

*Давайте жить так, чтобы даже гробовщик
оплакивал нашу кончину.*

М. Твен

7 апреля 2015 года. Пять дней до Пасхи. 16 часов 05 минут.

Помещение морга было почти полностью обложено кафельной плиткой. В углу расположился большой холодильник. Над пластиковой столешницей, прикрученной к стене, висели на скотче разные бумажки с множеством записок. Под потолком светила одинокая огромная хирургическая лампа. Посередине стоял стол из нержавеющей стали. Из него на поперечном креплении торчали весы для взвешивания органов, чуть левее лежали инструменты, больше напоминавшие пыточные, нежели медицинские. С болтающегося, почти достающего до пола душевого шланга капала вода и тоненьким ручейком стекала через закрытый решеткой сток в канализацию.

— Ну, что я могу вам еще сказать? В принципе, обо всем, что я обнаружил, я сообщил Александру еще утром.

Дмитрий Геннадьевич, патологоанатом, натянул на руки медицинские перчатки и привычным движением откинул простыню с трупа, лежавшего на столе. Девушка уже была отмыта от крови. На ее голове в местах, где снимали кожу, чтобы добраться до мозга, остались большие швы. Еще один огромный шов в виде латинской буквы «У» красовался на теле и уходил под простыню. Что было там дальше, Сергею не хотелось ни видеть, ни знать.

— Она была изнасилована? — обходя стол, спросил Станислав Владленович.

— Если только по собственной воле.

— В каком это смысле? — прижимая к носу платок, с трудом выдавил из себя Сашок.

— А вы вообще читали материалы, которые я вам дал? — скрестив руки на груди и сурово сдвинув брови, возмутился Дмитрий Геннадьевич.

— Я в любом случае не в курсе, не успел ознакомиться с вашими исследованиями. Расскажите мне, — трогая защитную дырку в боку убитой, спокойно проговорил Пименов.

— Хорошо! — Дмитрий Геннадьевич оперся руками о блестящее железо стола и завис над трупом. — Соскобы, взятые мною для проверки ДНК, показывают, что за последние сутки у нее было трое партнеров.

— Ого! — расцвел в улыбке Александр. — Слаба на передок-то мадам, оказывается. С тремя за день!

— Заткнись, Сань, — рявкнул на него Сергей. — Продолжайте.

— Рана, на которую вы сейчас обратили внимание, была проделана острым предметом, медленно. Затем несколько раз орудие провернули внутри.

— Чтобы кровь не сворачивалась?

— Все верно. Тот, кто сделал с ней это, хорошо разбирается в анатомии. Нож, найденный на месте преступления, к ранам убиенной не имеет никакого отношения. Орудовали очень острым инструментом. Возможно, боевым или охотничьим ножом, но никак не кухонным. Раны ровные, сделаны в одно движение. Лезвие, способное нанести такие увечья, должно быть очень хорошего качества. Вы легко сможете понять это, если вспомните, как трудно разделявать мясо. Потом ей наложили повязку, чтобы кровь скапливалась в теле, а точнее, в брюшной полости. Это доставляет невыносимые страдания. На самом деле именно от этого она и умерла, а не от того, что ей разрезали рот и вырвали язык.

— А разве его не отрезали, как пальцы?

— Скорее всего, его зажали пассатижами или клещами, провернули и резко дернули. Но никак не отрезали, — свой рассказ патологоанатом сопровождал наглядными жестами. — Чтобы добраться до языка, ей в рот вставили нож, — он снова продемонстрировал это на себе, прикусывая ребро ладони. — Р-р-ра-а-аз, и все. Затем оттягивай нижнюю челюсть и орудуй щипцами. Убийца, должно быть, всю одежду забрызгал кровью.

— Почему тогда его никто не заметил? — удивленно поинтересовался Александр, стараясь не смотреть на тело.

— Он мог переодеться, что, скорее всего, и сделал. Не думаешь же ты, что он после того, как разделался с ней, пошел гулять по улице с окровавленным ножом в руках? А одежду сжег, наверное.

— Точно сжег, — согласился Сергей.

— Господи, меня сейчас стошнит, — пробормотал Александр, а его желудок выдал характерные позывные.

— Можешь не сдерживать себя, я потом все смою. Что естественно, то небезобразно. У меня позавчера студенты были, так мой ассистент Гошка, тот еще шутник, представляете, завернул бутерброд в фольгу и спрятал его в теле, а потом якобы обнаружил при вскрытии и со словами «У-у-у! Он еще тепленький!» надкусил прямо на глазах у изумленной публики. Так у меня тут полкурса такой рвотный фонтан устроили, что я почти час пол отмывал. А потом еще час приводил их в чувство. Точнее наоборот. А, впрочем... — он махнул рукой и заулыбался сам себе.

— Шутки медиков всегда отличаются особой остротой ума.

— А куда деваться, Сергей? С нашей-то работой. Если воспринимать все всерьез, можно и вздернуться!

— Да как к такому можно привыкнуть? — снова пересиливая себя, произнес Сашок.

— Человек — такая скотина, которая привыкает ко всему. Вы же не чувствуете отвращение, когда разделяете, например, говядину или свинину? Так и здесь то же самое.

— Но ведь тут-то не говядина со свининой, — пробурчал Александр.

— А какая разница, молодой человек? Если вас посадить в чан, простите, с дерьмом, то только поначалу запах будет казаться отвратительным, но уже примерно через полчаса-час ваши рецепторы адаптируются, и вы перестанете его замечать. Физиология!

— Ужас, — Сашок зажмурился, а его желудок снова дал знать о себе.

— А что насчет миорелаксанта? — отрывая взгляд от трупа и пристально смотря на доктора, спросил Пименов.

— Ну, что я вам могу сказать? Это вещество просто так не купишь. Да и на заказ его

сложно достать. Этот специальный препарат поставляется в реанимационные отделения по госраспределению, и за него отчитываются так же, как за морфий или любое другое вещество подобного типа. Вряд ли кто с ним будет связываться: сидеть никто не хочет.

— Но, тем не менее, в крови вы обнаружили именно его?

— Что есть, то есть. Из песни слов не выкинешь.

— А это вещество действует как наркотик? Я имею в виду, оно одурманивает человека?

— Отнюдь, Сергей. Оно просто расслабляет мышцы — так, что вы не в состоянии пошевелиться, вам даже слово сказать будет тяжело. Но всю гамму ощущений вы испытаете в полном объеме, поскольку боль оно не блокирует. Так что, когда ее резали, она прекрасно чувствовала все, что с ней происходило.

За спиной у доктора послышался омерзительный утробный звук: Александр склонился к полу, извергая из себя утренний завтрак.

— Прости-и-те, — вытер платком рот Сашок. — Мне нужно на улицу.

— Не волнуйтесь, я все уберу.

У Сергея зазвонил телефон, и он, взяв Александра под руку, вышел на свежий воздух. Станислав Владленович остался и еще задавал какие-то вопросы патологоанатому, но Сергей их уже не слышал. Телефон усердно звенел и высвечивал на экране абонента «Шрек».

Глава IX

*Я убежден, что страдание и боль других
доставляют нам удовольствие, и немалое.*

Э. Берк

Каждый хоть раз в жизни лежал в больнице. Ну, наверное, каждый. Может, кого Бог и миловал, но, к сожалению, не меня. Помню, как лежал на вытяжке: на руке и ноге аппарат Илизарова, рядом постоянная капельница, в носу кислородные трубки, на теле памперс, как на младенце, так как гадить приходится под себя. Если бы вы знали, как трудно заставить организм это сделать в таких условиях. Вы спрашиваете медсестру про судно, но она подходит, только когда от вас начинает реально вонять, поскольку вы лежите не по благу и у нее таких, как вы, еще десяток-другой. А если она и обращает на вас внимание, то делает свою работу так, будто бы имеет дело с мертвецом в морге. И при этом поливает вас всем своим небогатым запасом слов в надежде, что вы сдохнете завтра, а при удачном стечении обстоятельств — немедленно, и работы у нее поубавится. Ворочать обгаженное тяжелое тело полуживого человека не доставляет особого удовольствия, тем более, если не иметь с этого барыша. Однако каждый день тебя вращают, чтобы не было пролежней, и протирают влажной губкой. Ты как Владимир Ильич в Мавзолее: такой жедохлый и такой же бессмертный. А когда персонал проводит процедуры, то разговаривает о своем, будто бы ты

кукла, будто бы тебя и нет. А тебе приходится выслушивать их проблемы — мнимые проблемы по сравнению с твоими собственными.

Помню медсестру Анночку, примерно моего возраста, крашеную блондинку, страшную, как моя жизнь, безмозглую чукчу. Для того чтобы у нее засветились глазки, ей даже не нужно было отвечать комплименты и дарить цветы. Казалось, поднеси к ее уху включенный фонарик, и бац — девичьи глаза засияют, словно солнышко, ибо полное отсутствие мозга способствует проникновению света в черепную коробку. Зато течка у этой сучки была постоянно. Она напоминала мне одну собачку, болонку по кличке Нотка, которая постоянно гадила хозяевам на ковер. И как те ни пытались ее перевоспитать, она продолжала это делать, пока от нее не избавились навсегда. Анночка относилась именно к такой породе: перевоспитать ее было невозможно — если только избавиться. Она то и дело жаловалась на своего мужа Виктора, на то, что он не понимает ее, беспрерывно пьет пиво, смотрит футбол с друзьями и все такое, а она хочет внимания и мужского тепла. Жаловалась всем санитарам смены, а их было четверо, и каждый старался утешить ее по-своему, пока она не забеременела. Похоже, именно тогда я так сильно возненавидел предательство. Думаю, бедолага Виктор до сих пор считает, что ребенок от него. Интересно, что бы он сказал своей благоверной, если бы узнал, что Анночка и сама не в курсе, кто отец. Несчастный малыш был зачат на больничной койке. Иногда она совокуплялась на кровати, с которой только что вынесли покойника. Я, слава Богу, лишь слышал вздохи и скрип пружин, поскольку сам лежал за ширмой. Правда, частенько они попросту забывали ее закрывать.

Я постепенно приходил в себя. Упрямое тело восстанавливало зрение и слух. Обезболивающие, которыми меня пичкали круглосуточно, помогали отвлечься от мыслей о смерти. Какие же мы, люди, все-таки пустые и мелочные: живем так мало, а хотим получить все. Забываем о близких, плюем на себе подобных. А когда подкрадывается старость, понимаем, что жили как-то не так, что рядом никого. И тогда не нужны уже ни деньги, ни красивые женщины, ни хорошая еда — нужна семья, а ее как раз и нет. И вот уже старуха-смерть стучит костлявой рукой тебе по плечу и заносит косу над головой. Пустота — вот что ждет всех, кто хочет всего сразу и без меры.

Из-за сильного сотрясения я некоторое время не мог видеть и говорить, думал, что так и останусь глухонемым. Даже смешно теперь. Убогое состояние. Ты перестаешь бояться смерти и начинаешь мечтать о ней. Но, в отличие от меня, мой организм жаждал жизни. Я помню, когда только более-менее пришел в себя, ко мне пришли следователи, стали узнавать у врача могу ли я отвечать на вопросы. Тот мялся, говорил что-то невнятное, но потом появился Павел Алексеевич и разогнал их по матери, не стесняясь в выражениях, культурными в которых были только предлоги «в» и «на». А я тогда еще не понимал, при чем здесь полиция и зачем я им понадобился. Меня только волновало, почему жена и сын не приходят ко мне так долго. А может, это просто время так медленно идет? Под таблетками не ориентируешься в том, что до аварии называлось жизнью.

Полгода я провел в состоянии спящего овоща с короткими пробуждениями и жуткой болью во всем организме. Кто-нибудь из вас задумывался над тем, сколько точек в плитках подвесного потолка «Армстронг»? Конечно же, нет. Нормальному человеку это не придет в голову. Тысяча двадцать три, плюс-минус пять. Мой потолок состоял из десяти плиток в длину и шести в ширину, итого получалось шестьдесят одна тысяча триста восемьдесят семь точек — не на всех плитках их количество было одинаковым. Еще я узнал о том, что аппарат искусственной вентиляции легких делает десять-двенадцать качков

в минуту. А также о том, что если человека не поворачивать, когда он подключен к этому агрегату, то у него развивается воспаление легких с последующим отеком, который приводит к смерти. Такое, оказывается, случалось часто, но меня не коснулось. Я пережил почти всех, кого подсаляли в мою палату, этот морг для живых трупов, как называли ее между собой врачи. А самое смешное, что она была под номером тринадцать. У кого-то было неплохое чувство юмора! Палата на двоих, словно столик в ресторане — не хватало только свечей и цветов. Вот только предназначалась она для тех, кому не суждено было из нее выйти: единственная дорога из этого места вела на самый нижний и холодный этаж. Помню только одну женщину, которую перевели отсюда в обычную палату. За остальными приезжала старая, пожелтевшая от времени, ржавая каталка с облупившимися эмалированными краями и вечно скрипевшим, болтающимся в разные стороны передним колесиком. Даже представить себе не могу, скольких она перевезла мертвецов на своем долгом веку.

Ровно чрез шесть месяцев и двадцать четыре дня меня, наконец, переместили этажом ниже. Это было счастье. Мое тело, вопреки моему разуму, снова обхитрило смерть. Снова костлявая старуха лишь припугнула меня своей косой, хотя ее орудие и прошло почти у самого горла и не один раз. Что ни говори, а я был кому-то нужен, только вот еще не понимал кому и для чего.

Глава X

Подозрения дают право быть вероломным.

Сенека

7 апреля 2015 года. Пять дней до Пасхи. 17 часов 15 минут.

Сергей и Александр сидели в машине у подъезда убитой девушки и ждали Станислава, который задержался в морге.

— Похоже, пунктуальность не его конек, — Сергей щелкнул зажигалкой и выдохнул облако сизого дыма. — Так, что про него говорят? — снова затягиваясь, спросил он у Александра.

— Он чист, как младенец. Все, что про него известно, это то, что он отличный следак!

— Правда? А мы что с тобой, лаптем щи хлебаем?! — взъерепенился Сергей.

— Ты слушать будешь или как?

— Ладно, давай дальше!

— Короче, так. Его личное дело закрыто, но это-то и понятно. Еще удалось выяснить, что он вел почти все последние громкие дела.

— Например?

— Помнишь парня, который орудовал в Подмоскowie, в лесополосе? Ну, он еще трупы в колодцы скидывал?

— И?

— Так вот это Пименов его вычислил.

— О, как! А почему по телеку мелькал этот... Как там его?.. — Сергей щелкал пальцами, напрягая память.

— Потому что Пименов Станислав Владленович все лавры отдал ему, а сам предпочел остаться в тени. Он вообще не любитель публики и журналистов. Короче, серый кардинал.

— Да уж, — шуря глаза от сигаретного дыма, снова затянулся Сергей. — Робин Гуд хренов! А я думал, они только в Шотландии водятся.

— Ты хотел сказать, в Англии?

— Ага, в Англии. Свалился на мою голову!

— Говорят, он за всю жизнь не провалил ни одного дела.

— Отлично, — Сергей опустил стекло и смачно сплюнул в окно. Следом за плевком полетел бычок от сигареты.

Рядом по асфальту прошуршали шипованные шины, минутой позже из подъехавшего такси вышел Станислав.

— Легок на помине, — улыбаясь ему, сквозь зубы произнес Александр.

Станислав, прижав папку рукой к груди и подняв воротник куртки, подошел к их автомобилю и сел на заднее сиденье.

— Ну так что? Так и будем прохлаждаться?

— Я повторюсь еще раз, Стас. Мы перерыли всю квартиру. Больше там ничего нет. Понимаешь? Вообще ничего!

— Я верю тебе, — спокойно ответил Пименов, хотя Сергей и Александр пытались уловить в его голосе притворство.

— Ты ведь что-то задумал! А?! Я прав?! Ты что-то знаешь, но не рассказываешь нам! — оборачиваясь к Станиславу, повысил голос Сергей.

— Не понял?

— Да все ты понял! Не стоит играть со мной в эти игрушки! Через меня столько дерьма прошло, что я теперь печенью чувствую, когда человек что-то скрывает! А ты явно это делаешь, пытаешься выставить нас черт знает кем!

— И в мыслях не было! Мое дело — только помогать вам. Чего ты кипятишься? — Станислав Владленович посмотрел на собеседника с искренним недоумением. — И, если ни у кого нет возражений, я бы хотел все-таки осмотреть место преступления. Конечно, если ты все свои претензии мне уже высказал.

— Ну, пошли.

Станислав, словно кот, ходил по квартире, ступая чуть ли не на носочках и осматривая все вокруг внимательнейшим образом. Время от времени он прикладывал руку к той или иной вещи и на мгновение замирал, будто пытаясь уловить энергетику предмета.

— У меня ощущение, что мы находимся на «Битве экстрасенсов». Я не удивлюсь, если он скоро начнет вызывать духов, — прошептал Сергей на ухо напарнику, после чего уже в полный голос воскликнул: — Я же сказал, что мы все тут прошарили!

— Безусловно.

— Что ты хочешь найти?

— Ничего особенного. Просто знакомлюсь с местом. Хочу, так сказать, прочувствовать его на себе.

— А-а-а-а, понятно, — Сергей закусил нижнюю губу и тихо добавил себе под нос: — Это черт знает что...

— А как насчет родителей потерпевшей? — проводя пальцем по столешнице, поинтересовался Станислав.

— Опознание провели соседи. Мать живет в другом городе, отца нет. Есть еще брат, но никто не знает, где он. Так что, в принципе, ждем только мамашу, которая должна приехать завтра. Но и так понятно, что это ее дочь. Соседей тоже обошли поквартирно. Большинство молчат. Немногие хотят общаться с нами, сам понимаешь. Остальные говорят, что к ней постоянно заходили мужики. Жила вроде бы с одним, но только он уедет, так к ней другие кабели бегут.

— Естественно, кто ходил, не запомнили?

— Знали только того, с кем жила. По-моему, Максимом зовут. Сейчас его ищем. Говорят, он хромал. То ли военный, то ли после аварии сильной. Короче, как всегда, все свидетели — старые бабки, а они любительницы напридумывать всякого. Насмотрятся сериалов, и давай гнать такое, что потом хрен поймешь, где правда, а где их фантазии.

— Она работала? — Станислав поднял фоторамку со столешницы и посмотрел на счастливую пару.

— Да ясен пень. Это, кстати, тот самый Максим, ее сожитель.

— Вроде счастливы вместе. Фотка такая, что и позавидовать можно, — Пименов повернул снимок стоящим позади него следователям.

— Это ты еще ее фотки в соцсетях не видел. Там вообще все шоколадно. Как говорится, у меня полторы тысячи друзей в «Одноклассниках» и ни одного на дне рождения!

— Тут с тобой не поспоришь, — Станислав показательно положил фотографию на место снимком вниз. — А что коллеги?

— Прости, но мы пока тут с тобой возимся, хотя планировали в это время посетить ее место работы, — недовольно развел руками Сергей.

— На ней были какие-нибудь вещи? Драгоценности, украшения?

— Да она была обвешана ими, как новогодняя елка! — воскликнул Александр, но тут же смолк, получив локтем под ребра от Сергея.

Пименов, подняв бровь, вопросительно посмотрел на них.

— Все в участке, в вещдоках лежит. Хочешь взглянуть? — с показным пренебрежением спросил Сергей, видя, что Станислав что-то не договаривает или пытается проверить его. Это снова начинало его бесить чуть ли не до дрожи в теле. Игра в шарады не входила в его планы, а выглядеть полным придурком перед Александром ему и вовсе не хотелось.

— Я бы взглянул на то, что вы обнаружили.

— Чего только сюда приперлись?! — пробурчал Сергей и с недовольной миной шлепнул ладонью о дверной косяк.

— А ну-ка стой, — Станислав подался вперед, приседая с каждым шагом все ниже и ниже, пока не оказался под кухонным столом.

— Ты чего? Потерял что?

— Кусочек мрамора, окрашенный в голубой цвет. Интересно, — он, кряхтя, вылез обратно, уложил находку в целлофановый мешочек и спрятал в карман пиджака.

— Там в сортире кошачий лоток стоит. Может, еще оттуда дерьмеца захватишь? Так, на всякий случай. А что? Может, ДНК совпадет с покойной, и мы пойдем, что это кот ее завалил на почве ревности? Возможно, единственным, кому она не давала, был именно ее питомец?

— Хорошая шутка, я оценил. Нужно будет запомнить, — Пименов стряхнул рукой пыль

с плеча куртки.

— Я не шучу! При чем здесь эта мусорина? Может, кот притащил или упала, когда цветы пересаживали. А может, я на ботинках только что принес. Да мало ли откуда мог взяться этот осколок? Тут тебе не столица, а Россия! И нечего играть в матерого следака, который все умеет и все знает! — вспыхнул Сергей и покрылся от злости пурпурными пятнами.

— Я, в общем-то, и не пытаюсь этого делать, — Станислав посмотрел на часы. — И я бы все-таки хотел посмотреть вещдоки, — решительно сказал он и поспешно вышел из квартиры.

— Господи, за что мне это?! — Сергей вскинул руки вверх, словно, и правда, обращался к создателю.

Александр спрятал мобильник в передний карман джинсов и ехидно усмехнулся.

Глава XI

Если бы смерть была благом —

боги не были бы бессмертны.

Сафо

Я никогда не думал, что боль от утраты близких похожа на страх. Чувства, которые я испытываю, когда мне сообщают, что моей семьи больше нет, похожи на внезапный испуг. Та же дрожь, то же беспокойство. Трудно глотать, в горле стоит ком размером с теннисный мячик. Мое тело будто проваливается под землю, и я смотрю на мир со дна глубокой ямы. В голове шумит. Палата сначала сужается, а потом расширяется, и даже кажется, что воздух в ней дрожит, как над нагретым асфальтом в летний зной. В этот момент между мной и миром появляется невидимая, мягкая, как домашняя простыня, перегородка, отделяющая меня от реальности, от тех людей, которые сообщают мне о трагедии. Невольно скользит по щеке слеза, затекает за ухо. Мне все говорят и говорят, словно читают по бумажке бессмысленный, неживой текст, заученный наизусть на такие случаи. А у меня перед глазами семья, а в ушах — голос Кристины.

— Чувствуешь? Вот опять, — она улыбается, прислоняя мою руку к себе.

— Чувствую.

— Как назовем?

— Решай сама. Я назвал сына, ты называй дочку.

— Пусть будет Викой!

Они сидят рядом и без умолку несут что-то непонятное, словно не по-русски, а я лежу и смотрю в потолок, сжимая зубы. Слезы льются за шею. Они разговаривают больше для себя. А я... я не хочу верить в это. Мой мозг разрывается. Мой разум отторгает реальность происходящего, как организм отторгает чужеродный орган. В таких случаях в него вводят

лошадиные дозы иммунодепрессантов — препаратов, подавляющих иммунную систему, и в итоге орган приживается. В конце концов, и я смиряюсь, осознаю, что все случившееся — правда. Иначе моя семья давно бы уже навестила меня, но их нет. Нет ни звонкого смеха сына, ни теплого прикосновения жены. Есть только холод и беспросветная бездна, черная космическая дыра, пожирающая меня изнутри, будто какой-то паразит.

На ум приходит только один вопрос. Практически сразу. Мгновенно. Словно вспышка молнии пронзает меня. Кто виноват? Я должен сначала кого-то обвинить в случившемся, чтобы мне стало легче. Как ни странно, на эту роль сначала лучше всего подходит Бог. Прочие обвиняемые появятся позже, а Бог — именно то, что сейчас нужно. Его можно упрекать в чем угодно, не взирая ни на что. Ведь его нет рядом, когда я больше всего в нем нуждаюсь. Но тогда, черт меня подери, зачем он нужен в моменты, когда я могу спокойно обойтись и без него?!

И снова перед глазами невидимая пелена.

— Смотри, пап, — кричит сын во весь свой звонкий голос и протягивает руку. В ладошке что-то зажато.

Слезы текут, и я протираю ладони к своим воспоминаниям. Это единственное, что теперь осталось у меня. А они все что-то обсуждают трагическими голосами. Они играют в театре, они актеры, а я невольный зритель их пьесы — никчемной, ничтожной и никому не нужной.

— Интересно, что там? — еле бормочу я пересохшим ртом, прикладывая недюжинные усилия, чтобы разомкнуть слипшиеся губы.

Они слышат, что я что-то говорю, и замолкают. Смотрят на меня, слушают, что именно я хочу им сказать. А может, ждут от меня признания или покаяния? Но я говорю не с ними, я общаюсь с сыном. Их вообще сейчас для меня не существует. Ничего и никого сейчас для меня нет. Только семья. В последний раз.

— Смотри, пап, — пухлый кулачок медленно разжимается.

Я улыбаюсь, и слезы льются уже ручьем. Я не в силах сдерживать эмоции. Теперь я мертвец — без души, без сострадания. В этот день я умираю как человек. До этого я еще умел чувствовать. До этого я был самим собой. Но чертов мир и гнусные люди постарались на славу, чтобы я превратился в зверя, чтобы стал тем, кем, по сути, является большинство из представителей человечества. Разница лишь в том, что ваши пороки спрятаны внутри вас, а мои вырвались наружу. Я превратился в вас, только без привычной маски благопристойности, без обманчивой личины, без ваших выдуманных правил, без жалости. Я стал млекопитающим животным — тем самым, кем с биологической точки зрения и являются люди, не выше и не ниже. Гнев, пульсируя, откатывается в сторону, и я снова слышу своего первенца. Я отвечаю на его звонкий голосок.

— Это паук, правда?

Сын смеется и убегает. Кристина машет рукой и растворяется, словно дымка. А они склоняются над моим телом, прислушиваются к тому, что я говорю. Я отключаюсь. Как потом выяснится, на двое суток.

К тому времени, как я пришел в сознание, в меня уже влили пару капельниц и всадили несколько уколов. Накачали какой-то ерундой, так что мое тело, кажется, приобрело аморфное состояние. Я теперь как медуза, в которой только десять процентов плоти, а остальное — вода. Как амеба величиной в человеческий рост, безвольно лежащая на койке. А еще я привязан — на всякий случай. Как говорят санитары, порывался уйти к своей семье.

Я лежу, в голове ветер. Разум под действием антидепрессантов и успокоительных находится где-то далеко, отдельно от моего организма.

— Очнулся?

Поворачиваю голову на голос. Рядом на стуле сидит священник. Немолодой, хотя, возможно, это борода и усы его старят.

— Я слышал о твоем горе. Скорбь может завести человека в жуткие места. Плакать близких нужно, но не нужно плакать их вечно.

— Проваливай, — отворачиваюсь от него и закрываю глаза.

— Меня зовут отец Петр.

— Да хоть Феликс Эдмундович. Убирайся, священник. Мне не нужны твои проповеди!

— Хорошо, Максим. Хорошо, — голос смиренный и теплый.

Он хлопает меня по руке и уходит. Удивляюсь, откуда он знает о том, что произошло и как меня зовут? Какая-нибудь медсестра сболтнула? Впрочем, служителей церкви часто приглашают к безнадежно больным. Это была моя первая встреча с Петром. Потом такие встречи станут происходить все чаще. Не знаю, что бы со мной стало, если бы он больше не пришел ко мне.

Глава XII

Истина большинством голосов не доказывается.

Поговорка

8 апреля 2015 года. Четыре дня до Пасхи. 7 часов 10 минут.

Станислав остановился у обшарпанной двери подъезда, преградившей ему путь.

— Домофон. Чудо враждебной техники.

Он скривил раздосадованную гримасу и озадаченно постучал по стальной преграде кончиками пальцев. Ему пришлось подождать какое-то время, пока из подъезда не вышел мужчина средних лет с пакетом мусора. Пименов нырнул внутрь. Он буквально взлетел на последний этаж сталинской четырехэтажки по ступеням, иногда перемахивая сразу через две. Большая темная лакированная дверь не менялась, наверное, с самой постройки дома. Станислав провел ладонью по блестящему покрытию, что-то хмыкнул себе под нос и громко постучал несколько раз по дереву. Затем опять. После третьего раза за дверью послышалось шевеление. Сергей прислонился к глазку, потом исчез и только минут через пять, наконец, открыл гостю. Он высунул голову из щели, словно черепаха из панциря, облизнул губы и осмотрелся вокруг.

— Впустишь или как? — Станислав хитро прищурился.

— Чего приперся?! Мы же договорились встретиться в участке!

— Да, в семь, — Пименов вытянул руку и пару раз ударил указательным пальцем по циферблату часов. — Двадцать минут восьмого. Мне просто стало интересно, на какое такое

ночное задание ты пошел.

— Рот закрой! — рявкнул Сергей, потирая щетинистый подбородок, и захлопнул дверь.

— Ну, как скажешь, я особо и не напрашивался! В машине подожду! — прокричал Станислав и поспешил на выход.

Через двадцать минут Сергей влез в автомобиль.

— Вы бы так бандитов искали! Даже спрашивать не хочу, откуда ты узнал, где я.

— Все тайное рано или поздно становится явным. Я бы посмотрел на реакцию твоей жены, — Станислав повернул ключ в замке зажигания, и мотор тут же ожил.

— Э-э-э! Знаешь, что? Давай-ка не будем перетрясать чужое нижнее белье и лезть не в свое дело! Еще раз начнешь учить и говорить про это, дам по зубам. Понял?! Не посмотрю на субординацию! Это моя жизнь, и я как хочу...

— Так и спускаю ее в сортир. Ты это хотел сказать? Или я тебя перебил на чем-то очень важном?

— Как-то так, — Сергей выкрутил кисть руки в непонятном жесте.

— Так значит так. Но ты опоздал, и мне пришлось навести справки.

— Ничего себе справки! — достав из кармана сигарету, Сергей закурил.

— Если хочешь, чтобы я не лез в твое пространство, давай сразу расставим все точки над «і». Я пришел помогать, а ты плюешь на это, что мне не особо нравится. Будь так любезен впредь, если уж мы договорились, делать то, что обещал, а иначе...

— Что иначе?

— Стану находить тебя сам. Как сегодня. А если понадобится, то и свечку держать, дабы ты не позабыл о том, что я существую. Чтобы знал, что я рядом. Так сказать, буду твоим ангелом-хранителем. Знаешь, такой белый, с крыльями, за спиной у человека всегда находится? Так вот я не думаю, что ты будешь рад такому хранителю, как я.

— Ладно-ладно, убедил! Хорош! — Сергей опустил стекло и выбросил окурок на улицу.

Зайдя в участок, Сергей поздоровался с дежурным. Станислав, уткнувшись в телефон, лишь кивнул головой.

— Кофе? Чай? — снимая ветровку и бросая ее на стул, поинтересовался Сергей.

— Кофе. Черный.

— Так что ты накопал такого, чего не заметили мы? Кроме крашеного кирпичика?

— Есть кое-что, — Пименов быстро подошел к стоящему в углу сейфу, достал ключ и открыл тяжелую дверцу.

— Вот это да! — лицо Сергея вытянулось в овал, а руки сами по себе разошлись в стороны от удивления. — Откуда у тебя ключ, мил человек?!

— Александр отдал, он спешил домой вчера, как и ты... — улыбнулся Станислав и положил на стол пакет с золотыми украшениями.

— Ясно, — протянул Сергей, кусая нижнюю губу и недовольно кивая головой. — Надо будет дать ему затрещину, чтобы так больше не делал! Выхватит дуралей леца по полной, когда появится!

— Да ладно, брось. Говорю же: парень спешил, — передавая ключ Сергею, произнес Станислав. — Да и что тут такого? Дело-то общее делаем. Я оттуда ничего не взял, а если не веришь, можешь сам посмотреть, — Пименов кивнул на стальной ящик.

— Да я не о том! Просто нужно было меня предупредить, а не самовольничать. Ладно. Так что ты там накопал, мисс Марпл ты наша?

Станислав высыпал на стол золотые изделия.

— Вот.

— Что «вот»?

— Необычного ничего не видишь?

— Нет, — ответил Сергей, разгребая золото указательным пальцем.

— Смотри, — Пименов взял со стола авторучку и поддел ею небольшой перстень с квадратным темно-фиолетовым камнем.

— И что?

— Тебе не кажется, что он отличается от всех остальных? Он больше похож на мужской.

— Ну да, явно не женский. Только слишком маленький, — согласился Сергей, примеряя перстень на свои пальцы.

— Это смотря на чью руку, — Станислав Владленович натянул кольцо на мизинец. — Но и это еще не все: посмотри, что внутри, — он резко снял украшение и передал его Сергею.

— «Вика»... И что это значит?

В кабинет зашел Александр.

— Здорово, парни! Что, безделушки рассматриваете? Вы словно супружеская пара в ювелирном магазине. Уже нашли общий язык и интересы? — он заливисто заржал.

По-видимому, с утра только у него было хорошее настроение. Сашок подошел к столу и с улыбкой посмотрел на разложенные на нем драгоценности.

— О чем спор? Может, и я на что сгожусь? Третьим могу быть, например.

— Хорош паясничать!

— Да вот, колечко интересное. Думаем, его убийца специально надел жертве на палец.

— Мужской перстенок у женщины, да еще и с гравировкой женского имени внутри. А если он оставил его нам специально? То для чего?

— Серег, а может, его в огонь кинуть?

— Это еще зачем?

— Ну как же? — Александр выдержал драматическую паузу, наблюдая, как смотрят на него с вопросом остальные. Вдоволь насладившись их недоумением, он проделал руками магические жесты и произнес таким голосом, будто поведал страшную тайну: — А вдруг это кольцо Всевластия, и в пламени на нем появятся секретные знаки? Может, это кольцо Сауро-о-о-на!

— Да иди ты к черту, придурок! — Сергей бросил перстень к остальному золоту. — Клоун!

— Вы чего? «Властелин колец» не смотрели что ли? — Сашок налил две кружки и, замерев над третьей, обратился к Станиславу: — Кофе или чай?

— Кофе! Черный! — в один голос ответили коллеги.

— О'кей! Да ладно вам тут шерлоков холмсов из себя строить. Кольцо, гравировка... Мужа ее гражданского задержали, скоро к нам привезут! Говорят, у друга прятался, а как про женушку спросили, сразу наутек. Сахар класть?

— Да, одну ложку.

— Ребята его скрутили. Короче, по ходу это он ее завалил. Наверное, застал ее с кем-то, вот и разделался сгоряча.

— Посмотрим, — Станислав взял у Сашка чашку. — Посмотрим.

— Да сто пудов он! А вы тут целую стратегию, небось, уже разложили. Все у вас там, в

Москве, по-мудреному, с подвыподвертом. А у нас в России все проще. К народу ближе нужно быть, к народу!

— Не слишком ли просто, — Сергей почесал затылок. — Ладно, пока с ним не поговорим, не узнаем.

— Поговорить, конечно, нужно. Да только вряд ли это он, — Станислав сделал глоток кипятка. — Сахара много положил.

Глава XIII

Оправдание виновного — приговор судьбе.

Публий Сир

Знаете, что такое беспомощность? Я думал, это когда ты прикован к собственной кровати. Оказывается, ошибался. Физическая беспомощность — это, конечно, неприятно, но ранит не так сильно, нежели, когда тебя выставляют виновным в том, чего ты не совершал. Передо мной сидят два следователя (Хлебалин и Самойлов), доводят до моего сведения, что я вылетел на встречную полосу, скорее всего, не справившись с управлением, и из-за этого потерял свою семью. Жена местного депутата и уважаемого человека Фролова Елизавета Викторовна подала на меня в суд за причиненный ей материальный и моральный ущерб (в аварии погибла ее любимая собачка, йоркширский терьер), а также за ущерб здоровью (она сломала руку и три ребра). Бедняжка лечилась в Германии и ходила к психологу, так как не могла долгое время оправиться от стресса. Они рассказывают мне о том, что в первую очередь была проведена судебно-медицинская экспертиза и что в моей крови обнаружен кодеин, который относится к запрещенным препаратам, хотя и содержится в некоторых лекарствах от простуды. Сразу дают понять, что опровергнуть это уже нельзя и что это станет отягчающим обстоятельством в суде. Говорят, что результаты следственного эксперимента, проведенного на месте аварии, и назначенной затем автотехнической экспертизы тоже оказались не в мою пользу. Что тут сказать? Если тебя упорно называют верблюдом, отплевываться бесполезно. Я слушаю рассказ об очевидцах, которые все как один утверждают, что я грубо нарушил правила и вылетел на встречку. Мне в лицо тычут фотографиями, на которых запечатлены искореженные автомобили. Что-то бормочут, словно разговаривают сами с собой. Я кручу на мизинце перстень с темным камнем. Его подарила мне жена в уверенности, что он принесет мне удачу, однако удача пока ко мне не спешит.

Мое внимание привлекает музыка из соседней палаты. Я невольно прислушиваюсь к ней вместо того, чтобы слушать этих двух холуев.

Снова за окнами белый день,
День вызывает меня на бой.

Я чувствую, закрывая глаза, —
Весь мир идет на меня войной.

Прикрываю веки. Слез больше нет. Ничего нет. Я понимаю, что никто не хочет отвечать за смерть людей. Тем более, кто же знал, что я выживу? На покойников удобно все списывать. Нет человека — нет проблемы. Но я есть, я дышу и живу, и я проблема. Проблема для каждого из них. Я прекрасно знаю, как это делается. Пока я валялся в реанимации на больничной койке между жизнью и смертью, адвокаты суетились. Человек при таких связях и деньгах не будет биться за справедливость. Никто не будет. Я бы тоже не стал и поступил, наверное, так же. Но сейчас я по другую сторону баррикад. Хлебалин и Самойлов пытаются объяснить мне, что ждет меня дальше.

Дальше... А дальше я решил бороться с системой. Глупая идея. Сейчас мне даже смешно вспоминать, что я хотел тогда добиться правды. Ведь, находясь в палате один на один с этими так называемыми «сыщиками», я четко осознавал, что и они, и я знаем правду, вот только у каждого она своя. У них она намного тверже, подкрепленная приказом сверху и даже, возможно, деньгами. Они понимают, что я невиновен, но для них смерть моих близких — всего-навсего чужое горе. А зачем им думать о ком-то постороннем? Главное, у них самих есть теплый дом, сытое брюхо и шелест купюр в кармане. Немного по-другому начинаешь размышлять, когда тебя всего этого лишают. Вместо иллюзии справедливости (в принципе, ты готов и на нее, чтобы хоть как-то притупить боль и смириться), тебе показывают огромную фигу и, смеясь во весь поганый оскал, еще и делают виноватым, ставя жизнь сына и беременной жены вровень с какой-то собачонкой и издевательски требуя к тому же возмещения ущерба! К горлу подкатило и встало враспор. От ярости перед глазами дрожала кровавая пелена. Я медленно поднялся, опираясь о железную спинку кровати.

— Я вас понял. Простите, но мне что-то нехорошо, — как ни в чем не бывало отвечаю я. — Наверное, еще действуют принятые утром лекарства. Если ко мне есть еще вопросы, я отвечу на них позже.

— Да нет, что вы! Если вам все понятно, то распишитесь здесь, — Хлебалин протягивает бумагу, я ставлю автограф. — И здесь, — переворачивает он лист.

— Все?

— Да, конечно. Отдыхайте.

Тут не придерешься: сама вежливость, когда им это нужно. Что же, я тоже умею играть в эти игры.

— Спасибо, — киваю им головой и падаю на кровать, как только закрывается дверь палаты.

Я только всхлипываю в подушку, кусаю ее, ору, прижимая ее плотно к лицу, чтобы не было слышно. Обидно до безумия. Обидно от того, что всем плевать на гибель моих родных. Я потерял то, что так боялся потерять, но встретил со стороны других лишь холодное безразличие. Никогда в жизни я еще не чувствовал себя настолько раздавленным и униженным. Они уже договорились между собой и все решили без меня! Нахапали взятки, и теперь эту бюрократическую машину уже не повернешь вспять. Хотя я надеюсь на обратное. Пока еще надеюсь.

Прошел день. В мою палату заходит адвокат — высокий стройный блондин с залезанными назад волосами в дорогом, переливающимся на свету сером костюме. Новехонькие ботинки еще хрустят при каждом шаге. От него за версту разит высокомерием,

гордыней и уверенностью в том, что я букашка в этом мире и ему ничего не стоит при желании раздавить меня прямо здесь и сейчас. Он с явной неохотой пододвигает ногой табуретку к моей кровати, брезгливо проводит по ней пальцем и, скривив недовольную гримасу, садится, положив свой портфель на колени.

— Максимов Максим Юрьевич?

— Да, — я приподнимаюсь с кровати. — Можно просто Макс, — протягиваю руку, чтобы поздороваться.

Он смотрит на меня, словно на вошь, слегка ухмыляясь кончиками губ.

— Цукерман Иосиф Давыдович. Я представляю семью Фроловых, а конкретнее Фролову Елизавету Викторовну.

Я, как придурок, держу руку в воздухе в надежде, что ее все-таки пожмут — хотя бы ради приличия. Этот адвокат в дорогом блестящем костюме напоминает мне акулу, кружащую вокруг пловца в ожидании, когда в воду попадет первая капля крови, чтобы тут же разорвать тело в клочья. Не спеша опускаю руку и вытираю вспотевшую ладонь о бедро, а эта самодовольная сволочь начинает копать в своем портфельчике.

— Так вот, молодой человек, что я вам могу сказать, — он достает авторучку и листок бумаги, пишет на нем что-то и протягивает мне. — Как только вас выпишут из больницы, будет назначен суд. Моя клиентка подает на вас иск с целью возмещения ущерба. Если не хотите остаться совсем без штанов, — он складывает губы так, что становится похожим на утку, — не стоит артачиться. Признайте все, как есть, и я уговорю ее снизить сумму иска.

— Как у вас все просто. А ничего, что я потерял свою семью? — прикрываю ладонью рот, чтобы откашляться.

— Соболезную вам, конечно, — естественно он не соболезнует и даже не сочувствует мне. Ему вообще наплевать на все, что произошло. Его интересует только гонорар, который ему платит клиент. Защищать ублюдка, выродка, мразь или еще что-то подобное ему не впервой. Такова работа адвоката. — Но в вашем случае смягчающих обстоятельств я не вижу. Рад был познакомиться. И до встречи. Суть мысли, я думаю, вы уловили, — он хлопает себя по коленям и поднимается. — Подумайте о том, что я вам сказал. Семью назад не вернешь, а вам еще жить да жить.

Когда я только приходил в себя, никто не посещал меня, кроме отца Петра и главврача реанимационного отделения, который заходил ко мне в палату, чтобы поинтересоваться моим самочувствием. В общем-то, навещать меня было и некому. Однако стоило мне немного поправиться, как на меня тут же набросилась стая гиен. Когда они поняли, что я на тот свет не собираюсь, стали рвать меня на части. Я хочу умереть. От переживаний я не ем по несколько дней. Но им все равно, они приходят, допрашивают, будто я преступник. Иногда я жалею, что таковым не являюсь: хотя бы было, за что оправдываться. Мне то и дело звонят какие-то люди, предупреждают, угрожают. Даже следователи намекают на то, чтобы я не возбуждал и молчал. Мол, дадут условный, и дело с концом. Мол, ерунда. А я хочу умереть. Я не боюсь смерти — напротив, мечтаю о ней.

Все это было до того момента, когда я сорвался. Сорвался безвозвратно в бездну. А тогда в голове крутилась фраза из мультфильма «Маугли»:

— Мы принимаем бой!

Я кричал это в одиночку, стиснув зубы, сидя на холодном полу больничной палаты.

Глава XIV

Безумие заставляет человека взять Бога за горло.

Ж. Батай

Больше года я отъедаюсь на казенных харчах. Мое тело пропитано ароматами хлорки, лекарств и местной столовой. От зловония собственной мочи меня выворачивает, равно как и от стойкого запаха антибиотиков. Благо, Павел Алексеевич поместил меня в отдельную палату. Наверное, я для него вроде подопытной морской свинки, которая вопреки всем биологическим законам осталась в живых. Он заставляет меня заново учиться ходить, орет, как черт, чтобы я наконец-то пришел в себя и начал думать головой, а не тем местом, на которое я обычно хочу плюхнуться от усталости и немощности. Заставляет меня есть, пить, заставляет заново начинать жить. Возится со мной, как с родным, только вот непонятно зачем и почему. Денег я никому не давал, да и не думаю об этом. Я вообще ни о чем не думаю. Просто хочу помереть, чтобы быстрее оказаться вместе со своей семьей. Почему-то хочется верить, что там, где они сейчас находятся, им не хватает меня. Атеист внутри тебя умирает со смертью близких. А может, этому способствует отец Петр и его проповеди? Он приходит редко, когда мне совсем плохо — будто чувствует. Я поначалу гнал его. Господь Бог, которому он служит, не уберег мою семью, а теперь он призывает меня обратиться к вере. Что за бред?!

Я просыпаюсь. Глаза открывать не хочется. В голове только одна мысль: «Надо же, Макс, ты все еще жив! Как жаль. Старуха с косой снова прошла стороной. Интересно, чем ты ей так насолил?».

— Все, что Бог ни делает, все к лучшему.

Открываю глаза и вижу: сидит он и читает маленькую книжицу, похожую на молитвенник.

— Опять ты?! Я же вроде ясно сказал, чтобы ты убирался ко всем чертям вместе со своими проповедями!

Отец Петр спрятал книгу в карман.

— Я-то уйду, а с кем останешься ты?

— Лучше одному, чем с тобой!

— Ты и так один, разве не видишь? Я тебе не друг и уж тем более не родственник. Так что можешь не беспокоиться за свое одиночество: я ему не помешаю. Наслаждайся!

— Тогда чего приперся? Что тебе от меня надо? Хочешь подачки для своего Бога? Так не получишь! Хочешь, чтобы я тебе душу изливал? Не будет этого!

— Ну, что же. Значит, время еще не пришло. Ладно, зайду попозже. Отдыхай, — он не спеша поднимается, достает свою книжицу обратно из кармана и кладет рядом со мной на тумбочку.

— Забери свою макулатуру с собой!

Но он только улыбается в ответ на мою грубость и молча выходит из палаты.

Темно-фиолетовая книжечка в мягком виниловом переплете с золотым крестиком посередине обложки сиротливо лежит на тумбочке несколько дней, прежде чем я все-таки обращаю на нее внимание и беру в руки. От нечего делать я с презрением просматриваю написанное в ней и не могу понять, в шутку или всерьез странный священник оставил мне это для размышлений. Но я прочитываю ее за пару дней и затем перечитываю еще раз. А потом обнаруживаю себя сидящим над ней с карандашом и подчеркивающим то, чему учил Бог. Раньше я думал о нем по-другому. Теперь я уже не гневаюсь на него за то, что он не вмешался в тот роковой день в наши судьбы, теперь я понимаю, чему он учит и чего требует.

— Сколько славилась она и роскошествовала, столько воздайте ей мучений и горестей. Ибо она говорит в сердце своем: «сизу царицею, я не вдова и не увижу горести!». За то в один день придут на нее казни, смерть и плач и голод, и будет сожжена огнем, потому что силен Господь Бог, судящий ее^[1].

Обвожу изречение, а перед глазами стоит адвокат той стервы, пеняющий мне на то, что я виноват в смерти какой-то жалкой псины. Зубы от злости впиваются в карандаш, он похрустывает, я читаю дальше.

— И поражу Еламитян страхом пред врагами их и пред ищущими души их; и наведу на них бедствие, гнев Мой, говорит Господь, и пошлю вслед их меч, доколе не истреблю их всех^[2].

Только много позже я узнаю о том, что произошло на самом деле. А сначала будет суд, на котором меня постараются выставить идиотом, виноватым в смерти собственной семьи. Потом будут продажные свидетели, купленный судья и знакомый прокурор, считающий себя вершителем судеб, потому что в нашей стране любой чиновник чувствует себя маленьким царьком. Но пока все это только накапливается в моей душе и в моей голове. Пока я только обвожу понравившиеся изречения в книге, которую люди написали больше двух тысяч лет назад.

— Кто вдали, тот умрет от моровой язвы; а кто близко, тот падет от меча; а оставшийся и уцелевший умрет от голода; так совершу над ними гнев Мой^[3].

Поднимаю глаза, смотрю на потолок. Когда-то я считал маленькие дырочки в «Армстронге», лежал овощем на койке, а рядом со мной Анночка вытворяла такое с санитарями, что и вспоминать противно. Теперь кости срослись, раны затянулись, боль тревожит только при смене погоды, даже зрение вернулось, и вместо старых ощущений и чувств возникают новые — ярость и ненависть, которые тлеют пока маленькой искоркой где-то глубоко внутри.

— Возмездие за грех — смерть^[4].

Зачитываю вслух, подчеркиваю, ставлю на полях три восклицательных знака и закрываю книгу. Интересно, для этого он оставил мне это писание? Или я увидел в нем только то, что жаждал увидеть? А может, он просто хочет, чтобы я вернулся в реальность? Может, он хочет сделать меня прежним? Ну, уж нет! Переламываю большим пальцем зажатый в кулак карандаш и отшвыриваю его в сторону.

Скажи они мне тогда, что виноваты, что просят прощения, что готовы понести наказание, что раскаиваются, и все могло сложиться иначе. Не только для них, но и для меня. Но они не сомневаются в своей правоте, пребывая в слепой уверенности в том, что все остальные — лишь грязь под их ногами, тогда как они сами — короли жизни и хозяева положения. Мое мнение кардинально иное.

*Нередко умное решение проблемы
возможно только после ряда серьезных ошибок.*
В. Зубков

8 апреля 2015 года. Четыре дня до Пасхи. 17 часов 17 минут.

В кабинет ввели изрядно потрепанного человека. Нет, он не был избит — он был просто измучен. На вид парню было лет тридцать с лишком, на деле — всего двадцать шесть. Видно, судьба его не баловала. Казалось, что он вообще не понимает, что происходит и зачем его сюда притащили эти «полицаи». Из-под расстегнутой ветровки торчала помятая майка, на ногах были темные джинсы и пыльные, с потертыми носами ботинки, образ дополняли взъерошенные волосы, красные из-за полопавшихся капилляров, опухшие глаза и небольшая щетина. Все это грузно опустилось на стул перед следователями. Задержанный крутил головой, словно цыпленок, ерзал на сидении, вглядывался в расположившихся перед ним людей. Было ясно, что алкоголь еще туманил его разум, из-за чего подозреваемый, когда его представляли следователям, только нервно кивал головой.

— Свободны, — Сергей отпустил конвойных, достал сигарету и закурил. В кабинете повисла тишина. Слышно было даже, как во время долгой затяжки слегка похрустывает тлеющий табак. — Ну что? Сам расскажешь или как?

— Не я это, братцы! Христом-Богом клянусь, не я! — задержанный быстро перекрестился несколько раз.

— Не он это. Тут все ясно. Раз говорит, что не он, значит не он! — Александр отвернулся в сторону, чтобы скрыть ехидную улыбку.

Станислав стоял, опершись на стол и скрестив руки на груди, и наблюдал за допросом без всяких эмоций на лице. Сергей сделал очередную затяжку и кивнул ему на задержанного.

— Я же сказал, что я тут только вам в помощь. Это ваше дело, так что действуйте, а я посмотрю, — Пименов развел руки и пожал плечами.

— Ну, ребят, ну были у нас с ней ссоры в последнее время, но все равно не я это! Я ее даже пальцем ни разу не тронул, не то что такое, — проскулил сидящий на стуле человек.

Сергей растер бычок в пепельнице, взял со стола папку и долго смотрел в нее, перекладывая бумаги и фотографии, пока Александр задавал подозреваемому формальные вопросы. После подтверждения личности Сергей вытащил несколько фотографий из папки и передал их задержанному, которого, как оказалось, звали Максимом.

— Узнаешь?

При взгляде на фотографию несчастный побледнел и отвернулся, а потом и вовсе разрыдался. Станислав налил в стакан воды и подал Максиму.

— На. Успокойся.

Тот трясущейся рукой звонко застучал граненым, советских времен стаканом по зубам.

— Спасибо, — Максим вытер лицо от слез и соплей, глубоко вздохнул с утробным свистом и попросил закурить. Сергей протянул ему пачку сигарет.

— Рассказывай, как дело было.

— Я дальнобойщиком работаю. Со Светкой, с женой моей, познакомился после армии. Ну, как с женой? Мы официально-то расписаны никогда не были. Она говорила: «Зачем нам штамп в паспорте?», — а я-то, дурак, и верил. Она до меня-то уже замужем была, развелась. И поэтому, мол, не хотела больше этих, так сказать, официальных церемоний. Мол, и так жить можно. Я-то думал, она меня любит, — он трясущейся рукой сделал затяжку и всхлипнул.

Александр что-то записывал, периодически отворачиваясь, чтобы подозреваемый и коллеги не видели его довольного лица. Ему было явно смешно слушать этого неудачника.

— Продолжай, — понимающе кивнул Сергей.

— Да чего продолжать-то?! Я в рейс, а она, шалава такая, по мужикам!

— Я же говорил, на передок слабая! — не выдержав, рассмеялся Сашок и тут же получил подзатыльник от Сергея. — Да что тут такого? Подумаешь, не повезло парню. Со всяким могло случиться. Хорошо хоть, кальция в организме мало, а то сидел бы сейчас красавец с рогами!

— Хорош паясничать! Пиши давай!

— Не слушай этого клоуна. Продолжай, — кашлянув в кулак, тихо сказал Станислав.

— Пришел я домой: хотел ее, так сказать, с поличным застукать. Достало все! Вот как достало, — он ребром ладони несколько раз показал на горло. — Думал, приду, морду разобью этому ее хахалю. А там такое, — он закусил кулак зубами и помотал головой. — Я такого ни разу не видел. Как в кино, в ужастиках! Она вся в крови, руки к батарее пристегнуты, пальцы отрезаны, из располосованного рта кровь течет, — он еще сильнее прикусил кулак и замычал.

— А что нам не сообщил?! — перебил его Александр.

— Ага! Конечно! Нашли дурака! Мы с ней постоянно лаялись в последнее время. Соседи, небось, сразу на меня покажут, а вам только того и надо, чтобы галочку поставить. Закроете меня и дело с концом! Испугался я! Понимаете?! Я ж не каждый день трупы своих бывших вижу!

— Бывших?

— Ну да. Мы с ней вот уже три месяца как не живем.

— Значит, ты приходил к ней кулаки почесать напоследок? Финальный аккорд сыграть?

— Ну, типа того, — Максим обреченно повесил голову.

— Ясно. А потом испугался и уехал к другу водку жрать? Заливать горе? Правильно?

— Угу. Я ведь к ней всем сердцем, а она! Расчетливая мерзкая тварь! Нашла себе кого побогаче и сразу от ворот поворот. А я ведь ее любил! А она мне рога. Сука! Все для нее делал, а ей только деньги нужны были, деньги, деньги! Это уже потом мне рассказали, что она ноги перед всеми раздвигала ради своей выгоды, дрянь деревенская! А поначалу таким ангелочком казалась! Пожалел на свою голову! Влюбился, идиот! А ведь говорили же мне держаться от нее подальше... — он снова зарыдал.

— Что же сразу не ушел?

— Думал, исправится. А ей от меня только деньги нужны были. Я детей хотел, а она заладила: «Потом, потом». Конечно, потом: ей-то они зачем? С ними дома нужно сидеть, воспитывать, а ей бы только погулять за чужой счет. Мы ведь когда вместе жили, она даже если и зарабатывала что, деньги в семейный бюджет не отдавала, а с меня всегда спрашивала. Да я и не против был, лишь бы ей хорошо.

— Паразит, — внезапно произнес Станислав.

— Что? — Максим повернулся к Пименову.

Тот смотрел в пол, щелкая суставами пальцев.

— Паразитом в биологии называют организм, который использует другое существо как источник питания и среду обитания, чтобы жить и развиваться. Так что ваша... Даже не знаю, как ее назвать: женой — язык не поворачивается... Короче говоря, все ясно, — Станислав облизнул губы и обратился к Сергею. — Пойдем выйдем. Перетрем кое-что.

— Сань, ты продолжай, а мы поговорить.

— Не вопрос.

— А что вам ясно-то? — нервно крутя головой и жалобно глядя то на уходящих следователей, то на сидящего за столом Сашка, засуетился Максим. — Ясно-то что?

— Ты сиди, не вертись. Давай дальше. Где работала твоя ненаглядная?

В коридоре мерцающая лампа продолжала свое монотонное давление на разум, издавая приглушенный гудящий звук.

— Не он это. Тут и дураку понятно, — спокойно произнес Станислав.

Сергей, молча, достал сигарету из пачки, размял в руках, сунул в рот, погонял немного в зубах из стороны в сторону, после чего чиркнул спичкой и, прикурив, ответил:

— Пожалуй. Хотя, может, это он так ловко играет? А?

— Брось, ты и сам видишь, что не он. Эта деревенщина мозгов имеет с грецкий орех, как у динозавра. А тот, кто проделал такое с его девкой, был куда умнее, да и убивал явно не из ревности. Я еще раз убеждаюсь, что это дело рук твоего Санитара. По крайней мере, судя по тому, что рассказывает этот олух о своей возлюбленной. Тут все сходится: жертва была как раз в его вкусе. Так что мы ищем именно твоего друга.

— Не могу с тобой не согласиться, — Сергей стряхнул пепел на пол. — Что предлагаешь?

— Нужно опросить ее родных. Послушать, что скажут они. Может, выяснится, что на работе какие-нибудь проблемы были или еще что. Ведь она явно его знала. Впустить незнакомого человека домой, сам понимаешь, — бред. Так что нужно искать убийцу среди ее окружения. Такого шанса поймать этого парня у нас больше не будет. Прошляпим момент, и он заляжет на дно. Наследил он слишком много на этот раз.

— Ладно. Понятно. Давай тогда опросим тех, кто на сегодня назначен, а потом сделаем выводы и двинемся к ней на работу. Эта Светочка по ходу имела много знакомых среди мужского населения. Как ты ее обозвал? Паразит? Точно подмечено.

— Это определение можно отнести не только к ней.

Глава XVI

*Заставьте самого беспристрастного судью разбирать
свое собственное дело и посмотрите,
как он начнет толковать законы!*
П.-О. К. Бомарше

«Максимову Максиму Юрьевичу инкриминируется совершение преступления по части 5 статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (нарушение правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц). Согласно материалам дела, 12 апреля 2001 года Максимов, управляя автомобилем Ford Focus на 206-м километре автодороги М-6 «Каспий», в нарушение правил дорожного движения, двигаясь в направлении Москвы на скорости не менее 100 км/ч, выехал на полосу встречного движения. В результате произошло столкновение с автомобилем Lexus RX 300, водитель которого получил множество травм и переломов, а пассажиры, находившиеся в автомобиле Максимова, от полученных травм скончались на месте.

Суд, рассмотрев дело, вынес Максиму Юрьевичу обвинительный приговор и назначил наказание в виде лишения свободы сроком на два года условно, а также компенсацию пострадавшей стороне материального и морального ущерба. По мнению суда, выводы экспертизы, проведенной в ходе расследования уголовного дела, являются неоспоримыми и неопровержимыми, поэтому при вынесении решения суд взял за основу заключение экспертизы, проведенной в ходе судебного разбирательства и указывающей на вину водителя автомобиля Ford Focus. Обжалование приговора возможно в течение десяти дней с момента его оглашения».

Ноги подкашиваются, а тело словно опускают в кипяток. Я стою и смотрю, как радостно обнимаются те, кого должны были по справедливости осудить вместо меня. Ощущение, что тебя оглушили. Глаза наполняются слезами, рука, держащая трость, трясется, а проглотить ком не получается. Эта сука поворачивается ко мне, смотрит прямо в глаза и проводит пальцем по шее, ставя жирную точку на мне и моей семье. Ее родственники и адвокат что-то живо обсуждают, поглядывают искоса. Меня шатает, тошнота подходит к горлу, нужен свежий воздух. Не помню, как я оказался на улице. Стою и, будто рыба, хватаю ртом кислород, рву на себе верхние пуговицы рубахи: мне кажется, что она меня душит. Столько времени, столько денег, и все впустую. Только теперь я осознал, что все были заодно, все были против меня. Цукерман правильно советовал, чтобы я не пугал ежа голой задницей. Но я не поверил, решил искать правды, добиваться ее. Ведь я же смотрел передачу «Суд идет» и слышал всякие адвокатские истории. Думал, что у нас в стране может быть почестному. Однако в моей ситуации правдой оказалось только одно — слова этого еврея. Каждое заседание, каждый час работы адвоката и судьи стоит денег. Они доили и доили меня, пока им это не надоело, и тогда они устроили этот спектакль с театральным приговором, с подставными свидетелями и лживыми экспертами.

Чувство унижения настолько сильно, что хочется спрятать голову в асфальт, лишь бы не видеть и не ощущать такого позора. Тело ломает, словно его прокручивают через мясорубку, от боли перехватывает дыхание. Так бывает всегда, когда адреналин начинает захлестывать. Точнее сказать, так я стал реагировать на него теперь. Многое изменилось после того, как я

неоднократно умирал, но раз за разом оставался в живых. Врачи говорят, что подобная реакция — результат травмы мозга, какие-то мышечные спазмы, появившиеся в результате гипоксии. Мне даже дали инвалидность, вторую группу. В двадцать три года! И даже назначили соответствующее пособие, впрочем, теперь эту непомерно огромную сумму в 1544 рубля мне придется отдавать в счет уплаты морального ущерба. Наши чиновники знают толк в распределении социальных средств. В принципе, на кефир и клизму российскому инвалиду хватает. Может, даже и на хлеб остается. Хотя нет, на хлеб вряд ли. Я сам не голодаю лишь потому, что еще до трагедии по совету друга из правительства открыл лицевой счет на его имя. Я знал, что он никогда не предаст и не кинет: мы дружим с ним с детства. В принципе, это мой единственный друг. «Человек, состоящий в системе, знает порой, как эту систему можно обойти», — так говорит он мне с легкой улыбкой на лице почти при каждой нашей встрече. Правда, в последнее время видимся мы с ним очень редко. А сейчас он и вовсе уехал на несколько лет в командировку на Дальний Восток. Зато теперь его совет хранит мои сбережения, так что официально взять с меня нечего.

Как давно это было. Сейчас я сижу и смотрю на веревку, которая болтается посередине кухни. Но пока рано. Еще не все рассказано. И я опять обращаюсь памятью к минувшим событиям и полузабытым ощущениям. Вот мой адвокат хватается меня за рукав, пелена перед глазами исчезает, и несильный порыв ветра обдает вспотевшее лицо.

— Послушай! Куда ты сорвался?! Я тебя по всему этажу искал.

Я так резко дергаю плечом, что шов на одежде расходится. Он недоуменно смотрит на мое озлобленное лицо.

— С меня хватит этого петушиного концерта! Довольно! Насмотрелся сполна на этот цирк! Да, ваша честь! Нет, ваша честь! Какая же у нее честь, если ее купили заранее?!

— Можно подать апелляцию. У меня есть знакомый, мы провернем это дело через него, заплатишь...

На этом слове я обрываю его разговор.

— Заткнись! Я тебе и так заплатил! Заплатил за твою никчемную работу, за того, кого ты якобы подмазывал! Эффективность твоей работы — ноль! Понимаешь?! Ноль! — я пихаю его в грудь, он невольно делает несколько шагов назад.

— Ты что взбеленился?!

— Еще заплатить?! Заплатить тебе за то, чтобы доказать свою невиновность?! Я и так знаю, что невиновен! Вы, как паразиты, живете за чужой счет! Обогащаетесь на чужом горе! Пошел прочь, — последние слова произношу с трудом, тело вновь начинает скручивать, а в глазах темнеть.

— Как скажешь! Дело твое, — поправляя одежду и что-то стряхивая с плеча, отвечает мой защитник.

Последнее, что я слышу, — это стук его дорогих ботинок по тротуарной плитке и слово «придурок», брошенное в мой адрес.

Разворачиваюсь и иду, видя перед собой только свои кроссовки и резиновый кончик трости. Становится даже немного страшно от того, что все повторяется во второй раз. Ощущения как тогда, когда мне сообщили о болезни матери. Но только вряд ли я сейчас встречу Кристину. В голове только злость: на себя, на них, на эту тварь в суде — на весь мир. Мыслей нет, только клокотание ярости. Становится совсем плохо. Захожу в тень и пытаюсь прийти в себя. Меня окрикает знакомый голос.

— Максим!

Я машинально оглядываюсь — никого. Вдруг снова голос. Ищу глазами зовущего. Неподалеку, метрах в пятнадцати, разбит небольшой парк. Присмотревшись, вижу в нем Петра. Он машет мне рукой и зовет к себе. Я лишь злобно усмехаюсь. Себе или ему? Не знаю... Возможно, просто еще одному дню, ровно такому же, как и все предыдущие, начиная с 12 апреля 2001 года. Петр догоняет меня минут через пять и молча идет за мной тенью, семена в длинной рясе. Резко останавливаюсь.

— Скажи мне, святой отец, ты зачем ко мне пристал?! Чего вам всем от меня надо?! Разве виноват я в том, что не сдох?! Тем более это легко исправить!

Тот смотрит на меня с выражением византийской иконы на лице.

— Может, тебя Господь для доброго дела в живых оставил!

— Единственное доброе дело, которое я сейчас в состоянии сделать, — это постараться не прибить кого-нибудь вроде тебя, батюшка!

— Вот видишь, твой путь праведника уже начался.

— Ты дурак что ли?!

— Ищущий ищет и находит. Тот, кто искать не будет, не найдет никогда.

— Да заткнешься ты, наконец, философ хренов?! А?! Без тебя тошно!

Вокруг темно и холодно, мы находимся в подвале. Как я сюда попал, не понимаю. Озноб идет по телу, не видно ни черта.

— Ты куда меня привел?! Ты где?! Отвечай! — ничего не понимаю: стемнело так резко, словно выключили свет. А может, это очередной приступ? — Ты куда меня притащил?! Эй, ты тут?!

— Ты сам шел, а я лишь следовал за тобой, Максим.

Слышу щелчок выключателя, свет бьет по глазам. Я вздрагиваю. Повсюду на столах лежат люди, где-то по отдельности, где-то наваленные горкой. Некоторые тела прикрыты белыми простынями, торчат только синие ноги с трупными пятнами, на пальцах висят резиновые бирки, примотанные к конечностям тряпочками. В воздухе висит тошнотворный запах формалина и гниющей плоти. Мой желудок вывернуло бы наизнанку, если бы я прежде уже не привык к больничному запаху, поэтому меня беспокоят только небольшие рвотные позывы, да и те быстро проходят. Священник, как некромант из ужастиков, медленно спускается ко мне вниз по ступеням. Для полноты картины не хватает только зловещей музыки и густого тумана, сползающего вслед за Петром.

— Какого черта ты меня сюда притащил?! Где мы?!

— В морге, — он подходит к столу, на котором лежит накрытое тело. — И притащил сюда не я тебя, а ты меня. Так что смотри и наслаждайся. Это, так сказать, твоя нынешняя жизнь, Максим. Твой дом. Можешь походить здесь, попривыкнуть к обстановочке, пообщаться с такими же мертвецами, как и ты.

— Ты не священник, Петр, — чуть слышно прошипел я сквозь зубы.

— Так и ты не праведник.

— А как же твои слова про добрые дела? — еле держу себя в руках.

— А я от них и не отказываюсь.

Он резко сдергивает покрывало с тела. На столе лежит мальчишка лет десяти, кожа да кости. Я таких видел только в документальных фильмах про концлагеря нацистской Германии. Тело покрыто гематомами, на голове глубокая впадина: кто-то проломил ему череп.

— Благо, Максим, можно приносить по-разному, — меня ведет в сторону, в глазах

темнеет, я кое-как сдерживаюсь, чтобы не упасть в обморок. — Знаешь, что с ним произошло?

Я лишь отрицательно мотаю головой, да и знать на самом деле я не желаю — хватило и того, что увидел.

— Его убил собственный отец. Разбил об его голову пустую бутылку. Парень попросил поесть в тот момент, когда они выпивали с его мамой. Как видишь, кормить его они не считали нужным.

Петр подходит к другому столу, снова сдергивает покрывало. Под ним молодая девушка. Тело изувечено. Сильно.

— Ее сбил на машине племянник одного чиновника. Теперь она здесь, а он на отдыхе в Турции. Знакомая ситуация? А вот еще.

— Хватит! Довольно.

Шатающейся походкой, опираясь на трость, выхожу наверх. Петр кричит мне что-то в след. Только у двери понимаю, что могу найти его в церкви в селе Слобода, если захочу поговорить. Значит, все же священник. Психопат-батюшка, который притаскивает людей для проповеди в морг. Бредовые ситуации и во сне не увидишь. Говорить с ним больше не хочется, впрочем, как и видеть его. Иду по узкому коридору, половина ламп не горит. Мимо призраками проплывают медсестры в белых халатиках, хихикают. Открываю дверь и вываливаюсь из преисподней на божий свет. Оборачиваюсь и читаю надпись: «Морг областной больницы».

— Господи, как же я сюда попал?!

Глава XVII

Лучше с умным таскать камни,

чем с глупым пить вино.

Поучения Ахикара

8 апреля 2015 года. Четыре дня до Пасхи. 20 часов 13 минут.

Дверь кабинета закрылась. Сергей достал из кармана выдавший виды, помятый спичечный коробок, несколько раз постучал по нему указательным пальцем, поднес к уху и потряс. Внутри послышалось шуршание нескольких спичек.

— Ну и что у нас теперь есть? Что мы имеем?

Пименов взглянул на Александра, откинувшегося на стуле и грызущего авторучку.

— Все еще думаешь, что это он ее убил? — с насмешкой произнес Станислав.

Загорелась спичка, комната наполнилась запахом табачного дыма.

— Да может, он актер хороший. Мне кажется, на него надавить нужно, и тогда он сознается. Все расскажет!

— Тут ты прав. Если ему почки опустить, он не только в убийстве сознается — он на

себя все, что угодно, возьмет. Даже что татар на Русь навел. Только лучше от этого никому не будет.

— Почему же? Нам премию дадут, а может, и к награде приставят, — Сашок вытащил ручку изо рта и рассмеялся.

— Хорош паясничать! Отпускать его надо, — затушив окурок в пепельнице, буркнул Сергей и потянулся к телефону.

— Постой.

— Чего?

— Надо его придержать.

— Это еще зачем?

— Чтобы наш парень думал, что мы подозреваем именно гражданского мужа убитой. Пусть считает, что мы идем по ложному следу. А этого закрой недельки на две, чтобы посидел да подумал о своей жизни. Глядишь, и уразумеет, с кем жил до этого и что делать дальше. Наша задача сейчас — добиться, чтобы Санитар расслабился и допустил промах. Он и так слишком громко заявил о себе. Пускай теперь считает, что мы вообще олухи. Уверенность в своей безнаказанности — самая большая ошибка всех придурков типа него.

— Да пусть сидит, мне-то что. Прикрыть всегда можно. Как скажешь. Если для дела нужно, то я только «за».

— Вот и прекрасно, — Станислав постучал пальцами по столу. — Что там ее мать говорила? А то я пропустил беседу, пока у Громова был.

Сергей протянул Пименову протокол показаний, но тот лишь утомленно скорчил лицо.

— Сам расскажи в двух словах, что да как.

— А что тут скажешь? Мать погибшую опознала, но показания дала невнятные. По моему, она вообще немного не в себе была, но это и понятно, все-таки дочь. Короче, по ее словам, покойная была чуть ли не божий одуванчик. Хотя проговорила о том, что в последнее время дочь к ней приезжала не с гражданским мужем, а с каким-то молодым человеком. Имени она его не помнит, да и рассказать многого о нем не может, поскольку он все время в машине сидел.

— Она его что, вообще не видела, что ли?

— Да нет, сказала, что в лицо опознает, даже для фоторобота опишет. Только я ее пока домой отпустил: совсем она плохая была. И похороны у нее через пару дней.

— Ну, хоть что-то. Только ее поторопить надо. Нет у нас пары дней. Нету! Мертвым, конечно, уже ничем не поможешь, но мы должны о живых думать. Нам позарез нужно описание этого парня. Полагаю, следует работать именно в этом направлении. Кстати, о работе: что там с трудовой деятельностью убитой? Не спрашивали у матери?

— Говорю же, у нее половина показаний были невнятными. Старушка на таблетках вся. Туда ехать нужно, да на месте и выяснять все, — Сергей достал очередную сигарету и размял ее в руках.

— Ясно. Сань, а у тебя есть что по препарату, который у нее в крови обнаружили?

— Ух ты, неужто и до меня очередь дошла? А я-то думал, что я у вас как писарь значусь. Поддай, принеси, опроси, запиши.

— Так что у тебя? — Станислав скрестил руки на груди и нахмурил брови.

— Что-что? — Сашок достал ежедневник, пролистал до нужного места и стал зачитывать: — Короче, так. Единственная фирма, которая поставляет в наши больницы этот миорелаксант, — ОАО «ОптФармацея». Просто так его, ясное дело, не купишь. Завозят его

в основном, по запросу врачей. Я просмотрел объемы поставок за пару лет, и они вроде бы не вызывают подозрений, кроме одного. Некий Денисов Павел Алексеевич заказывал объем в два раза больше, чем обычно.

— А вот это уже кое-что! А, Станислав?! — Сергей расцвел в улыбке и потер руки.

— Нужно брать его в разработку. Ладно, тогда вы дуйте к ней на работу, узнавайте, что да как: с кем общалась, кто что знает про нее. Бабы — они на язык слабые: поди, болтала, что ни попадя. Обязательно что-нибудь да всплывет. Грохнули-то ее неспроста. Просто так он не убивает. Нужно понять, для чего он оставил свои намеки. Что он этим хотел сказать?

— А ты разве не с нами?

— Нет. Я наведуясь к этому доктору. Александр, набросай мне, где его найти и что ты про него узнать смог.

— Конечно, хозяин! Надеюсь, я сегодня заработал чашку горячего супа? — недовольно пробурчал Сашок, вырывая листок из ежедневника.

— Ну что, тогда по коням. Завтра после обеда созваниваемся и встречаемся здесь. Так что, до скорого, — Станислав пожал руки коллегам, попрощался и вышел из кабинета.

— Мутный он какой-то. Тебе так не кажется?

Сергей сделал глубокую затяжку и выпустил дым кольцами.

— Мутный — это мало сказано. Но, по-моему, дело свое он знает. Как говорится, «лучше с умным таскать камни, чем с дураком вино жрать!». Он еще не самый плохой вариант, с которым мне приходилось работать.

— Серег, как думаешь, он в курсе, что твоего предыдущего напарника нашли утопленным в выгребной яме? Ведь, по-моему, как ты ни бился, дело так и списали на несчастный случай.

— А ты это к чему вообще? — раздраженным голосом спросил следователь.

— Да нет, это я так, просто.

— Просто даже кошки не рожатся! Болтаешь много! Так и будешь на побегушках всегда! — у Сергея зазвонил телефон. — Да. Нет! Сказал же тебе: нет значит нет! Да, на задании буду, не жди! Дети, дети! Задолбала ты с ними. Они не маленькие уже, а я работать должен! Вас кормить! Все, давай, завтра поговорим! Я сказал, завтра! Все, не звони больше!

— Жена? — усмехнулся Сашок.

— Достала, дура!

— Что не разведешься-то? Думаешь, она не догадывается?

— У нее мозгов, как у курицы. Пускай дома сидит, детей воспитывает. Ладно, завтра заедешь за мной.

— На задание? — разразившись хохотом, еле выговорил Александр.

— Ага, — рассмеялся Сергей в ответ. — Ладно, хорош. Все, я погнал.

— Давай-давай! Лети, голубь ясный!

Глава XVIII

Пьющий всегда имеет цель в жизни.

А. Ф. Давидович

Руки ноги дэнс, голова бум-бум-бам,
Мои мозги похожи на кусок бабл-гам.
Можно жить так, но лучше ускориться,
Я лично бухаю, а кто-то колется.

Никогда не думал, что буду слушать эту группу, а уж тем более бухать в одиночестве под их песню. Хотя теперь я вижу в ней определенный смысл. Сажу за столом на табуретке, уронив голову на руки, в майке-алкоголичке с пятнами на пузе неясного происхождения, в семейных полосатых трусах, в одном порванном носке, сползающем с ноги. Голова раскалывается, боль отдается в висках барабанной дробью.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

На столе стоит наполовину полная — а может, и наполовину пустая (здесь у кого как) — бутылка коньяка. В углу набросано еще с десятков. Сколько прошло дней, я не знаю. Чувствую, как от меня воняет. Сплю на полу. Слава Богу, еще доползаю до сортира и не гажу, как помочный кот, прямо под себя. Ничего не осталось ни в душе, ни в голове — одна пустота. Врачи предупреждали, что с моими травмами алкоголь мне противопоказан. Впрочем, мне противопоказано почти все, от жареного до жирного.

Отрываю голову от стола, перед заплывшими глазами легкая дымка. Шарю по карманам — пусто, карманов-то у меня нет. Рядом с ногой валяется вчерашний, а может, и сегодняшний, окурок. Улыбаюсь ему, сплевываю прямо на пол вязкую и горькую слюну. Жизнь-то налаживается, если, конечно, мое нынешнее состояние можно назвать жизнью. Уж если травить и гробить организм, то до победного конца. Подумаешь, не курил раньше — я ведь и не пил, как сейчас. В жизни много всякого дерьма, так что есть, в чем совершенствоваться. Чиркаю зажигалкой, легкие обжигает едкий табачный дым, пробуждая во мне нового человека. Трясущейся рукой тянусь за бутылкой, пытаюсь попасть в стакан, но безуспешно. Приходится пить из горла. Становится легко и хорошо. А я все же живучая скотина, что ни говори. Видела бы сейчас меня моя семья или моя мать. Но ведь их нет, и меня никто не видит и никто не остановит. Зато семья есть у той гадины, которая без всякого зазрения совести наступила мне на позвоночник и переломила его пополам. Теперь я бесхребетная тряпка, спивающаяся в съемной квартире на окраине города. Мог ли я подумать, что превращусь в эдакий бесполезный биологический организм? Сейчас, наверное, какая-нибудь инфузория гораздо полезнее меня на этой планете. Я делаю глотки огненной воды в ритм звучащей по радио песни, и в мои уши врезаются ее слова. Такое ощущение, что она звучит во мне. Словно приказывает.

Мне бы в небо, мне бы в небо,
Здесь я был, а там я не был.
Мне бы в небо, мне бы в небо.
Здесь я был, а там я не был.

Жадно втягиваю в себя дым окурка. Пытаюсь подняться, и к горлу подкатывает тошнота

— еле успеваю до туалета. Рвет сильно. Кажется, еще немного, и мой желудок вылезет наружу через ротовое отверстие в никчемной голове. Дергаю за ручку бачка, пока льется прохладная вода, умываюсь и пью по-собачьи прямо из унитаза, после чего сваливаюсь на бок и отключаюсь.

Открываю глаза: на улице уже стемнело. Когда пьешь, время пролетает мгновенно. Ты словно перематываешь свою жизнь вперед, как пленку, и ждешь, когда отщелкнет кнопка и настанет конец. Меня трясет, будто под электрическим напряжением. Кое-как поднявшись, иду на кухню и замираю в изумлении.

— Если честно, выглядишь ужасно, — на мой немой вопрос отец Петр кладет на стол ключи от квартиры. — Ты оставил их в замке с наружной стороны. Вот, решил посмотреть, как ты тут устроился. Приставы еще не приходили по твою душу?

Я мотаю головой, хочу послать его к дьяволу, но рот пересох, и я не могу пошевелить языком. Прохожу мимо него, нарочно задеваю и, плюхнувшись за стол, тянусь за бутылкой. Петр пристально смотрит и отодвигает в сторону целебную жидкость, ставшую для меня за последние дни средоточием вселенной.

— Ты не охренел ли, батюшка?! — я пытаюсь подняться, но тело меня не слушается.

— Разве ты еще не достиг самого дна? Может, пора уже всплывать? Я думал, ты все-таки придешь ко мне. Я ждал. Долго ждал.

— Не дождался, да? Опаньки, а я-то тут. Обидно, слушай... Эта, эта, эта, — вытягиваю руку и щелкаю пальцами: слов в голове больше нет, и закончить мысль я не могу, поэтому просто машу рукой.

— Если гора не идет...

— Да что ты ко мне привязался?! Тебе что, прихода своего мало?! — перебиваю его и все же нахожу в себе силы, чтобы подняться. Для пущей уверенности бью кулаком по столу, попадаю в стакан. Он с хрустом колется. Небольшой осколок застревает в ладони. — Вот, блин, — шатаюсь, вытаскиваю его, и из раны начинает сочиться кровь. — Глянь! — протягиваю окровавленную руку священнику. — Из-за тебя, старый! Все из-за тебя, — бурчу и падаю обратно на свое место.

— Может, все же возьмешься за ум?

Вытираю руку о край столешницы. Мои движения дерганые и отрывистые. Кровь размазывается по скатерти. От чего-то я начинаю смеяться, потом рыдать. Снова бью по столу кулаком.

— Чего ты приперся?! Чего тебе от меня надо?! Проваливай, сука! — говорю я и следом вываливаю на него весь свой богатый матерный словарный запас.

Он сидит и молча выслушивает комплименты в свой адрес. Ничего не говорит, просто слушает. Когда, наконец, мой гнев утихает, а в легких заканчивается воздух, я глубоко втягиваю кислород через зубы, с шипением и каким-то сипом.

— Все? Или будет продолжение? — понимаю, что все. — Выговорился? Можешь, конечно, еще. Как говорится, собака лает, ветер носит. Ну, так что?

— Все...

— Прекрасно. Легче?

— Было бы, если бы ты, упырь, плеснул чего-нибудь мне в стакан, — присасываюсь губами к порезу на руке. Оказывается, он не такой уж и маленький.

— Только чтобы поправить здоровье. Понял?

Я в ответ киваю головой.

— Точно понял?

— Да понял, понял! Лей давай!

Протягиваю остатки разбитого стакана, и Петр льет туда коньяк, который смешивается с моей кровью. Выпиваю спиртное, словно чай, даже не морщась. Заглотив все, я поднимаю тару вверх дном и открываю рот в надежде, что там есть еще несколько капель.

— Ты бы видел себя со стороны. Убогое зрелище!

— Ты мне не мать! Так что закрой пасть!

— Перестань грубить, тебе это не идет.

— Ты зачем меня в морг притащил?

— Показать.

— Мертвяков показать?! Ты больной что ли?!

— Показать горе. Показать скорбь. Показать истинное лицо несправедливости.

— Мне плевать. Не мое дело, — протягиваю ему стакан снова.

— Мне тоже плевать. Я же сказал, что только одну.

— Налей, а? Будь человеком.

— Нет.

— Сука! — вскакиваю с места. Стакан летит в сидящего передо мной Петра, он чудом уклоняется от него в сторону. — Убирайся к черту! Вон из моей квартиры, долбаный ублюдок! Чтоб ноги твоей здесь не было! Проваливай, пока я не покалечил тебя!

— Ты когда последний раз был на кладбище?

— Чего? — я успокаиваюсь, так как не понимаю, к чему вопрос. Он неожиданный и совсем не вяжется с моим гневом.

— Говорю, на кладбище когда был у своих? — он медленно поднимается и ставит бутылку на стол. — Заросло, наверное, там все. Никто не убирается. Нет ведь у них никого.

Я беспомощно смотрю в его уходящую спину. Он останавливается у двери, оборачивается в пол-оборота.

— Пей. Всю не выпьешь.

Щелкает замок, ручка опускается вниз.

«Заросло, наверное, все бурьяном. Нет ведь никого у них...»

Проходит минут десять, прежде чем я понимаю, что остался совсем один. Точнее сказать, я остался наедине со своей совестью и сидящим на правом плече зеленым змием, который шепчет на ухо о том, что мне все дозволено и преград на пути к нему нет. Янтарная жидкость в красивой бутылке заманчиво смотрит на меня. А в голове занозой засели слова группы «Ленинград»:

Мне бы в небо, мне бы в небо,

Здесь я был, а там я не был.

Мне бы в небо, мне бы в небо,

Здесь я был, а там я не был.

Звон стекла разлетевшейся вдребезги бутылки. Маленький зеленый гаденьш летит прочь с моего плеча. Я все еще неуверенной походкой иду в ванную, включаю воду.

— Нет, священник! Меня еще рано хоронить! Смерть приходила за мной не один раз, а все без толку. И у них есть я! Запомни! Я!

Глава XIX

О мертвых либо хорошо, либо ничего.

Русская поговорка

Почти неделя уходит на то, чтобы привести себя в порядок. Приучить организм к алкоголю куда проще, чем потом слезть со стакана. Тебя трясет, ты не можешь спать. Вернее, ты вообще не понимаешь, спишь или нет, постоянно пребывая в каком-то пограничном состоянии. Пот льется ручьями, сердце бешено стучит. Ни таблетки, ни рассол не помогают. Время тянется предательски медленно. Ты сползаешь на пол с дивана, ищешь прохладное место, словно кот в летний зной, и, не найдя его, забираешься обратно. Мысли о смерти начинают одолевать тебя с новой силой, и тебе кажется, что боль, которую ты чувствовал несколько часов назад, не такая уж и страшная по сравнению с той, что чувствуешь сейчас. Долгих семь дней, сто шестьдесят восемь часов, прошло до момента, когда я открыл глаза и более или менее сознательно ощутил свое присутствие в этом мире.

Вдыхаю воздух с небывалой легкостью и осторожностью. Лежу какое-то время на полу и смотрю на побеленный потолок с опаской, боясь пошевелиться, так как не могу поверить, что меня больше не ломает и не выворачивает наизнанку. С трудом поднимаюсь, иду к окну, отдергиваю штору и вампиром шарахаюсь в сторону: от яркого света текут слезы, мелькают черные круги — мне требуется несколько минут, чтобы привыкнуть. Открываю окно, а сам отхожу к стене и падаю на стул. В комнату врываются яркое солнце и свежий воздух. С улицы доносятся голоса. Я слышу, как смеются дети. От этого екает сердце и накатываются невольные слезы. Я все еще надеюсь, что вот сейчас повернется замок и ко мне прибежит сын, зайдет жена. Малец опять что-то притащит с улицы и будет хвалиться передо мной какой-нибудь безделушкой, а Кристина сядет на колени. Я сижу и прислушиваюсь, почти не дышу. Жду. Сердце бьется четко в ритм с дыханием. Тук, тук, тук. Но кроме этого звука — ничего. По щекам текут слезы. Я скриплю зубами, резким движением вытираюсь. Остались только воспоминания и боль, которая перерастает в ярость, когда я начинаю думать о них. Хочется снова напиться, чтобы не вспоминать. Я не ходил к ним после выписки из больницы. Не мог. Теперь время пришло. Достая из-за пазухи цепочку с кулончиком — все, что осталось у меня от сына. «Это паук, пап!» — раздается в ушах его голос, словно доносится сразу отовсюду. Прислушиваюсь. Нет, просто показалось. Целую и прячу свое сокровище обратно. Рядом с сердцем надежнее. Подхожу к серванту и надеваю на левую руку два кольца: одно обручальное, а другое в память о неродившейся дочери с ее именем, выгравированным изнутри. Стою неподвижно, осознавая, что там, куда я направляюсь, будет тяжело, очень тяжело. Но время пришло, и сделать это нужно. Даже не для себя, а ради них.

Как добрался до погоста, не помню, словно все происходило не со мной. Люди, люди, люди, будто насекомые в беспорядочном и глупом движении, куда-то спешат, ни на кого не смотря, заняты только собственными делами. Никто не хочет, да, наверное, уже и не может

видеть дальше собственного носа. У всех огромные проблемы, такие, что им мог бы посочувствовать сам Господь Бог. У них глобальные дела — как минимум, вселенского масштаба. Много дел. Такое ощущение, что они собираются жить вечно. Пару-тройку тысяч лет уж точно. Я еще не замечаю, что вся эта напыщенная, надуманная и никчемная суэта начинает раздражать меня. Хотя и я раньше был одним из них, одним из этих серых насекомых, и я тоже куда-то спешил и куда-то постоянно стремился. А теперь? Теперь спешить и что-то делать у меня больше нет необходимости. Не для кого мне стараться. Все мои здесь. Я смотрю на прикрепленную над воротами выцветшую от солнца и времени икону, хмыкаю сам себе и вхожу в царство вечной тишины и спокойствия. Легкий ветерок тянет с севера, по коже проползает озноб, деревья и кустарники шелестят зеленью, приветствуя единственного живого человека. Осторожно иду вперед, вглядываясь в бесконечные кресты и гранитные плиты. Невольно приходит в голову вопрос, на который я не могу дать ответа: сколько же здесь закопано народу? Таблички, даты, памятники, фотографии. И все в одном положении, все равны, все едины. Никто не спешит и не выделяется перед другими. Идеальное общество! Жаль, что мертвое. Хотя если посмотреть на мир их глазами, то, наверное, это мы мертвецы. Не помним о том, что рядом с нами есть другие, делаем гадости, предаем и надеваем маски, так как если ты покажешь себя настоящего, то вряд ли с тобой кто-то захочет общаться и иметь дело. И только мертвецы не притворяются. Идеальный человек — мертвый человек.

Я подхожу к небольшому домику, напоминающему строительный вагончик, в которых временно размещают рабочих. Скрипучая дверь с трудом поддается, но все же открывается. На засаленном топчане сидит мужичок лет шестидесяти и смотрит черно-белый, еще ламповый телевизор. Он увлечен передачей и не обращает на меня внимания, словно я призрак. Мужичок до того привык к потустороннему, что попросту плюет на присутствие вокруг себя какой-нибудь чертовщины.

— Я извиняюсь.

— Ага, секунду! — он поднимает указательный палец вверх и вытягивает руку в мою сторону.

Я понимаю, что мне нужно пока заткнуться, что и у этого, с виду похожего на пропойцу, бомжеватого старичка тоже вселенские проблемы. Что же, я облакачиваюсь на дверной проем и замолкаю. Он смотрит новости. Минуты три я жду, пока все же сторож, он же и смотритель кладбища, вспомнит о моем присутствии. И вот чудо все же происходит: его внимание наконец-то переключается на меня.

— Твою мать! — восклицает мужичок и бьет тыльной стороной руки о вторую ладонь.

Из него изливается словесный понос матерной брани высотой в многоэтажный дом. Он тянет руку за спинку своего трона и достает оттуда бутылку горячительного, резко наливает жидкость в стакан и махом опрокидывает содержимое внутрь своего организма.

— Чего тебе? — громко крикнув в кулак, спрашивает он у меня.

— Да мне своих бы найти.

— А-а-а-а, — тянет он и, почесав свой крупный нос в форме картофелины с фиолетовой паутинкой вен на кончике, лезет в ящик и достает журнал. Когда хоронили-то? — слюнявит указательный палец.

А я что могу ему ответить? Как дурак, молча жму плечами.

— Ясно, — отвечает он и снова наливает себе эликсира. — Фамилия-то хоть как?

— Максимовы.

— Мать с грудным ребенком и сынишкой что ли? — он снова вливает в себя водку, не морщась. У меня ком становится поперек горла, а коморка начинает уходить из поля зрения.

— Да, — еле выговариваю я.

— Следовательно что ли али журналист?

— Что? — переспрашиваю я, не понимая вопроса.

— Ты им кем приходишься? — говорит мужичок и, не давая мне ответить, продолжает дальше. — Да-а-а, всякое видел, но такого на своем веку не припомню, чтобы вся семья и вот так вот. Да-а-а-а. Говорят-то, их отец угробил: вылетел на встречу. Пьяный, говорят, ехал. А сам в больнице преставился гораздо позже. Ну, стало быть, земля им всем пухом. Как говорится, от судьбы-то никуда. Стало быть, опять расспрашивать будете? Я-то думал, утихло все уже. Ну, так ты кто есть-то? Чего узнать хочешь?

— Журналист. Хочу статью написать по этому делу, — с трудом взяв себя в руки, отвечаю я.

— Ну, у каждого-то своя работа. Пиши. Только толку что от твоей писанины? В сортир сходить да потереться вашими газетенками? Одна от них польза. Людям-то уже не поможешь. Ходят, узнают! Лучше бы родственников разыскали! А то, поди, заросло все там. Никто, кроме вас да ментов, не приходит. Тьфу! — он сплевывает в сторону и, приподнявшись со стула, тянется к телевизору и делает звук громче.

— Так мне их где найти?

— Найти-то? Так тут просто. Смотри: пойдешь сейчас прямо через все кладбище, в конце выйдешь на пустырь, а там уже не промахнешься. Слева будут стоять кресты. Ну, такие, без оградок и совсем простые, заросшие, в траве. Так вот там-то и ищи их. А номерок, — он долго водит пальцем в журнале. — А, вот: сто тридцать четыре. Он сзади креста написан.

— Спасибо, отец, — проглотив ком, сиплым голосом произношу я.

— Спасибо не булькает, — он недовольно машет рукой и снова наливает себе водки.

Иду вперед с чумной головой. Пробираюсь через лабиринт оградок и зарослей. Старое кладбище стало похоже на лес. Когда солнце скрывается за облаками, становится по-ночному темно. Я аккуратно пролезаю через могилы, пробираюсь через кустарник. Да, тут Россия, а не Европа. У нас даже кладбища сделаны так, чтобы живой помучился. Все у нас наворочено и наставлено вкривь, вкось и поперек. И даже тут люди умудряются отгородиться друг от друга забором. Со всех сторон на меня смотрят лица тех, кто когда-то так же ходил по этой земле и так же думал, что умирают все остальные, но только не они. Здесь невольно понимаешь, как мелочны все наши дела и поступки перед лицом старухи в черном балахоне и с косой в руках. Вот она-то и есть, наверное, само совершенство. Идеал задумки Всевышнего. Останавливаюсь на окраине кладбища. Размазываю по щеке надоедливый комар и чешу место укуса. Старик сказал все верно. Отдельная территория отведена для тех, у кого нет ни родственников, ни знакомых. А главное, денег. Из травы торчат кресты в пол человеческого роста. Еще некоторое время уходит у меня на поиски злополучного номера. Небольшой холмик с вкопанным в землю крестом. На перекладине табличка с именами и датами. Со мной случается истерика. Я вою, рву траву, валяюсь по земле, скуля и лязгая зубами. Успокаиваюсь, когда силы иссякают. Сажу в обнимку с крестом, под которым погребена моя семья. Бесконечно повторяю, как люблю их. Хочется умереть и оказаться с ними рядом. Прошу прощения у них, что остался здесь, что не уберег. В общем, делаю ровно то, что делал бы любой нормальный человек, потерявший свою жену

и детей.

Уже потом я установлю памятник и обложу все вокруг мраморной плиткой. Потом. А сейчас я сижу на куче травы и курю. Грязные руки болят и немного подергиваются от усталости. Делаю большую затяжку и понимаю, что с каждой минутой во мне умирает человек, а взамен внутри образуется что-то страшное. Я не боюсь смерти, не боюсь боли и уже не боюсь людей. Моя смерть уже наступила — в тот момент, когда мне на встречу выскочил белый внедорожник. Теперь мне не страшно, мне больше нечего терять. Теперь, в эту самую секунду, когда я, сидя на сорванной с могилы траве, курю и смотрю на покосившийся деревянный крест, во мне рождается зверь, который со временем сожрет меня. Таким, каким я был прежде, я ему не нужен. Ему нужно чудовище, чтобы держать его на тугом ошейнике и спускать с цепи в подходящий момент. С особой жестокостью. Без сострадания и раскаяния.

Глава XX

*Женщины пьют льстивую ложь одним глотком,
а горькую правду каплями.*
Д. Дидро

8 апреля 2015 года. Четыре дня до Пасхи. 21 час 33 минуты.

Из симпатичной и привлекательной, смеющейся и жизнелюбивой девушки за десять лет супружеской жизни Юля уже к сорока годам превратилась в невзрачную, редко улыбающуюся старуху.словно она не жила на воле, а отбывала срок в колонии строгого режима без права на амнистию. Вымыв посуду и уложив детей спать, она села у телевизора на кухне, предварительно проглотив горсть лекарств. Бездумно щелкая каналы, она искала там хотя бы что-то интересное для себя, но голова ее была занята повседневными заботами. Старшего утром собрать в школу и заставить еще раз повторить стих, который он так плохо выучил. У младшей через час проверить температуру, чтобы убедиться, что действуют лекарства, которые выписал участковый врач. Она медленно прикрыла глаза и невольно всхлипнула, смахнула рукой со щеки слезу. При живом муже она осталась вдовой и не понимала, в чем она виновата и почему это произошло. Палец снова надавил на кнопку пульта, добавив очередному сериалу о любви громкости. Любую из мыльных опер можно смотреть с произвольно выбранной серии: сюжет всегда будет ясен. Со времен «Рабыни Изауры» в этом жанре не придумали ничего нового. Бессмысленное уничтожение надоедливого времени в одинокой квартире. Юля тяжело вздохнула, в голову полезли воспоминания из прошлого — из какого-то другого, кажется, вовсе и не ее прошлого. Она и подумать не могла, что с ней случится подобное. Даже шутила по этому поводу с подругами, точнее сказать, с единственной лучшей подругой, которая теперь куда-то пропала. Она вспоминала о том, как познакомилась с мужем, о том, как начинался их сказочный роман.

Тот Новый год она ждала с неприсущим ей нетерпением. Десять с лишним лет тому назад. Еще красивая, еще молодая, еще такая беззаботная. Тогда ей больше всего хотелось перемен. Уходящий год казался скучным, и если бы не верная подруга, с которой они дружили с самого детства, то это, пожалуй, был бы самый никчемный год в ее жизни. Они готовились встречать праздник вместе с родителями, так как давно дружили семьями. Красная икра, шампанское и салатик оливье уже ждали на столе выступления президента и звона курантов. Только после того, как за окнами запольхали фейерверки, а подвыпивший народ высыпал на улицу, Юля поняла, что Новый год встретила неопишимо уныло, правда, успела загадать желание под бой часов. Чего может пожелать девушка в ее возрасте? Конечно же, любимого и верного мужчину, чтобы быть с ним постоянно вместе.

Утром, отоспавшись, Юля и Настя пошли погулять. Когда они уже возвращались домой, к ним подошел молодой человек, прилично одетый, на удивление трезвый. Он просто спросил, который час, — с этого все и началось. Сергей сразу обратил на нее внимание, и уже после нескольких минут разговора Юле стало казаться, что ближе и роднее у нее никого не было. Она хотела, чтобы их общение длилось вечно, но он сказал, что ему надо бежать к друзьям. Конечно, как истинный джентльмен он при этом пообещал обязательно встретиться снова. Она, не раздумывая, дала ему свой номер телефона и стала ждать звонка, несмотря на то, что ее подруга почему-то долго фыркала, злобно отзывалась об этом парне, насмехалась над ним. Но Юле было не до этого. Новые чувства захлестнули ее с головой, заставляя пропускать недовольное бухтение Насти мимо ушей. А когда раздался телефонный звонок, и на другом конце провода она услышала именно его голос, Настя и вовсе отошла на второй план.

Сергей предложил Юле встретиться, и они договорились увидеться вечером. Целый день прошел, как в тумане: девушка не знала, что ей надеть, как лучше привести себя в порядок. От подруги вместо слов поддержки и советов она слышала только едкие высказывания, упреки и недовольство. Настя тогда бросила что-то обидное и ушла домой. А они с Сергеем гуляли по ночному городу, рассказывали друг другу о себе и не могли наговориться. Юле хотелось, чтобы этот вечер продолжался бесконечно, но время неумолимо бежало вперед, и ей нужно было возвращаться домой. Сергей проводил ее до подъезда, очаровательно улыбнулся, обнял и нежно поцеловал. Все было словно в сказочном сне, как в сериале.

Их отношения развивались так быстро, что захватывало дух. Уже через неделю им показалось, что они не могут друг без друга. На день ее рождения он сделал ей предложение. Еще месяц — и вот он, чудесный момент! Долгожданное белое платье, принц в черном костюме, ее лучшая подруга Настя в свидетельницах. Ссоры забыты, и все желают молодым счастья и долгих лет семейной жизни. Не прошло и года, как родился любимый первенец, которого Юля доверила крестить Настеньке, тогда как в крестные отцы, по настоянию Сергея, пошел его друг и напарник Артем Хлебалин — высокомерный, самолюбивый, завистливый и жадный до чужого добра человек. Но тогда молодая мать все видела в розовом цвете. А потом... Потом начались семейные проблемы. Потом — это почти четыре года назад, после того, как она с детьми вернулась от родителей, к которым уезжала на все лето. Ее мужа словно подменили: он стал регулярно пропадать на каких-то заданиях, почти не появлялся дома, прикрываясь работой, постоянно раздражался на нее и детей. Сначала это поведение проявлялось редко, затем чаще, а теперь превратилось в образ жизни.

Вот и сейчас, после разговора с Сергеем по телефону, Юля не могла найти себе места,

не могла понять, в чем она виновата перед ним? В том, что родила ему и вырастила двоих детей? В том, что была верна всю их совместную жизнь? И это несмотря на то, что подруга постоянно твердила ей о том, какой Сергей мерзавец и что он не достоин ее, настойчиво звала развеяться и погулять, чтобы забыть о семейных проблемах и снова ощутить себя женщиной. А она не верила, отказывалась от этих, по ее мнению, глупых предложений...

И вот теперь она сидела в своей двухкомнатной квартире. Ее дети мирно спали, а она сама лила слезы и терзала себя мыслями о том, куда делась ее прежняя жизнь. И куда делась подруга, которая была ей как сестра с самого детства? И что произошло с мужем, который не так давно носил ее на руках? А главное, что произошло с ней самой и почему? Вытащив и без того мокрый от слез платок из кармана халата, Юля вытерла заплаканные глаза и пошла проверять дочку: если жар спал, она мирно ляжет рядом со своим ребенком и забудется до утра, отрешится от гнетущих мыслей. Если бы не дети, она, наверное, давно бы уже наложила на себя руки и окончила свою, как ей теперь казалось, никчемную жизнь.

Глава XXI

*Не успеешь найти смысл жизни,
как его уже поменяли.
Дж. Карлин*

Еду на автобусе в село Слобода. Еду к отцу Петру, которого я не видел уже несколько месяцев. Я радовался поначалу, что наконец-то этот упырь отстал от меня. А потом понял, что мне его не хватает, что без него мне скучно, что я хочу попросту выразить ему благодарность за то, что он единственный, кто все же не отвернулся от меня и попытался по-своему помочь. Следил за мной, будто ангел-хранитель. Кто бы, если бы не он, вытащил меня из синей ямы? Автобус со скрипом тормозит, поднимая вокруг себя клубы пыли. Я вываливаюсь из душного «скотовоза» на свежий воздух вместе с плохо одетой пожилой женщиной.

— Мать, подскажи Христа ради, где тут церковь?

— Ну ты даешь, милоч. Шутишь что ли? Ты прям как не местный, — кривит беззубый рот старушка.

— Так оно и есть. Подскажи, куда идти?

Оглядываюсь по сторонам. Селом это назвать трудно: несколько ветхих домов, разбросанных на расстоянии десятков метров друг от друга. Чуть поодаль одиноко пасется корова, где-то кукарекает петух, кричит звонко, будто приветствуя гостей.

— Чудишь, — старушка поднимает руку и указывает гладкой блестящей палкой в сторону. — Там стоит, — переваливает сумку за спину и, прихрамывая, удаляется в противоположном направлении.

Я тяжело вздыхаю. Солнце припекает. К вечеру, наверное, пойдет дождь. Скидываю

рюкзак и достаю бутылку с водой, жадно делаю несколько глотков, вставляю в уши наушники и включаю плеер.

Два человека пытаются как-то решить:
Задача живущих — встретиться и поговорить,
Но разница между живущими в тысячу лет,
И вместе они как бы есть, а как бы их нет.
Если первый напишет вопрос и отправит конверт,
Он вряд ли когда-то получит обратный ответ.
И вот двое уселись на один и тот же утес,
Свесили ноги вниз и понеслось!

Никогда не задумывался над тем, что музыка имеет таинственный смысл. Раньше я просто ее слушал. Так, по принципу «нравится — не нравится». По сути, я был музыкальной проституткой. Теперь же я избирателен. Все, что не проникает до самого сердца, все, что не оставляет послевкусия, я отрицаю.

Иду, поднимая с проселочной дороги пыль. С заросшего поля бьет жаром в лицо. Надоедливый слепень увязывается за мной и с риском для жизни пытается меня укусить. Его затея проваливается. Моя ладонь с хрустом растирает его тело по вспотевшей шее. Через сто метров захожу за бурьян и останавливаюсь, как вкопанный. Разрушенная деревянная церквушка, вокруг стоят четыре палатки. Человек шесть копаются возле строения, а отец Петр сидит наверху, работает рубанком и о чем-то шумит, командует. Его слушаются, исполняют сказанное.

Один говорит: «Здравствуй, друг!».
Другой отвечает ему, и вдруг
Что-то на общих их небесах сделало круг.
И оба смотрели на самый верх,
А сверху сыпался детский смех,
И оба узнали, что они — это один человек.

Вынимаю наушники, и мир наполняется звуками цикад, щебетом птиц и людским гомоном. Стою и смотрю на эту картину. Петр замечает меня и откладывает инструмент, улыбается мне во весь рот. Через его густую бороду и усы даже издалека видны белоснежные зубы. Он машет мне рукой, будто мы с ним закадычные друзья. Я усмехаюсь, скидываю руку вверх в ответном приветствии. Он спускается.

Чай с чабрецом. Петр ухаживает за мной, как за дорогим гостем, а я сижу в недоумении: с чего вдруг такая забота после того, как я столько раз его прогонял?

— Я знал, что ты приедешь рано или поздно. Ты пей, пей. Сам собирал и сушил. Чабрец — трава полезная.

Я отхлебываю, обжигая небо. Смотрю в его ясные светлые глаза и не понимаю этого человека. Зачем ему это все? В этой глуши?

— Хочешь спросить, что я тут делаю с этими людьми? — читает мои мысли он. Я отхлебываю еще глоток и утвердительно киваю головой. — Они, как и ты, потерянные. А церковь и труд объединяет их и дарит смысл в жизни. Работа сплачивает, заставляет не

думать о горе, о проблемах.

— Ты мультфильм про Чебурашку видел? — я снова отпиваю из чашки ароматный чай. Мой собеседник смотрит на меня с немым вопросом. — Там тоже домик для друзей строили. А что делать будешь, когда работа закончится? Тут тебе не мультик — тут живые люди.

Он наклоняется под стол, что-то ищет и затем протягивает мне молоток.

— Держи. Пойдем.

— Нафига?

— Пойдем, пойдем.

Ни черта не смыслю в строительстве, но понимаю, что работы только начались. Люди при виде нас вежливо склоняют голову, приветствуют. Лезу по бревну и усаживаюсь напротив батюшки, который снова берет в руки рубанок. Вжи-и-к! Вниз слетает кудрявая стружка, а воздух наполняется древесным запахом.

— Чего расселся? — он достает коробку гвоздей и протягивает мне. — Давай крепи балку! Помогай мужикам!

Удивляюсь, как круто поменялся на глазах отец Петр. Взмахиваю молотком. Тук, тук, тук! Шляпка утопает в дереве. До самых сумерек колочу, таскаю, строгаю и перемешиваю. Уставший, я, наконец, прощаюсь с Петром.

— Буду рад тебя видеть здесь. Всегда, — он протягивает мне руку, и я жму ее.

— Странный ты все же, святой отец.

— Каждый человек со своей чудиной в голове. Здоровых людей нет. Все мы сумасшедшие в этом мире.

— Тут не поспоришь.

— Так и не надо, — пристально смотрит.

Я было поворачиваюсь, чтобы уйти, но вспоминаю об одной вещи. Снимаю рюкзак с плеча и достаю маленькую книжицу в виниловом переплете с золотым крестиком в центре обложки, протягиваю ему. Он лишь усмехается и качает головой.

— Это твое. Ты сам сделал для себя выводы. Каждый находит в Писании то, что ближе его сердцу. Но никто не вправе винить тебя за твой выбор. Запомни: хороший человек никогда не ошибается, он всегда и все делает правильно. В любой момент, в любой ситуации он поступает именно так, как должен поступить, выложившись при этом на свои сто процентов.

— Как скажешь.

Я убираю книгу обратно и ухожу. Он все же мастер читать проповеди. Хотя, наверное, все священники — мастера в этом деле. Кого ни возьми, любого заслушаешься. И все-то у них правильно и верно.

— Еще увидимся, — кричит мне вслед Петр.

— Возможно, — отвечаю ему, не оборачиваясь.

Добираюсь до остановки, когда уже почти стемнело. Хотя какая, к чертям собачьим, это остановка? Вытоптанная площадка со скамейкой по центру. Неподалеку стоит вглухую тонированная девятка. Музыка долбит так, что слышно, как дребезжит номерной знак. На правом крыле красуется надпись «My life, my rules», что, по-видимому, переводится для двух подвыпивших парней именно так: «Наша тачка и мы настолько круты, что нам пох на всех лохов. Чмо, наподобие вас, нас не интересует. Так как это наша жизнь и наши правила!». Один из них сминает пивную банку и кидает ее через себя, чуть не угодив мне в голову. Он

даже не оборачивается. Рассказывает своему приятелю, как вчера зажигал с какой-то телкой, причем описывает мельчайшие подробности совокупления на заднем сиденье его авто. Я стою в стороне, делаю вид, что меня это не касается, все еще надеюсь, что приедет автобус. Время идет, а транспорта все нет. Мне не хватает воздуха. Присаживаюсь на скамейку, расстегиваю ворот. Скинув рюкзак, лезу за водой и замираю, увидев рукоять молотка. Это тот самый инструмент, которым я заколачивал гвозди, сидя на бревне. По виску скользнула капля пота. Как он тут очутился? Я же четко помню, что отдал его Петру после окончания работы. Что же это? Шутка какая-то? Голова начинает болеть. Резкими жестами массирую виски, как вдруг меня словно бьет током.

— Да чего ты ломаешься?! Садись давай! Покатаем!

— Отстань! — кричит девушка и вырывает руку из лап парня.

— Да ты чего, сука, совсем ошалела?! Иди сюда, я сказал!

Хрупкое тельце неуверенно пятится, а к нему неотвратно приближаются два изрядно подвыпивших отморозка. Я наблюдаю за происходящим, по-собачьи склонив голову на плечо. Не шевелюсь, дабы не привлечь к себе лишнего внимания. Принимаю вид, будто меня это не касается, прикидываюсь глухим, немым и спящим. В общем, делаю все то, что обычно делают люди в таких ситуациях.

— Колян, чего с ней церемониться?! Тащи ее сюда!

Девушка оказывается в нескольких сантиметрах от меня. Слышу развалистые шаги парней, которые, словно хищники, уже почувствовали беспомощность жертвы и готовы напасть. Они вовсе не смущены моим присутствием — для них меня вообще здесь нет. Наверное, привыкли к тому, что им все дозволено. Нутром ощущаю страх несчастной, впитываю ее умоляющий взгляд о помощи. Тяжело вздыхаю, из-за пазухи вываливается кулончик в виде черной капельки: «Паук, пап». Слово в замедленной съемке вижу, как в суде Фролова Елизавета Викторовна оборачивается, смотрит на меня и проводит пальцем по горлу. Я не смог тогда защитить свою семью. Тогда законы были не на моей стороне. А теперь? Во мне что-то надламывается. Теперь, я сам — закон! За грехи ваши — смерть!

— Беги, — чуть слышно говорю девушке, а сам опускаю руку в рюкзак. Ладонь мгновенно нащупывает деревянную рукоять молотка. Моих слов достаточно с лихвой: девчушка срывается с места.

— Куда, тварь?! — орет первый парень и кидается в погоню, но тут же оказывается на земле с проломленным черепом.

Второй стоит и еще не осознает, что происходит. Я в три шага оказываюсь рядом с ним. Удар, удар, удар. Я как будто вколачиваю гвозди. Последнее, что он видит в своей жизни, как поднимается вверх и резко опускается вниз окровавленный молоток, превращая его голову в разбитый глиняный горшок. Недавние хищники в один момент стали жертвами. Не помню, что было дальше. Все как в тумане. Знаю только одно: раскаяния за содеянное я не ощущал, и кровавые мальчики мне по ночам не снились. Объяснять таким скотам что-либо бесполезно. Нужно было просто избавить Землю от них. Жалко только родителей, которые воспитали эту мразоту. Но, как говорится, лес рубят — щепки летят. Меня тоже в свое время никто не пощадил. Что же, эволюция учит нас приспособляться и выживать, а также выбраковывать никчемные виды. Я решил ускорить этот процесс. Я решил провести чистку на нашей Земле-матушке. Терять мне нечего, да и смерти я не боюсь — гремучий коктейль, не правда ли? Тогда я спас ни в чем не повинную душу, не допустил надругательства. Впоследствии я буду пресекать зло заранее. Можно долго рассуждать, сделали бы они ей

что-то плохое или не сделали? Исход один. Они получили ровно то, что заслужили. Собаке — собачья смерть.

Как выяснится позже, я загубил сына областного прокурора и его друга.

Чиркаю спичкой, и синий огонек уползает в темноту. Тонированная девятка с двумя трупами вспыхивает ярким факелом. Огонь жадно пожирает дарованную ему жертву. Пламя играет на моих зрачках, проснувшийся внутри зверь яростно требует продолжения вакханалии, но я усмиряю его. Теперь я санитар этого леса.

Глава XXII

Гусь свинье не товарищ.

*Хотя если гусь богат, а свинка готова делать за деньги все,
почему бы и нет?*

Максимов Максим Юрьевич

8 апреля 2015 года. Четыре дня до Пасхи. 23 часа 48 минут.

Сергей потянулся за сигаретой, чиркнул спичкой и, затянувшись, выдохнул облако дыма. Он лежал неподвижно и смотрел на высокий потолок, украшенный по периметру незамысловатой лепниной. Женская рука скользнула на его грудь, но он откинул ее в сторону. Девушка обиженно встала и, закрутив волосы в пучок, резко произнесла:

— Ты должен ей обо всем рассказать! Так больше не может продолжаться! Я тебе не игрушка, в конце концов!

Он снова сделал глубокую затяжку и, выпустив дым из легких, спокойно ответил:

— И как ты себе это представляешь, а?

— Просто приди и расскажи ей все! Иначе...

— Рассказать что?! Что я должен рассказать своей жене, Настя?! Что я сплю с ее лучшей подругой, которая только позавчера приходила к нам в гости и играла со своим крестником?!

Сергей в ярости растер окурок в пепельнице и зашарил рукой по полу в поисках своих штанов. Девушка бросилась ему на шею и впилась в губы. Он попытался оттолкнуть ее от себя, но та повалила его на постель и...

Сергей потянулся за сигаретой, чиркнул спичкой и, затянувшись, выдохнул облако дыма.

— Ты ведьма. Что ты со мной делаешь?

— Ничего, — ласково ответила она и встала с кровати.

Настя изящным движением сняла со стула халатик и бесшумно исчезла в коридоре. Хищник проводил ее взглядом.

— Виски будешь? — донесся нежный голос из темноты.

— Только не разбавляй этой черной бормотухой!

— Со льдом?

— Да!

Через пару минут она вернулась с двумя стаканами и устроилась у него под боком. Он сделал большой глоток.

— Тебе хорошо со мной?

Сергей кивнул. С ней ему было хорошо. Здесь не было его назойливой жены, которая постоянно сверлила мозг нотациями о том, что он много курит и выпивает, что его детям не хватает отцовского внимания, что они его слишком мало видят, что на даче нужно посадить какие-то долбаные и только ей нужные помидоры. Зачем-то обязательно нужно выйти погулять, когда он возвращается с работы, и обязательно нужно озадачить его неотложными делами, когда он лежит на диване и смотрит телевизор. С Настей все по-другому. С ней он отдыхал и чувствовал себя человеком. Он хотел дарить ей подарки, водить ее в кино, хотел просто быть рядом. С ней он чувствовал все то, что когда-то чувствовал и с Юлей, но забыл. Она всегда хорошо выглядела и ждала его с нетерпением. Странно, почему он тогда обратил внимание на свою занудливую стерву вместо ее подруги?

Настя водила рукой по его телу, а он с жадностью допивал остатки спиртного.

— Тебе принести еще?

— Чуть позже.

— Послушай, малыш, — лиса потянулась выше и укусила его за ухо.

— Что? — Сергей зажмурился от удовольствия.

— Мне так понравился один браслетик. Ты его купишь своей киске?

— Сейчас не могу. Я под колпаком и рисковать не хочу. Может, позже.

— Это все из-за того придурка, которого прислали к вам из Москвы, что ли? — она недовольно фыркнула и состроила обиженную рожицу.

— Ну да, из-за него. Ходит за мной по пятам. А я, как пес на цепи, ни вправо, ни влево! Сейчас вообще не вариант. Нужно потерпеть. Вот уедет, и тогда, конечно, куплю, — он провел указательным пальцем по ее носику. Настя расцвела в улыбке.

— Сереж, но ведь ты так долго вычислял этого... Как его?

— Санитара?

— Да. Ведь это твоя заслуга, до тебя его никто всерьез не воспринимал.

— Так оно и есть. Но этот Пименов тепленький какой-то. Как тебе объяснить? Парень с мякушкой. Я бы на его месте уже генерала получил, а он все... — Сергей махнул рукой. — Хотя, в принципе, он нам не мешает, в наши дела не лезет, помогает даже. Глядишь, и поймает гада. Должны поймать!

— А премию дадут?

— А то и звездочку. Тогда можно и о переводе в другой отдел подумать.

— Это хорошо. А то ты за этим выродком столько гоняешься, а прислушались к тебе только недавно. А сколько бы жизней можно было спасти!

— Это да. Хотя, чем он больше натворит, тем лучше. Жирная рыба всегда приятнее мелкой, когда ее поймаешь. Ладно, всего рассказывать не хочу. Чего пугать на ночь?

— А вы точно его поймаете?

— Должны. Парень серьезно наследил. Такого вообще раньше не было. Заигрался, наверное! Впрочем... — он взял стакан из Настиной руки и сделал глоток.

— Что «впрочем»? — напряженно спросила она, глядя на любовника.

— Впрочем, если это вообще он. Странно. Не пойму, почему он так облажался или, если

специально следы оставил, то с какой целью?

— А почему ты его Санитаром назвал?

— Понимаешь, он... — Сергей было заулыбался, но вдруг резко поменялся в лице, его восторг растворился так же мгновенно, как и возник.

— Так почему?

— Да так, просто. Санитар он и в Африке Санитар. Не забивай голову. Лучше еще налей.

Настя, покачивая бедрами, снова ушла на кухню.

«Нужно будет завтра опросить всех с ее работы. Обязательно! Трое за один день? А Сашок прав оказался, что она слабовата на это дело была. Трое за один день! А если среди них был тот, кто ее убил? Получается, узнал о других и вернулся, чтобы покарать? Как вариант! А что, вполне возможно. Три отрезанных пальца. Сукин сын! Вот больной, гад! Три пальца! А тогда почему оторвал язык? Зачем перстень надел ей на палец? Нужно подумать».

Настя вернулась и протянула холодный, запотевший бокал.

— Спасибо, — Сергей нежно поцеловал ее в щеку.

— Не забудь про обещание, — она подняла свой стакан и мило улыбнулась.

Раздался телефонный звонок.

— Стерва твоя что ли? — недовольно буркнула Настя.

— Да нет, хуже. Вот разбирает ее звонить в такое время! — на часах уже полвторого ночи. — Зараза!

— Да не бери ты трубку.

— Поумнее ничего не придумаешь? Алло, — Сергей долго слушал чей-то голос. — Я вас понял, Светлана Васильевна. Работаю. Да, ищем. И сейчас на работе. Завтра прилетаете с Мальдив? Отлично. Нет, ко мне на работу не надо, я сам с вами... — в трубке послышались отрывистые гудки. — Вот сука! Тварь тупая! — он отшвырнул телефон в сторону.

— Кто это?

Сергей растер лицо ладонями и взъерошил волосы.

— Да никто! Нормально все! Давай спать, а то завтра, если вовремя не приду, опять это чудо пименовское сюда притащится!

Глава XXIII

Наибольшая сила — воскрешать.

Наибольшая слабость — убивать.

Н. А. Бердяев

Господи, как же тошнит от запаха крови и мяса! Ужасно! Кто хоть раз резал скотину, меня поймет. Нет, не тогда, когда привыкаешь и действуешь на автомате, а когда впервые совершаешь это сознательно, когда понимаешь, что лишаешь существо жизни. Сначала тебе

интересно, что происходит, потом тебе становится все равно. Кишки, кости, сухожилия, предсмертные судороги — все это уже не трогает. Ко всему этому привыкаешь. Но запах! Запах крови остается! Он всегда стоит в горле, словно ты ее пьешь, он проникает внутрь, растекается по жилам, вытесняет остальные ощущения. Мерзко. Мы употребляем мясо мертвых животных: жарим, тушим, варим его, и вряд ли кто-то хотел бы задуматься о том, как оно попало к нам на стол. Мы хищники, и с этим ничего не поделаешь. Я был бы рад стать вегетарианцем, но жизнь сделала меня плотоядным.

Сию у реки, отмываю руки от красного и липкого. Прохладная вода пускает круги, когда я окунаю в нее свои ладони. Поблизости все еще слышатся крики пьяных друзей, потерявших своего товарища. Одна моя половина проклинает меня за то, что я сделал, другая — хвалит. Совершив зло, я остановил зло гораздо большее. Кто дал мне такое право? А кто дал им право обвинять меня в убийстве своей же семьи? Кто дал право лжесвидетельствовать? Кто дал право судье выносить купленный приговор? Кто наделил такими правами их, тот дал и мне право квитаться с ними! С этим аргументом трудно не согласиться. Тру большим палацем ладонь, окунаю в воду. Злополучные комары так и норовят закусать, где-то стрекочет сверчок, надрывисто квакают лягушки, легкий ветерок колышет высокий камыш с человеческий рост. Оборачиваюсь и смотрю на лежащее у ног вырванное человеческое сердце. К горлу подкатывает тошнота. Чуть дальше лежит распотрошенное тело. Меня мутит. Зачерпнув горсть прохладной речной воды, омываю лицо, отираю шею и затылок. Гляжу на свои руки. Сегодня они дрожат, но пройдет время, и они станут тверды и уверенны, будто руки опытного хирурга.

— Господи, неужели все это совершил я? Почему?

«Потому что больше некому! Зло малое предотвращает зло большое. Скольких ты спас, забрав душу его? Ты же знаешь, кем он был! Выпусти меня наружу, и я все покажу и объясню», — звучит в голове ответ.

— А как же «не убей»?

«Заповеди существуют для людей, а не для таких, как этот! Ты же не тронул невинного», — снова в голове раздается голос, один в один как у Петра.

Смотрю на полную луну, прислушиваюсь и сам поражаюсь тому, что слышу.

— Разве это во благо?

«Благо есть то, чего мы не ведаем, но к чему стремимся!»

Зачерпываю прохладную жидкость, вновь омываю лицо.

— Бред! Какой же бред! Что я творю?! Я не хочу этого!

«Пользуешься безнаказанностью и тем, что терять тебе нечего!»

— Кто ты?! Где?!

Кидаюсь в камыш, раздвигаю стебли руками, но слышу только удаляющийся смех. Обильные ручейки речной воды стекают по лицу, пробираются за шиворот, мне холодно, меня знобит. Смотрю по сторонам: я один, и вокруг только камыш, забрызганный кровью. Красное в темноте кажется черным. Бегаю по кругу, как собачонка за своим хвостом.

— Вот дьявол! Я спятил? Точно спятил! — провожу рукой по лицу и натываюсь на труп парня.

Налейте крови, бокалы синие пусты.

Давайте выпьем за обаяние борьбы.

За идеалы, мы их ковали на огне.

За ваших дочек, которых я возьму себе.

Помню, как получаю удар в плечо. Жесткий и грубый. Вынимаю наушники, пытаюсь извиниться. В ответ получаю удар в грудь. Их трое. Тот, которого я задел, самый рьяный. Коренастый парень с короткой стрижкой и бульдожьей мордой. Извиняюсь еще раз, говорю, что просто отдыхаю, слушаю музыку, гуляю. В челюсть летит кулак, в глазах темнеет. Сквозь звон в ушах из наушников доносится продолжение песни.

В интересах революции,
В интересах революции.
В интересах революции,
В интересах революции.

Рот полон крови, хорошо хоть уцелели зубы. Я, как дурак, все пытаюсь извиниться за то, что нечаянно задел убудка. А может, это он меня задел? И не нечаянно, а специально? Уже не помню. Машу руками, пытаюсь объяснить. Его аргументы продолжают методично долетать до меня увесистыми ударами. Отхаркиваю сгустки крови и припадаю на одно колено. Чувствую, как зверь во мне начинает просыпаться. Я не хочу, хватило и первого раза. Я осознал, что его не контролирую, когда он вырывается наружу. Это опасно не только для тех, на ком он отыграется, но и для меня самого. Когда действует он, я бессилен. Пытаюсь усмирить его.

— Прощу, хватит! Не надо! Парни, я же случайно! Мы же все русские, в одной стране живем, чего вы вдруг?!

От очередного удара скатываюсь с небольшой горки в реку. Лежу в мутной жиже, холодная вода омывает тело. Меня больше нет. Сверху слышится людское ржание. Им весело. Таким, как они, ничто не доставляет большего наслаждения, чем безнаказанное унижение другого. Темнота, абсолютное отсутствие жалости, стук в висках. Бам, бам, бам. Около часа я крадусь вдоль берега по колено в ряске и иле, стараюсь оставаться незамеченным. Иногда поднимаюсь наверх, чтобы не упустить преследуемых. Теперь я охотник. Они идут вдоль набережной, снова пристают к кому-то. Затихаю, в ушах пульсирует ярость. Их очередная жертва отхватывает оплеуху. Патруль ППС проходит мимо, делая вид, что не замечает происходящего. Мой обидчик спускается к реке, чтобы отлить. Пока его приятели веселятся, захожу к нему за спину и, нащупав под ногами камень, без раздумий бью по затылку. Тело заваливается вперед. Не даю ему упасть, подхватываю и быстро оттаскиваю в сторону. Тащу по камышам. словно мне в помощь поднимается шумный ветер, скрывающий мои деяния. Останавливаюсь, только когда наступает полная тишина. Еще минуту прислушиваюсь, нет ли за мной погони — все чисто. Издалека доносятся крики: его приятели спохватились, но поздно. Руки сами начинают обыскивать лежащего на земле человека. Из кармана вынимаю раскладной нож, большим пальцем проверяю остроту. Заточен как надо — не придерешься. Когда разрезаю майку, он приходит в себя, начинает мычать и ерзать червем. Затыкаю рот и вспарываю брюхо. Его глаза округляются от боли, а тело начинает судорожно дергаться. Вранье, что человек орет, когда его режут. Резким движением засовываю руку в грудную клетку и нащупываю в теплых внутренних органах трепыхающееся сердце. Через секунду оно уже остаточно пульсирует в моей руке. Тук, тук, тук, ту-у-у-к. Все. Сваливаюсь на влажную землю, отбросив от себя

страшный трофей. Хватаюсь за голову липкими руками. К горлу подкатывает тошнота, еле сдерживаюсь. Минут пять лежу неподвижно, потом понимаю, что нужно уходить. Нож летит на середину реки. Кидаюсь к воде, начинаю отмывать себя от крови. Тру большим пальцем ладонь, окунаю в воду. В последний раз осматриваю тело, медленно захожу в реку и переплываю на другой берег. Пробираюсь вглубь лесополосы.

— Стой, Макс! — словно приговор, звучит голос позади меня, и я замираю.

Вода стекает по лицу, капает с промокшей одежды на землю. Я тяжело дышу. От усталости шумит в голове. Слышу ровные шаги, которые становятся все четче и четче.

— На, возьми, — голос до боли знакомый.

Оборачиваюсь. Петр протягивает мне пакет с сухой одеждой и обувью. Трясущимися от холода и адреналина руками принимаю то, что он принес.

— Спасибо, — начинаю переодеваться. — Опять будешь проповедь мне читать?

— Бог тебе судья, не я. Ты сделал то, что должен был. А правильно или нет, не мне решать.

— Откуда ты тут взялся?

— Тебя ждал. Кто же тебе поможет, если не я? — он поворачивается и уходит в темноту. — Тебя жаль. Не для таких мелочей я показывал тебе место последнего пристанища. Не для таких. На шушере размениваться смысла нет.

— Постой, Петр! Постой! — кидаюсь за ним.

— Захочешь поговорить — знаешь, где меня найти. А одежду сожги и не попадайся на люди, — слышится голос из тьмы, словно из Преисподней.

Тут он прав. Мокрые тряпки лежат на земле и от них явно нужно избавиться. Что же, странный священник, с тобой не поспоришь. Вопрос остается в другом: как ты тут оказался?

Глава XXIV

Правда подчас рождает ненависть.

Публий Теренций

9 апреля 2015 года. Три дня до Пасхи. 9 часов 7 минут.

Резко похолодало, ночью даже подморозило, и землю подернуло инеем. Сергей и Александр вышли из машины и направились к зданию с вывеской «Production». На входе им преградил путь крепкий молодой человек в черной форме с надписью «Security» — «Охранник», наверное, звучит сейчас немодно.

— Куда?

— Сюда, — Сергей вытащил корочку и ткнул ею в лицо здоровяку. — Еще вопросы есть?

Пугающее красное удостоверение, как обычно, сделало свое дело. Охранник, даже не удосужившись прочитать, что именно в нем написано, услужливо открыл дверь и уже совсем

другим тоном пригласил сотрудников при исполнении войти внутрь здания.

— Начальство наверху, остальные на первом этаже. Проходите.

— Пошли, Сань! — скомандовал Сергей и жестом головы кивнул подчиненному в сторону образовавшегося прохода.

За дверью — воплощение американского стандарта: перегороденные клетушки для персонала, корпоративная этика и бессчетные менеджеры — офис-менеджеры, менеджеры по продажам, менеджеры по персоналу, менеджеры по клинингу вместо уборщиц. Убогое царство белых воротничков, гнетущее любого здравомыслящего человека. Люди-крысы расселись по своим норам в общей комнате, напичканной видеокамерами и микрофонами. Создавалось ощущение не рабочей обстановки, а тюремной. Сергей сразу направился наверх, Александр последовал за ним. Не успели они пересечь один лестничный пролет, как к ним навстречу, на ходу застегивая полы модного пиджака, поспешил мужчина лет сорока.

— Руслан Константинович, — протянул он руку следователю. — Гендиректор.

— Прекрасно. Тогда мы к вам. Наверное, догадались по какому вопросу?

— Да-да. Конечно. Но лучше пройти в мой кабинет, — он указал рукой наверх, а сам, словно жираф, вытянул голову, высматривая из-за посетителей, нет ли кого еще внизу.

— Что ж вы так суетитесь? — усмехнулся Александр.

— Пройдемте. Много лишних ушей.

— А есть, что скрывать?

— Я все расскажу в кабинете.

— Уже интересно, — улыбнулся Сашок, азартно потирая руки.

Прежде чем открыть кабинет, Руслан Константинович еще раз оглянулся по сторонам и выдержал паузу, словно опасаясь слежки. Из соседней двери высунулось лицо женщины, которая при виде опасности по-черепаши спрятала голову обратно.

— Ну так что? — поинтересовался Сергей, садясь за длинный черный стол.

Александр расположился напротив, достал блокнот и ручку и включил диктофон на мобильнике.

— Чаю или кофе не желаете? — Руслан оценил безразличие незваных гостей. — Ну, нет так нет.

— Руслан Константинович, я вижу, вам уже сообщили, откуда мы?

— Да-да. Конечно, — он затряс головой, будто больной Паркинсоном.

— Дело, собственно, состоит в том, что 6 апреля был обнаружен труп Ледовских Светланы Васильевны, — Александр достал фотографии с места преступления и протянул их Сергею. Тот, в свою очередь, передал их Руслану Константиновичу.

— Господи, какой ужас, — воскликнул гендиректор, нервно перебирая снимки, затем отложил их в сторону, трясущейся рукой налил себе стакан воды и жадно выпил.

— Руслан Константинович, давайте на чистоту. Что, как и почему? И не вздумайте валять дурака, так как рано или поздно мы все равно все узнаем. Тем более, я вижу, что потерпевшая была вам небезразлична.

— Ладно, сейчас, — он потрепал на себе волосы, потом закрыл руками лицо. — Короче, так, парни. Только давайте это останется между нами. Я человек женатый, и мне проблемы не нужны.

— Да это понятно. Проблемы не нужны никому. Только если бы люди их не создавали, то мы бы к ним и не приходили, — мгновенно отреагировал Сашок и тут же получил в свой адрес прожигающий взгляд старшего по званию.

— Примерно год назад мы приняли ее на работу. Сам не знаю, как все произошло. В общем, ну вы понимаете: после корпоративчика мы с ней, слово за слово... Она говорит, что ее муж не любит, не понимает, мало ей внимания уделяет. Я тоже хотел малость разнообразия. Раз, второй, ну и, короче, завертелось. Она мне в чат напишет...

— Чего? Куда? — Сергей немного растерялся, но Александр быстро исправил положение.

— Программа такая. Типа смс отправлять. Переписка, в общем.

— А-а-а-а, — понимающе кивнул следователь, хотя сам не понял ровным счетом ни черта.

— У нас отношения свободные были. Спишемся — встретимся. Так сказать, только для... Сами понимаете.

— Понятно, — Сергей почесал переносицу. — А на выходных вы к ней приезжали?

— Да, заскакивал.

— Дела свои сделал и домой к жене, так что ли? — уткнувшись в блокнот, с улыбкой добавил Александр.

— Ну, типа того. Что тут скажешь-то? Я ее не обижал, денег подкидывал и подарки дарил. Ребят, я когда приезжал, она еще жива была. Детьми клянусь, ей Богу, не я!

— Вас еще никто ни в чем не обвиняет. Успокойтесь.

— А может, еще кто у нее был? — положив блокнот, спросил Александр.

— А я почему знаю? Я же говорю: у нас так, дашь на дашь все было.

— Понятно. Дашь на дашь — лучше и не скажешь. Мы с вашими сотрудниками еще пообщаемся. Вы же не против?

— Нет, конечно! Ради Бога!

— Вот и прекрасно. Если что вспомните, позвоните, — Сергей достал визитку и положил на стол Руслану Константиновичу.

— Ребят, только ради Бога, никому! Прошу! — он привстал с кресла и сложил руки на сердце, сделав печально-вопрошающий взгляд.

— Постараемся. Если что, то вызовем вас.

Сергей и Александр спустились на первый этаж, неспешно перебирая ногами ступени.

— Никому. Ты слышал? — усмехнулся Сашок. — Да сто пудов, что весь коллектив в курсе! Последней, как правило, все узнает жена, — он тут же замолк, видя перед собой безмолвное и покрывшееся красными пятнами лицо напарника. — Да я это так, образно.

Их догнала женщина в возрасте. Та самая, которая выглядывала из соседнего кабинета. Она была раскрашена, как индеец команчи перед боем, маникюр на ее руках слепил алым цветом, довольно пышное тело перекатывалось под облегающим платьем, шпильки туфель ритмично стучали по плитке.

— Пойдите, — запыхавшись, окликнула она следователей. — Ой. Фу-у-у. Еле успела. Вы же из полиции?

— Допу-у-у-стим, — протянул Сергей, еще не вполне понимая, чего от нее можно ждать.

— Я вам сейчас все расскажу. Меня зовут Антонина Павловна, я тут старшим бухгалтером работаю, — Антонина Павловна взяла Сергея за рукав и решительно потащила в сторону. — Пойдемте, пойдемте!

Они вышли на небольшую площадку, где стояла урна для курильщиков. Женщина ловко чиркнула зажигалкой и сделала глубокую затяжку.

— Короче, так. Шмара эта, Светка, весь наш коллектив взбудоражила. Ни одного мужика мимо себя не пропускала! А эти-то кабели? Им сиську покажи, и они уже готовы бежать за ней хоть на край земли! Туда этой суке и дорога!

— За что же вы ее так? — тоже закуривая, спросил Сергей.

— Как за что?! До этого все спокойно было! А как ее на работу приняли, так началось. Дура-дурой. Ее даже уволить поначалу хотели, пихали с одного места на другое, пока она с начальником нашим не съякшалась. И что он в ней нашел?! Сама же помню, как он крыл ее благим матом, стоя у нас в бухгалтерии, за то, что она, простите меня, ни в зуб ногой.

— Зато она другим может, — расплылся в улыбке Сашок.

— Во-во! Вот только этим-то она и может. Шалава!

— Так что же не уволили?

— Говорю же, охмурила она нашего директора! Словно околдовала его, ведьма!

— И что, ее тут все так же, как и вы, не любят?

— Да почти весь коллектив! У кого ни спросите. Она же себя здесь в последнее время как хозяйка вела. Чуть что не так, то сразу Руслану Константиновичу звонит, жалуется. А тот, как цепной пес, давай всех на куски рвать по делу и без. Так я вам еще больше скажу: она до него тут шуры-муры с другим крутила. Говорят, даже якобы забеременела от него. Тут любовь такая была, что ой-ей-ей! — Антонина Павловна покачала головой. — Только вот парнишку жалко. Как только она с нашим-то, — она кивнула в сторону директорского кабинета, — начала крутить, тот его сразу уволил. Как же он переживал. Любил ее сильно. Мало того, говорят, у нее еще и муж был! — она преподнесла это таким тоном, словно раскрыла тайну века.

— Почему был? Он и сейчас есть. Гражданский муж, так сказать.

— Да вы что?! Обалдеть! — Антонина Павловна потушила окурок о край урны и выдохнула облако сизого дыма почти в лицо Сергею.

— Позвольте, но у нее вроде бы детей нет?

— Да долго ли почиститься? Я вас умоляю! Вы прямо как маленькие.

— Антонина Павловна, а скажите, пожалуйста, как звали того парня, которого уволили?

— Так это... Как же его? — она некоторое время задумчиво тыкала пальцем в грудь следователю, будто хотела выбить из него эту информацию, но потом собралась с мыслями: — Господи Иисусе! Комаров Кирилл! Точно-точно! Комаров. Но вам бы на счет него лучше расспросить нашего компьютерщика: он с ним в хороших отношениях был. Насколько помню, только с Кириллом он в последнее время и общался.

— Спасибо большое, Антонина Павловна. Вы даже не представляете, как нам помогли, — Сергей мило улыбнулся.

Лицо женщины покрылось довольным румянцем.

— Да бросьте вы. Чего уж тут. Я всегда готова помочь в хорошем деле.

— А не подскажете ли еще нам, как найти этого вашего программиста? Он здесь?

— Нет его. С ним дело вообще непонятное случилось — пропал он.

— В каком смысле?

— Он как в пятницу на выходные ушел, так его и нет. Не появляется на работе, на звонки не отвечает. Как в воду канул!

— А как его зовут-то хоть? — Александр перелистнул листок блокнота.

— Компьютерщика-то нашего?

— Ну да, его.

— Так Максимов Максим Юрьевич. Душа-человек! Всем помогает, ни с кем не ссорится, его тут у нас все очень уважают. Тихоня такой, уже в возрасте — как-никак почти четвертый десяток. А умный! Что ни спроси — все знает. У нас тут без него просто ужас. Другого бы наш Цербер, — она снова кивнула в сторону директорского кабинета, — давно бы уволил за прогулы, а этого ждет. А может, просто запил он? С кем не бывает? Хотя вроде и непьющий был, — тут же ответила она сама себе.

— А где на них данные получить можно? На обоих?

— Так у меня и можно. Пойдемте. Я вам даже чаю могу согреть, если хотите.

— Штирлиц в юбке, твою мать, — еле слышно прошептал Александр, захлопнул блокнот и убрал его во внутренний карман куртки.

Сергей уже смаковал мысль о том, что у него появилась зацепка и что цепочка начала хоть как-то вытягиваться, смыкаясь разорванными звеньями в единое целое. «Вот почему три пальца. Руслан — первый. Осталось понять, кто еще. По пальцу за любовника. Не причем тут язык? Нужно теперь отыскать этих двоих плюс опросить еще тех, кто с ней общался. Интересно, что там у Пименова? Раскопал он что-нибудь интересное про миорелаксант?», — пронеслось все разом в голове у Сергея.

Глава XXV

Никем не любимый ребенок перестает быть ребенком:

он лишь маленький беззащитный взрослый.

Ж. Сесброн

Я провожу тыльной стороной ладони по правой брови, смахиваю капельку пота. Хотя на улице уже глубокая осень и в воздухе веет морозцем, мне жарко. Вместе с Петром и другими рабочими закидываем бревно на кладку, подгоняем его, осаживаем на место. Работников тут много. Где их Петр только находит? Косматая борода, ряса в опилках, хитрый прищур — прямо апостол собственной персоной, а начинает в душу лезть — самый что ни на есть демон. Все у него с какими-то загадками. Разрушенная давным-давно церковь потихоньку поднимается. Еще немного, и начнем класть переводы для потолков, которые будут уходить в купола. Но прежде необходимо выполнить сложную рубку. Петр ждет особо мастеровитого плотника, но тот все не появляется. С неба начинает моросить.

— А если он не придет?

— То одному Богу ведомо. Может, и не придет.

— Так чего народ держать? Давай в другой раз, — потирая руки и дыша на них теплым воздухом, говорю я.

— Может, ты и прав, — Петр окидывает взором стоящих внизу мужиков. — Все, ребята, спасибо за помощь! Отдыхайте!

Слышится ответная благодарность, легкий гомон, слова прощания, и народ начинает

потихоньку расползаться.

— Погода мерзопакостная, — поднимая голову к свинцовым небесам, бурчу я.

— Пойдем чаю попьем. Там самовар должны были согреть. Как на это смотришь?

Я не отрываю взора от неба, ощущаю, как мое лицо покрывается моросью и небольшая капелька дождевой воды скользит по шее, вызывая мурашки по всему телу.

— А молоток не подкинешь, как в прошлый раз?

— Да Бог с тобой. О чем это ты? Не стоит меня вплетать во все это. Лучше пойдем чай пить, — он задирает рясу, чтобы не мешалась, и ловко соскакивает вниз. — Ну, ты идешь али как?

Я все еще наслаждаюсь тем, как маленькие и острые, словно иголки, капельки покрывают кожу.

— Проходи, проходи. Тут, конечно, не хоромы, но жить можно.

Вхожу в наспех срубленную клетушку, где ничего нет, кроме стола, нескольких стульев и буржуйки в углу, в которую Петр шустро подкидывает несколько поленьев. Стою в ожидании и щелкаю пальцами, пока он разливает душистый чай на травах. Манящий запах заполняет небольшое пространство, и я машинально сажусь за стол.

— Я бы от чего покрепче не отказался, — со смехом говорю я и с прихлебом втягиваю в себя кипяток из стеклянного стакана. Лицо моего собеседника меняется: теперь он явно не похож на святошу.

— Мало тебе было?!

— Да брось, я пошутил.

Воздух становится гуще, а в комнатенку сквозь щели проникает ночная тьма и заполняет пространство.

— Забыл, для чего ты здесь?! Почему выжил?! — голос Петра звучит загробно, борода трясется, а глаза во мгле кажутся красными. — Вино бы вам жрать! А ты знаешь, что двое малолетних детей погибли по вине матери-алкоголички?!

Я опускаю стакан, зубы самопроизвольно начинают скрипеть. Петр привстает, опирается руками о столешницу.

— Ты переживаешь за смерть своих близких, пытаешься исправить то, что случилось, пытаешься повлиять на ход событий, искоренить несправедливость, алчность, предательство, похоть. Хочешь сам стать судьей вместо тех продажных, ряженных в мантии ничтожных кукол. Пытаешься судить их, пусть и таким зверским способом. Ты чистишь этот мир, словно санитар чистит гнойную рану больного от накопившейся внутри заразы. А теперь представь себе, что некоторые сами гробят самое святое — своими собственными руками, без раскаяния, без сожаления?!

Меня знобит: так бывает из-за гипоксии. Хочу возразить, но не могу, а он продолжает. Зверь во мне снова начинает пробуждаться.

— Галина Кудрина и ее благоверный супруг Роман нигде и никогда не работали, пьянствовали всю свою, если можно так сказать, сознательную жизнь, да еще и дрянь всякую по вене пускали. Зато умудрились нарожать, как это нередко бывает, двух прекрасных детишек, Костю и Илью.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — хриплю пересохшим ртом, стараясь удержать чудовище внутри себя, но мой благодетель давит на больное.

— Затем, что я не для того здесь нахожусь, чтобы ты шпану по кустам резал, да бошки

им молотком разбивал. Нужно расти, Максим, совершенствоваться. Ты же, в конце концов, хочешь отомстить за тех, кого потерял? А? Вижу, что хочешь. Тогда слушай. Слушай и запоминай! Однажды Галина оставила на столе снотворное, а четырехлетний Костя, увидев таблетки, принял их за конфеты, такие редкие в его жизни. Понимаешь?! Ребенок не может отличить лекарства от сладостей! И что происходит?! — он разводит руки в стороны. — Итог трагичен: ребенок умер, уснул вечным сном.

— Остановись. Хватит, — голова кружится, тошнота подступает к горлу. — Я знаю, к чему ты клонишь. Но с этим должны разбираться органы опеки, власти, в конце концов, но не я. Не я.

— О, как ты заговорил, Макс! Хорошо! Прекрасно! Но я скажу тебе вот что! Лишение родительских прав — это мера защиты детей, которая применяется только по решению суда. Понимаешь?! Суда! Ты ведь ощутил на себе его справедливость?

— Если я начну действовать... — качаю головой. — Все же зачастую даже самая плохая семья лучше, чем самый хороший детский дом.

— Тут я с тобой согласен, но это в том случае, когда есть хоть какая-то надежда! А здесь... После смерти ребенка семьей заинтересовались в отделе опеки и попечительства. Галине даже пригрозили лишением родительских прав, но, заметь, просто пригрозили. Одна смерть для них ничто. Как ты сам сказал, плохая семья лучше, чем хороший детдом. Но детдом лучше, чем смерть! Ну, так вот, Макс. Спустя год у этого отребья родилась дочь Вика. Но и ее жизнь в семье алкоголиков и наркоманов была недолгой. Полуторамесячную девочку вскоре нашли мертвой. Слышишь меня?! Вику нашли мертвой!

Его слова многократным эхом проносятся в моей голове. Рука сжимает стакан с чаем так сильно, что он лопается. Ладонь горит то ли от кипятка, то ли от порезов.

— Знаешь, что стало причиной смерти?!

Мотаю головой из стороны в сторону, разминая стекло в руке.

— Донельзя пьяная и обдолбанная мамаша накормила младенца грудным молоком, и малышка умерла от интоксикации.

— Чего ты от меня хочешь?

— Ты меня плохо слушал, Максим. У них остался еще двухлетний Илья.

— Какой же ты к черту священник, раз толкаешь меня на это? — хватаю его за шиворот, подтягиваю к себе и шепчу на ухо. — Ты ведь знаешь, что будет, когда я доберусь до них.

— Благословляю тебя, сын мой, — он будто смеется.

Боль в руке становится невыносимой. Я отталкиваю его от себя и вскрикиваю. Разбитый стакан лежит на полу, из руки хлещет кровь. Второй раз я калечу одну и ту же руку и снова о тот же предмет. Пугающая закономерность.

В комнатенке тепло от буржуйки и светло. Никого нет. Через секунду вбегает отец Петр. Я шарахаюсь от него в сторону, словно черт от ладана, зажимая порез рукой.

— Господи! Как же тебя так угораздило-то? Дай посмотрю! Оставить тебя нельзя ни на минуту.

Опешив, смотрю, как он ловко отрывает полоску от полотенца и заматывает мне ладонь.

— Прижми туже, а я принесу бинты да зеленку. Надо же рассадил-то как. Эх ты, растяпа. Да чего смотришь-то так на меня? Держи сильнее, чтобы кровь перестала идти. И крестик свой убери за пазуху, а то вывалился, — он выскакивает на улицу.

— Это не крестик! Это паук! Подарок сына!

Ведь у меня травма головы, я умирал несколько раз. Чего удивляться происходящему? Присаживаюсь на стул, ногой задвигаю осколки стакана под стол. Передо мной, оказывается, лежит старая газета. Странно, почему не заметил ее сразу? Мое внимание приковывает заголовок «Ребенок умер, отравившись грудным молоком пьяной матери». Чуть ниже вырван клочок. Зачем-то лезу в карман и нащупываю там бумажку, вынимаю и разворачиваю. На куске газетного листа написано простым карандашом: «ул. Пролетарская, дом 74. Кудрины Галина и Роман». Зверь внутри меня заходится безумным смехом.

Порыв ветра срывает последние пожелтевшие листья с дерева и, закручивая их в небольшую воронку, уносит в сторону. Холодная изморозь покрывает городскую окраину. Мерзко, сыро и холодно. Серый безжизненный вечер подходит к концу, отдаваясь во власть влажной осенней ночи. По моему промокшему насквозь капюшону стекают струйки дождевой воды. Я стою вдалеке от полуразрушенного и покосившегося барака. Этому дому на вид лет сто, не меньше. Он поделен на четверых хозяев. В одной части точно никто не живет: окна заколочены, на двери висит замок. С этой же стороны вход в ту часть, которая мне нужна. В разбитом окне, затянутом полиэтиленом, тускло горит свет. Двор похож на городскую свалку: мусор выкидывается прямо рядом с развалившейся верандой. Вместо огорода — заросли сухого репейника высотой в человеческий рост, чуть дальше виден раскидистый клен. Решаю дождаться темноты в этих дебрях. Сухая одежда и машина ждут в двух кварталах отсюда. Порыв ветра окатывает меня крупными дождевыми каплями. Внезапно открывается дверь. Она распахивается так резко, будто ее вышибли пинком. Долговязый пьяный мужик в семейных трусах с матерной бранью вываливается на крыльцо, закуривает сигарету и, шатаясь маятником в разные стороны, босиком начинает неуверенное движение в мою сторону. Он останавливается метрах в двух, делает очередную затяжку и начинает отливать, что-то бормоча себе под нос. Смотрю с презрением на это подобие человека. Почти совсем стемнело. Из открытой двери доносится детский плач. Я уже был здесь прошлой ночью, наблюдал за этой семейкой. Последние сомнения разбились, словно Титаник об айсберг, когда я увидел, как эти горе-родители валялись в пьяном угаре на полу, а их двухгодовалый ребенок сначала надрывисто кричал, а потом свернулся калачиком и, засунув большой палец в рот, уснул на грязном, старом, валяющемся словно половая тряпка свитере. Вы спросите, куда смотрят соседи? А часто ли вы сами лезете в чужие семейные проблемы? Всем же все равно. Кроме меня. Так как всем есть, что терять, а мне — нет.

Тощий делает последнюю затяжку и щелчком отправляет бычок в мою сторону. Окурок прилетает прямо мне в плечо.

— Да заткни ты его, сука долбаная! Дай ему пожрать, пусть замолкнет! — он с прихрюкиванием затягивает содержимое своего носа себе в глотку и схаркивает в сторону.

Я же в это время наматываю капроновую бельевую веревку себе на руки. Она тихо поскрипывает на мокрых кожаных перчатках. Тело, стоящее передо мной, разворачивается по направлению к дому. Зря: к хищнику нельзя становиться спиной. Делаю глубокий вдох, слышу, как стучит мое сердце. Два резких шага вперед, мгновенные, как вспышка света. Удавка накинута на шею, рывок на себя. Он невольно всхрапывает. Упираюсь коленом в его хребет, капрон впивается в кисти, недавно порезанная ладонь начинает гореть. Он беспомощно мотает руками, пытается вырваться. Умирать не хочется никому — даже такой падали. Валю его на землю. Он еще какое-то время беспомощно дергается и затихает. Все, с

ним покончено. Сажу на корточках рядом с телом, по спине течет пот. Снимаю перчатку, порезанная рука болит, из-под бинта сочится кровь. Это плохо. Очень плохо. Нужно быть аккуратнее. Но ничего: усиливающийся дождь смывает следы.

— Ромка! Дебил! Ты где есть-то?! — из дверного проема показывается второе пьяное тело.

— Ща буду! — ору ей в ответ, подражая мертвецу.

Сплювывая на ее мужа и быстрой походкой направляюсь к ней. Она всматривается в темноту и вскоре различает стремительно приближающийся к ней черный силуэт.

— Ты кто такой?!

— Справедливость!

Кулак влетает в опухшее от пьянки лицо. Ее ноги отрываются от пола, и она с грохотом валится в коридор. В соседней комнате кричит ребенок. Кричит тихо, я бы сказал, утомленно. Закрываю за собой дверь на замок и затаскиваю паскуду на кухню. Привязываю к стулу, скотчем заматываю рот. Перевожу дух. Иду на детский голос медленно, не спеша. Повсюду валяются бутылки, тряпки, старая обувь и газеты. В нос бьет отвратительный затхлый запах. Останавливаюсь в небольшой темной комнате. Ребенка я больше не слышу. Кое-как нахожу выключатель. Свет тусклый, но я отчетливо вижу забившееся в угол маленькое тельце. Илья, худенький мальчонка с темными выразительными глазами, смотрит на меня недетским взглядом, прожигает насквозь. Сажусь на корточки, протягиваю ребенку руку.

— Папа! Папа! Смотри! — ладошка сына раскрывается, и в ней лежит черный камушек.

— И что это?

— Паук, папа! Паук! — он весело хохочет и бежит прочь, Кристина мило улыбается.

Я дергаюсь от прикосновения, прихожу в себя. Илья стоит передо мной. Улыбаюсь ему. Наверное, напугал парня. Хотя нет, такого не напугаешь. За свою короткую жизнь он повидал побольше моего.

— Не бойся. Иди ко мне. Иди, — малыш какое-то время мнетя, потом все же подходит, и я беру его на руки. — Вот и все, ничего не бойся. Тебя больше никто не тронет и не обидит.

Я в мокрой и холодной одежде, но его это не беспокоит. Ласки, по-моему, он отроду не знал. Минут двадцать я ношу его на руках. Мне бы его покормить, да нечем. В этой хибаре, кроме спиртного и дури, ничего нет. Мальчишка ангельски засопел, насасывая свой пальчик. Окидываю взглядом его жилище. Да, парень, ангелом в аду быть не так-то просто. Сука на кухне начинает мычать. Что же, мне пора. Укладываю малыша на кровать, если так можно назвать это лежбище: нары в тюрьме, наверное, и то чище.

Галя дергается на стуле. Левый глаз от удара заплыл и немного посинел, хотя на ее пропитой роже весь этот грим не сильно заметен. Сажусь перед ней. Какое-то время смотрим друг на друга молча, потом она снова начинает мычать.

— Фотоальбом есть?

Даже через замотанный рот понятно, как она кроет меня по матери. Что же, хорошо. Встаю и вытаскиваю из стола нож, захожу сзади и отрезаю ей ухо. Жду пока проорется. Кладу на стол часть ее тела и свое оружие. Снова задаю тот же самый вопрос. Теперь она кивает головой в сторону спальни. Другое дело. Возвращаюсь, достаю фотокарточку Кости, показываю ей.

— Где он?

Она мычит, трясет головой. Достая фотокарточку маленькой Вики, снова тычу ей в рожу.

— А с ней что?

Галина мотает головой, дергается на стуле, словно в припадке. Кровь стекает по плечу, затекает за ворот грязного халата.

— Заткнись, тварь! Сына разбудишь! — вскакиваю и отвечаю пощечину, дура замолкает. — Почему вы-то не сдохли? Вы, паскуды, плодитесь, словно крысы, а потом гробите детей без зазрения совести. И самое обидное, всем плевать на это!

Скидываю капюшон, вытираю испарину с лица, достая из кармана маленькую книжечку с золотым крестиком, открываю ее на заранее заложенной странице.

— Сколько славилась она и роскошествовала, столько воздайте ей мучений и горестей. Ибо она говорит в сердце своем: «сижу царицею, я не вдова и не увижу горести!». За то в один день придут на нее казни, смерть и плач и голод, и будет сожжена огнем, потому что силен Господь Бог, судящий ее^[5], — закрываю книгу и убираю в карман.

Она смотрит на меня красными от полопавшихся капилляров глазами. Ей не хочется умирать. Ее детям не хотелось тоже, но она не думала об этом. Что же, за грехи ваши — смерть! Беру нож. Она дергается, ей страшно. Страшно настолько, что под стулом уже все мокро. Прикладываю острие к сонной артерии и делаю небольшой надрез. Это не так больно, как кажется, но кровь уже не остановить, она фонтаном пульсирует из раны. Кладу перед ее взглядом две фотографии, чтобы она понимала, за что умирает. Это последнее, что она видит в своей никчемной жизни. Прохожу в комнату и убеждаюсь в том, что паренек спит. Скоро сюда нагрянет полиция и скорая, его не оставят одного. Мне хватает пятнадцати минут, чтобы замести все следы и уйти незамеченным.

Глава XXVI

От зависимых ничего не зависит.

Ю. Зарожный

9 апреля 2015 года. Три дня до Пасхи. 16 часов 27 минут.

Сергей вывалился из машины и через плечо крикнул Александру:

— Если Пименов будет меня искать, скажи, что я на втором этаже.

Не дожидаясь ответа напарника, он забежал в участок, проскочил мимо дежурного и пулей взлетел по лестнице наверх. Фролова Елизавета Викторовна стояла у окна с недовольным видом и копалась в телефоне, тыкая в экран ухоженными пальчиками с длинными ногтями. Сергей замер и, словно провинившийся ребенок, медленно направился к ней. Елизавета Викторовна была одета в кожаную курточку молочного оттенка и светлые джинсы. Белый цвет ее крашенных волос бросался в глаза в мрачном и плохо освещенном помещении полицейского участка. Сергей чуть ли не на цыпочках подошел к ней почти

вплотную и стал ждать, пока она закончит свои дела и поднимет голову. Когда Фролова, наконец, это сделала, стало понятно, что она совершенно не рада его видеть. Елизавета Викторовна откинулась назад, волосы немного встрепенились, пронзительный властный взгляд рентгеном прожег следователя насквозь. Сергеем даже стало немного не по себе, и он невольно отвел глаза в сторону.

— Может, дашь мне объяснения?! А то я что-то ничего не пойму! — требовательным тоном произнесла посетительница.

Сергей провел рукой по волосам. После пробежки по ступенькам он малость взмок, и к нему в голову уже в который раз залезла нехорошая мысль о том, что сигареты и алкоголь скоро его угробят. Сердце в груди сильно билось, а воздуха не хватало.

— Мне нужно с вами поговорить, — тяжело выдохнув, наконец сказал он.

Елизавета Викторовна презрительно взглянула на следователя.

— Какое странное стечение обстоятельств! Неужели? Ты будешь удивлен, но мне с тобой тоже!

Сергей глядел на эту властную стерву, соображая, как лучше продолжить разговор. Из соседнего кабинета шумно вывалились сотрудники полиции, поприветствовали Сергея и о чем-то громко заспорили. Он кивнул им головой.

— Давайте-ка отойдем в сторонку.

— Ну, давай, — Фролова убрала телефон в сумочку и чеканной походкой направилась вперед.

Сергей собачонкой последовал за ней, чувствуя, что все, кто вышел из кабинета, сейчас смотрят им в спину. Эту женщину здесь знали хорошо, и оттого становилось еще более неприятно. Отойдя подальше, они остановились. Елизавета Викторовна поправила прическу и, скрестив руки на груди, встала в третью позицию. Над нею мерцала чертова лампа, продолжавшая свое существование по какому-то одной лишь ей понятному принципу.

— Вы пришли, чтобы поговорить о том, как продвигается дело вашего сына?

— Да ты мысли читаешь! Послушай меня, Сергей, — она стала тыкать ему пальцем в грудь. — Столько прошло времени, и ничего! Ты, чертов мусор, обещал мне найти его в кратчайшие сроки! А прошло уже два месяца! Тебе за что платят?!

— Да поймите вы, просто... — начал было оправдываться Сергей.

В этот момент у него за спиной хлопнула коридорная дверь. Он невольно обернулся через плечо и увидел Пименова.

— Твою же мать! Вот черт! — пробормотал Сергей себе под нос.

— Не поняла? — упираясь кулаками в бока, протянула Елизавета Викторовна.

— Прощу вас, только молчите. Хорошо? Я все объясню позже.

— Здравствуйте, — Станислав вытянул руки и пальцем указал на часы. — Миорелаксант. Ты помнишь? Не забудь. И мне нужно знать, что вы выяснили у нее на работе.

Напряженному мозгу Сергея потребовалось некоторое время, чтобы сообразить, о чем, собственно, говорит этот тип из СКР. Станислав Владленович вытащил из кармана телефон и стал что-то искать в нем, не обращая на стоящих никакого внимания.

— Это Фролова Елизавета Викторовна, — внезапно произнес Сергей. — Знакомая.

Станислав что-то набирал в телефоне и только коротко кивнул головой, даже не потрудившись взглянуть в их сторону.

— Я буду ждать в твоём кабинете, — поднося телефон к уху, спокойно сказал Пименов

и удалился.

— Да какого черта тут происходит?! — не выдержала Фролова.

— Послушайте. Успокойтесь. Этот парень из Москвы, он из СКР. Короче, долго объяснять, но поверьте мне: помимо Вашего сына у меня есть дела поважнее...

— Что?! Какие такие дела поважнее?! Ты что несешь?! — Елизавета Викторовна схватила его за рукав. — Послушай меня, дружок! Мой муж вас всех тут кормит и тебя в том числе! Ты понимаешь, что у нас сын пропал?!

— Послушайте! Ведь он и раньше пропадал. Помните, когда вы всех на уши подняли, а он с дружками в Таиланд укатил?! Может, он опять куда сдернул?

— Его нет два месяца, придурок! Какой Таиланд?! Ищите лучше!

— Раз тела нет, значит, он жив. Все просто. Найдем, Елизавета Викторовна обязательно найдем. Я же не первый раз вам помогаю и не подводил вас никогда.

— Смотри, Самойлов, смотри у меня!

Она вытащила из сумочки конверт, сунула ему в карман, несколько раз шлепнула его по щеке и, повернувшись на каблуках, ушла. Сергей последовал за ней, радуясь, что никто не видел этого позорища. Они спустились на первый этаж. Елизавета Викторовна остановилась напротив дежурного, а Сергей пошел дальше и почти сразу же наткнулся на Станислава. В этот же момент Фролова вышла из отделения полиции, и Сергей заметил, что Станислав Владленович внимательно проводил ее долгим взглядом.

— Это мать того пропавшего парня, который почему-то у тебя в мертвяках числится. Нормальная баба.

Пименов перевел свой мертвый взгляд на Сергея и снова без каких-либо эмоций посмотрел на часы. Сергей спинным мозгом почувствовал, что нужны объяснения.

— Это... Я просто взялся вести это дело... Понимаешь? Ну, вот она и ходит, интересуется.

— Я в курсе. Я читал досье по нему. Если честно, мне это без разницы, так что можешь не оправдываться. Я тут совершенно по другой причине. И эта причина — Санитар. Другие дела меня вообще не интересуют. А уж тем более твои. Так что можешь не говорить больше об этом.

Сергей заметил, как дернулись желваки на каменном лице Станислава, после чего он как-то странно улыбнулся. Шрам на его голове стал от этого еще более заметным, хотя поначалу Сергей вообще не придавал ему значения.

— Ты воевал?

Глаза собеседника загорелись: в них затеплилась жизнь, будто бы в его организм подкинули новых поленьев, и огонь жадно стал их пожирать.

— Почему ты спросил?

— Шрам. Откуда он у тебя?

Станислав взглянул на свою руку.

— Нет, на войне я не был. Этот подарок мне оставил парень, которого мы недавно задержали. Подонок убивал людей в лесополосе. Когда мы его брали, он кинулся на меня с ножом. Я чудом успел схватить лезвие, иначе оно бы вошло мне прямо в сердце. Руку рассек до кости.

Сергей проследил за его взглядом и увидел еще один шрам, красовавшийся на правой ладони Пименова. И хотя он имел в виду вовсе не его, продолжать расспросы не стал. Они прошли в кабинет, где их ждал Александр.

— Ну, так что у вас? — Станислав приступил сразу к делу.

— А у тебя? — потирая нос, с ехидной улыбкой вопросом ответил Сергей.

— Что, монетку будем бросать? Я, чур, на решку ставлю, — доставая из кармана пять рублей, оживился Сашок.

— Убери. Могу и я начать, — Пименов достал из папки блокнот. — Короче так. Денисов Павел Алексеевич. Закончил медицинский в Воронеже, потом работал в Москве. Переехал сюда после того, как умер отец. Имеет два высших образования. Разведен, есть дочь. Она, кстати, наблюдалась одно время в психиатрической клинике из-за жуткого стресса. Попала туда с манией преследования. Несла всякую несуразицу, когда ее поместили в желтый дом. Короче, девочка — та еще штучка. Стояла даже на учете в детской комнате. Бывшая жена — преподаватель, милая женщина, правильная до неприличия. Вот, в общем-то, и все. Этот доктор чист как младенец. Если он помочится на лицо слепого, тот прозреет, так как все вокруг утверждают, что он просто святой. У парня благодарностей и всяких наград больше, чем, наверное, у Брежнева. Коллеги от него просто в восторге, пациенты при виде его в ладоши хлопают. С ним все чисто.

— А как же препарат?! — воскликнул Александр. — Он же заказал его больше, чем нужно!

— Держи, — Пименов передал Сашку ксерокопии документов.

— Что это?

— Подробный отчет: куда и как он применялся. Тут подписи больше десятка людей. Ему пришлось заказать две нормы про запас. Сам понимаешь, какая обстановка в стране с этими санкциями.

— Тогда откуда этот гад его достает? Не сам же он его на кухне варит?

— Самому миорелаксант не изготовить. Хотя, кто его знает? Тут вопрос остается открытым. Ну а у вас что?

— А у нас в квартире газ! В отличие от тебя, мы кое-что нарыли.

— Очень интересно. И что именно?

— А вот что, — Сергей радостно потер руки и пересказал все то, что они узнали в офисе, где работала погибшая. — Так что, дружище, мы тут тоже не лаптем щи хлебаем.

— Отлично, — Станислав похрустел костяшками пальцев. — Значит, мы имеем обиженного влюбленного. Как его?

— Комаров Кирилл, — подсказал Сашок.

— Именно. И еще одного представителя офисного планктона, который занимался компьютерами. Одного уволили, а другой почему-то пропал и не вышел на работу. И это, господа, уже кое-что.

— Ну, так и? Мы одним займемся, а ты другим?

— Нет, Серега. Нет. Тут, я чувствую, нужно все делать сообща.

— С кого начнем?

— Завтра начнем с обиженного мальчика, а там и до этого гения компьютерных технологий дойдем, — Пименов одобрительно хлопнул Сергея по плечу. — Чует мое сердце, мы на правильном пути!

— Возможно, — закуривая сигарету, согласился Самойлов.

Глава XXVII

Жизнь — игра, первейшее правило которой — считать, что это вовсе не игра, а всерьез.

А. Уоттс

Есть элементарные правила, соблюдая которые ты никогда не попадешься и никогда не засветишься. Все очень просто. Любое преступление раскрывается в течение 72 часов. Если это исчезновение человека, то по истечении трех суток уже начинают искать труп. Точнее сказать, перестают искать человека и рассчитывают, если повезет, обнаружить тело. Любое преступление раскрывается либо по наводке, либо по горячим следам. В остальных случаях работает маловероятный фактор случайных совпадений. Достаточно проследить расследование преступлений любого мало-мальски известного серийного убийцы. Их ловят по несколько месяцев или даже лет, а хватают, только если те прокальваются на ерунде, а порой и вовсе потому, что им попросту надоедает скрываться. Человек в этом случае теряет бдительность и чувство опасности. У нас, как, в общем-то, и везде, нет ни особых сыскных органов, которые показывают в сериалах, ни супергероев, способных спасти наш безумный мир в одиночку, поэтому удача до сих пор остается основным подспорьем в раскрытии преступлений.

Впрочем, вернемся к правилам. Итак, первое. Если ты задумал что-то совершить, то делай это в одиночку, так как то, что знают двое, знает и свинья.

Второе. Никогда ничего не бери с места преступления, если, конечно, не хочешь выставить его ограблением. Но, в любом случае, от того, что возьмешь, избавляйся.

Третье. Одежда, в которой ты что-либо совершаешь, должна уничтожаться до того, как ты сядешь в ней в машину.

Четвертое. Никогда не отличайся от других. Ты должен быть частью системы.

Пятое. Никогда не гадь там, где живешь или работаешь.

И, наконец, шестое, оно же последнее и самое главное. О том, что ты можешь отомстить, никто не должен помнить.

Чтобы не попадаться, достаточно не нарушать эти правила, и тогда ты прослывешь законопослушным гражданином. Все очень просто: соблюдай их, и ты не будешь никому интересен.

Дворники не справляются с дождем. Я люблю такую погоду. Люблю шум ливня и пустые городские улицы. Время около полуночи, я наслаждаюсь ночным городом. Делаю приемник погромче. Прекрасная музыка:

Я иду дорогой Паука

В некое такое никуда.

Это удивительнейший путь.

В новое туда куда-нибудь.

Въезжаю в переулок. По тротуару чешет девчонка лет шестнадцати. Дождь поливает ее, но, похоже, ее это мало волнует. Проезжаю вперед и останавливаюсь, включаю аварийку. Кроме меня и нее, здесь больше никого нет. Жду.

— Привет. Свободно?

— Я разве похож на таксиста?

— А я разве похожа на пассажирку?

Грызу ноготь, поворачиваюсь. Вижу прилипшие ко лбу мокрые волосы, остальные висят по плечам, как сосульки. Макияж потек. Я киваю головой, и она заскакивает внутрь. Делаю музыку громче.

Запишу я все на свете,

Все твои блатные жесты,

Чтобы ты попала в сети,

Чтобы мы висели вместе.

Включаю скорость и выставляю на консоли температуру потеплее. Какое-то время едем молча, слушаем музыку.

— Классная у тебя тачка.

— Машина как машина, ничего особенного. Тебе куда?

— Да без разницы. Давай покатаемся.

— Давай.

— У тебя курят?

— Смотря кто.

— Ну, я, например?

— Попробуй.

Ее настырность и самоуверенность вызывают у меня смех. Приоткрываю окошко с ее стороны, она чиркает зажигалкой и затягивается сигаретным дымом.

— Дети зеленые рождаются. Не боишься? — в машине стоит запах не только зажженной сигареты, но и алкоголя.

— Родятся, так я их постираю, — надменно бросает она.

— Был бы я твоим отцом, оторвал бы тебе губы.

— Хорошо, что ты не мой отец, — улыбаясь, отвечает она.

Я немного усмехаюсь. Руки впиваются в баранку. Безмозглая малолетка под алкоголем едет, неизвестно куда и с кем, еще и строит из себя крутую деваху, повидавшую жизнь. Что же, это становится интересно. Знала бы она, к кому залезла в машину. А зверь, тем не менее, начинает просыпаться.

— Может, домой довезти, а то мама будет волноваться. Или папа.

— Чего? Успокойся, мальчик! Давай лучше в бар заскочим.

И это она говорит мне. Мальчик! Становится совсем жарко. Бедняжка даже не догадывается, что ходит по лезвию бритвы.

— Пропустить по рюмочке? Ты на это намекаешь?

— А то!

— Ну, что ж. Неплохая идея. Погнали.

Она старательно поправляет юбку, а затем, достав зеркальце, начинает приглаживать волосы. Смешно. Ей Богу, смешно.

— Тебя как звать-то? — она кладет мне руку на колено, становится еще смешнее, но я сдерживаюсь.

— Сергей Александрович Есенин.

— А меня Тамара. Можно просто Тома.

— Я так понимаю, что тебя просто можно? — тут приходится отворачиваться, чтобы не заржать.

— А все же у тебя классная тачка.

— Ты повторяешься.

Съезжаю на проселочную дорогу. Тамара слишком увлечена, чтобы заметить это. Пьяная баба, как говорится, себе не хозяйка, а тем более малолетняя девка, в голове которой к тому же шумит дешевый алкоголь.

— Откуда же ты такая нарядная шла в такую погоду?

— Да от уroda одного, моего парня. Теперь-то уже бывшего, — она улыбается до тошноты противно. — Короче, прикинь, я с ним два месяца встречалась, а он меня на мою подругу променял. Вот же скотина!

Она выкладывает мне душещипательную историю про несостоявшуюся детскую любовь. Все прямо как в «Ромео и Джульетте» Шекспира, только по-колхозному и вперемешку с дворовой матерщиной. Мне бы ее проблемы. Хотя на самом-то деле плевать. В Африке дети голодают, и до этого тоже никому нет дела.

— Глубокая причина, чтобы нажраться и сесть в машину к незнакомому мужику. Тебе так не кажется?

— Да брось, Сережа. Ты прямо как моя мама. А кстати, куда мы едем?

— В бар, как ты и просила. Тут недалеко осталось. Классное место. Тебе понравится. А почему мама-то, а не папа?

— Папа? Старый козел с нами не живет уже лет десять: нашел себе шмару помоложе! Папа. Скажешь мне тоже.

— А мать что, плохая или как? Что же он вас бросил-то? — делаю еще один крутой поворот, отчего Тамара падает ко мне на плечо и начинает смеяться.

— Поосторожней ты! Не дрова везешь. Тише. Мама у меня советской закалки. Учителю младших классов. Ни капли в рот, ни, так сказать, сантиметра.

— Так чего же в этом плохого?

— Ты дурак что ли?! Сам-то вон женатый, а по ночам ездешь. Я же тебя не спрашиваю. Кольцо мог бы снять. Ну, для приличия, — она снова захохотала.

— Это память. Тебе не понять.

— Да расслабься ты. Жена не узнает, — она снова водит рукой мне по бедру.

— А можно вопрос?

— Валяй.

— Послушай, Тамара, — останавливаю машину.

— Уже приехали?

— Типа того. Я вот о чем тебя хотел спросить. Тебя устраивает такой образ жизни?

— А чего не так-то?

— Все-то оно так. Я только вот не уверен в правильности твоего решения залезть ко мне в машину, — делаю приемник погромче.

Только сейчас она оборачивается и видит могильные кресты.

— Ты куда меня привез?

— Твой отец работает в реанимационном отделении? Ведь так?!

— Ты куда меня привез?! — начинает истерично орать девчонка.

Хватаю ее за волосы и подтаскиваю к себе.

— Закрой хлебало, тварь, и слушай меня внимательно! Спрашиваю в последний раз! Ты меня слушаешь?

Она только трясет мокрой головой.

— Прекрасно. Тогда продолжаем разговор. Его зовут Денисов Павел Алексеевич, ведь так?

— Да.

— И ты хочешь мне сказать, что он ушел к какой-то бабе, бросив вас? Может, ты что-то мне не договариваешь? Так как я знаю малость другую историю.

— Да.

— Что «да»?!

— Он просто много работает, все время проводит в больнице. Мама устала от этого, так как ее постоянно пилил мой дед. Папы не бывало дома по неделям. А дед все подливал масло в огонь. Он большой человек.

— Я знаю, кто он, но мне это неважно. Ты смешала отца с дерьмом, а он хороший парень. Знаешь, скольких людей он спас?! Хотя вряд ли ты об этом думала! Про мать ты не соврала, я знаю и это. Только вот почему ты превратилась в такое отребье?!

Открываю дверь и выволакиваю ее на улицу через место водителя. Ташу на кладбище по грязной жиже. Ботинки хлюпают, скользят по чернозему. Она орет, дергается, но ее могут слышать только мертвецы. В принципе, она сама скоро станет одной из них.

— Не надо, умоляю! Все, что угодно, делайте, только не убивайте! Пощадите! Ну, прошу вас! Не надо!

Она вырывается и пытается убежать. Сбиваю ее в лужу, хватаю за ногу и продолжаю тащить. Она орет что есть силы. Подтаскиваю ее к свежевырытой могиле, рядом стоит гроб.

— Залезай!

— Что? Не надо, — она смотрит на меня с побледневшим видом, мотает головой в разные стороны.

— Я сказал, лезь, сука!

Хватаю ее за шкуру и практически заваливаю в деревянный ящик. Прижимаю за горло. Из кармана быстро достаю шприц и, сняв ртом колпачок с иголки, вкальваю содержимое в ее шею. Тома затихает. Закрываю крышку и выпрямляюсь. Спину ломит: непогода напоминает мне о том, что мой организм чудом остался жив. Сажусь на гроб сверху. Жарко. Тело еще потрясывает от адреналина. Слышу звук подъезжающей машины. Свет фар бьет в мою сторону, через минуту они гаснут, хлопает дверь. Под шум мелкого дождя отчетливо доносятся одинокие шаги. Кто-то идет напрямик, хлюпает по лужам. Я жду. Фигура корявого человека останавливается метрах в десяти от меня, долго всматривается в темноту, потом машет рукой. Подхожу.

— Не слишком ли круто, Паш? Все же она твоя дочь, — чешу переносицу.

— А что мне еще делать остается? Видишь, подалась в потаскухи. Вот скажи, в кого она такая? Натерпелись мы с ней, во как натерпелись. Ну, развелись мы с ее матерью, но так ведь я от нее никогда не отказывался, все для нее делал. А когда мне моя бывшая позвонила и сказала, что она неделю назад вмазанная пришла... А может, и накурилась чего. Сейчас всякой дряни навалом. Я... Я... Я просто больше не знал, как ее еще проучить, чтобы

вернуть на путь истинный.

— Неслабая шокотерапия. А вдруг у нее крыша после такого поедет, ты не думал об этом?

— Все я думал, Макс. А что делать-то остается? Она уже деньги воровать начала у матери. Дома не появляется, из института выперли. Куда хуже-то? Она единственный мой ребенок, и потерять ее я не могу. Ты-то знаешь, что такое пережить своих детей.

— Знаю. Что есть, того не отнимешь. Я твой должник по гроб жизни, но... — только развожу руками.

— Ты ее не бил, я надеюсь?

— Обижает.

— Теперь я твой должник.

Денисов Павел Алексеевич — человек, который вытацил меня с того света. Он рассказывает мне свою печальную историю под действием большого количества алкоголя. Так случилось, что я пересекся с ним в пивнушке. По-русски сказать, в тошниловке. Случайное стечение обстоятельств. Фактор, который ты не можешь предугадать, про который не знаешь заранее, куда он тебя выведет. Оказывается, в такие злчные места заходят не только отморозки, вроде меня, но и вполне себе уважаемые люди. Он заливает свое горе зельем, пытаясь заглушить чувство отцовской вины за то, что дочь стала безостановочно падать в бездну. Я знаю это состояние: зеленый змей может помочь с душевной болью, вот только потом от него самого трудно избавиться. Я присаживаюсь к нему. Говорим долго, о жизни, о судьбе, о людях, о том, что я был единственным в его практике, кто выкарабкался на свет божий после такого, да еще стал жить нормальной жизнью. Конечно, если мою жизнь можно назвать нормальной. Он рассказывает мне о дочери и своем плане, о том, что он в шутку хочет сделать для того, чтобы она поняла, наконец, как дорога жизнь и что она дается нам только один раз. Безумный, извращенный план. Он бы так и остался планом, но я соглашаюсь его выполнить. После того, как засуну его дочь в гроб, мы перевезем ее на то место, где я ее подобрал, и там и оставим. Машину скорой помощи, которую он возьмет для этого, вряд ли кто остановит. Все должно будет походить на то, что ей приснился страшный сон. Очень страшный!

— А что ты мне дал? Ну, что я ей вколол?

— Миорелаксант. Убийственная штука. Человек все осознает, все чувствует, только сделать ничего не может. Спустя некоторое время отключается, но, придя в себя, все помнит. Точнее сказать помнит лишь то, что с ним происходило до потери сознания.

— Круто. А если что, достать для меня сможешь? Ну, если понадобится?

— Для тебя все, что угодно.

Глава XXVIII

*Хочешь рассмешить дьявола,
попробуй убедить его в том, что ты безгрешен.*

9 апреля 2015 года. Три дня до Пасхи. 19 часов 00 минут.

Сергей вышел на свежий воздух, гоня в зубах сигарету, чиркнул зажигалкой и отвернулся в сторону, чтобы закрыть огонь от ветра. Станислав поднял воротник черного пальто и втянул голову в белоснежный шарф.

— Ладно, парни, всем удачи, всем пока, — Александр пожал им руки и сбежал по ступенькам вниз. — До завтра.

— Давай-давай! — выдохнул струйку дыма Сергей. Пименов лишь кивнул головой. — Странно все это.

— Что именно? — подойдя ближе к Сергею, поинтересовался Станислав Владленович.

— Странно, что доктор оказался чистым, — он медленно спустился вниз, щурясь от поднявшегося холодного ветра.

— Ты перестал верить в людей? — с насмешкой спросил Пименов.

— Да, нет. Почему? Просто я надеялся...

— Надеялся, что именно этот врач поставляет Санитару препарат?

— Именно, — Сергей остановился и задумчиво посмотрел на собеседника.

— Держи, — Пименов вынул из внутреннего кармана свернутый листок и протянул следователю.

— Что это?

— То, что дал мне Александр по этому реаниматологу. Можешь допросить его сам, если хочешь.

— Да брось. Думаешь, я тебе не доверяю, что ли?

— Думаю, именно так. Я в лепешку разбиваюсь, помогая тебе, а ты все пытаешься помериться яйцами! Тебе не кажется, что это уже начинает доставать? Я думал, мы уже давно выяснили отношения.

— Все-все, не кипятись, Стас. Я не хотел тебя обидеть. Seriously, — он отшвырнул окурок в сторону. — Слушай, а не пропустить ли нам по рюмашке, а? А там и поговорим по-трезвому. Как думаешь?

— Можно, если только без фанатизма.

— По пядсярику и все. Лады?

— Заметано. Тогда я угощаю.

— Договорились!

Приглушенный свет и лирическая музыка. Столик в полумраке в самом углу. Под ним валяется черное пальто. Бах, бах, бах. Сергей ударил несколько раз рукой по столу и замотал дулей перед лицом Станислава.

— Во-о-о-о ты его поймаешь без меня! Если бы не я, вы бы, москали поганые, вообще бы про него не узнали! Я! Я! — он ударил себя в грудь кулаком. — Я его вычислил. Я собрал все по крупицам и выстроил в логическую цепочку! А ты хоть знаешь, что эта сволочь... — он поманил Пименова ближе, схватил его за галстук и, притянув вплотную к себе, поцеловал в щеку, — ...моего напарника в дерьме утопил? Понимаешь?! В дерьме! Притом в самом что ни на есть прямом смысле этого слова!

— Помянем, — Станислав плюхнулся на свое место и налил по рюмке.

— Не чокаясь, — Сергей откусил маленький кусочек лимона.

— Ик, ик. А как утопил? Прямо насмерть что ли?

— А-то как же? Артем Хлебалин. Друган мой лучший. Сколько мы с ним дел-то переделали. Вот такой мужик был! — Сергей продемонстрировал кулак в знак того, каким был его напарник. — Кремень, а не человек! Я за него был готов в любую атаку! Ну, кроме голодовки, конечно.

— Кремень, а в дерьме утонул? Ик, ик. — Пименов неуверенно взял бутылку газировки и жадно отпил из горла, пытаясь заглушить икоту.

— Да что ты понимаешь, крыса ты канцелярская? Его Санитар убил, — почти шепотом ответил следователь.

— Да брось! Ты бредишь! — Станислав махнул рукой. — Зачем? Сам подумай: что, твой друг был таким херовым человеком? Тогда вообще комично получается, — Пименов закатился в истеричном смехе.

— Чего ржешь?!

— Да смешно выходит, — Станислав вытер слезинку под глазом и глубоко вдохнул, чтобы успокоиться. — Тогда получается, он говно в говне утопил? Так что ли? — и снова начал ржать. — Парень-то с чувством юмора! Да ну тебя, зачем ему это?

— Хи-хи, — злобно передразнил собеседника Сергей. — Зачем? А вот зачем... — Сергей развел руками. — Я не знаю. Все списали на несчастный случай. А ты видел такие несчастные случаи, чтобы люди в выгребной яме на собственной даче тонули?

— Может, бухой был?

— Не угадал.

— С чего ты вообще взял, что это Санитар его так? У вас что, врагов мало среди бандитов?

— Бандиты, урки, наркоманы, дегенераты, алкаши! Все они люди. С ними со всеми договориться можно. Наливай, давай! — скомандовал Сергей и, закурив сигарету, продолжил. — Ты же знаешь. Не мне тебе рассказывать, как наш брат их прикрывает. Гаишники доят водителей. Мы, менты, тоже имеем свои преимущества. Даже ты, Стас. И твое рыльце в пушку, уж я-то знаю. Знаю, — он затряс указательным пальцем.

— А я и не спорю. Работа такая. Иметь дело с дерьмом и не запачкаться? Такого не бывает.

— Во-о-о-о-т. Что-то вспомнилась история. Работал в нашем отделе, правда, давно, очень давно, следователь один. Тоже все истину искал, кричал, что, мол, мы тут не так все живем, да не то делаем. Как же его звали-то? Зверев! Точно, капитан Алексей Зверев! Прости, по бабушке не помню. Так вот он, говорят, перед тем как себе вены вскрыть, по синьке естественно, тоже всем доказывал, что с самим дьяволом общался. Таковую ахиною нес — слушать было страшно. И чем дальше, тем хуже. Его так с работы и турнули, а потом через неделю нашли в собственной квартире, в ванной, с перерезанными венами. Так что видел он Сатану или не видел, одному ему осталось известно. Правда, в ту зиму происходило черти что. И мороз за сорок, и люди как чумные. Весь город на ухах стоял. Да еще и Новый год на носу. Короче, как тут крыше-то не поехать у человека, который с горячей точки вернулся, да еще и ранен был?! Во-о-о-т! А я тебе говорю, что Хлебалина Санитар завалил! А теперь, друг ты мой любезный, давай начистоту, чтобы у нас все всерьез было, без обмана. Ты мне правду — и я тебе все, что знаю. Чтобы больше у нас вопросов друг к другу не возникало. Как тебе такой вариант?

— Ик, ик. Нормально, — буркнул Стас и снова жадно приложился к бутылке с минералкой.

— Ты почему отказался от лавров по тому маньяку из лесополосы, раз уж это ты его поймал?

— Знаешь, если бы я выстраивал рейтинг самых часто задаваемых мне вопросов, этот бы стоял на первом месте. Я же сказал, что не люблю быть в центре внимания. Я люблю помогать, мне важен результат, а не бантик на коробке. Мне больше интересно, что внутри. Понимаешь?

— Ты debil! Точно тебе говорю. Стопудовый debil! Нужно расти, двигаться вперед, — Сергей вылил из бутылки остатки горячительного и жестом показал официанту, что им требуется еще.

— Какой есть. Знаешь, жизнь людей меняет, и поверь, в большинстве случаев она меняет их вовсе не в лучшую сторону. Трудно на нашем голубом шарике оставаться человеком долгое время. А еще сложнее быть им всю жизнь. Живет, например, человек, горя не знает, детей растит, а потом бац! Казалось бы, что? Для всех он один, а на самом деле он другой. Как Санитар. Он, наверняка, ведет двойной образ жизни. Для всех коллег и друзей он хороший и порядочный парень, и только его внутреннее «Я» знает, кто он есть на самом деле. А, может, и нет его вообще, а? Может, мы его сами выдумали и ищем то, не знаем что? Не думал об этом? Ни улик, ни зацепок, кроме тех, что были собраны с висяков и сведены в одно дело, которое ты пытаешься представить всем как единое. Твой фантом существует только гипотетически, Сергей.

— Ты сейчас куда клонишь?

— Никуда, просто разговариваю, рассуждаю. Ты же сам хотел поговорить по-резвому? Вот мы и разговариваем. Ты мне про какого-то там капитана загнул, который с дьяволом беседы вел. Я тебе про жизнь задвигаю.

— Погоди. А как же тогда последняя жертва? А миорелаксant? А все намеки?!

— Ну, это могли и подстроить. Кто-то, кто очень хочет того, чтобы мы подумали, что это сделал Санитар.

— А пальцы?! А язык?!

— Бутафория, для того, чтобы мы ходили вокруг да около и не заметили правды, — Пименов развалился на стуле.

— Хочешь сказать, что я его выдумал?! Выдумал все это?! — Сергей неуверенно поднялся со своего места, его глаза налились кровью, скулы задергались.

— Этого я не говорил. Сам посуди: девка-то — обыкновенная шалава. Ну, спит она с разными мужиками ради выгоды. Так у нас большая часть вселенной так поступает, чего греха таить. Так что если Санитар...

— Значит, все же он?!

— Да ты сядь. Я же просто рассуждаю, пытаюсь сопоставить разные возможности, а ты уже на дыбы становишься. Ты послушай просто.

Сергей схватил бутылку со стола, сделал несколько жадных глотков прямо из горла и сел на место.

— Ну, продолжай, Шерлок Холмс хренов! Давай-давай, слушаю!

— Допустим, что это Санитар. Мы пока не доказали, что это он, и основываемся только на том, что есть у нас.

— Ну?

— Что мы видим? Он убивает изрядных выроdkов, так?

— Ну?

— Вот. А наша Ледовских Светлана — всего лишь порочная женщина, и ничего больше, — Пименов пожал плечами.

— Хочешь сказать, что ее убийство кто-то подстроил?

— Такой вариант нельзя исключать.

— Но погоди, Стас. Про Санитара знает не так много людей.

— Я рассуждаю гипотетически. Понимаешь? Это все равно, как если бы представить что тебе отрезали твое мужское достоинство, и потом поразмыслить, как бы ты стал жить без него. Ходил бы ты налево или нет? Писал бы стоя или сидя? Это и называется гипотетически. Мы просто рассуждаем. Выдвигаем предположения. Я пытаюсь взглянуть на вещи с разных сторон. Вот и все.

— Чисто гипотетически, говоришь?! — Сергей налил стопку и опрокинул ее залпом. Потом налил снова, но уже обоим, поднял и подождал, пока Пименов сделает то же самое.

— Гипотетически. Без обид только.

— Ну, без причиндалов я бы точно жить не смог! — Самойлов заржал. Стас закатился с ним вместе. — За нас, за мужиков, у кого еще есть то, чем можно помериться! — прокричал Сергей.

— За нас. Ик, ик. Выбор очевиден. Я с тобой полностью, как самец, согласен. Бабы — дуры не потому, что дуры! Бабы — дуры, потому что бабы!

— Это стопудовый аргумент, дружище! — они чокнулись и выпили. Повисла пауза. Сергей закурил сигарету, втянул в себя обильную порцию дыма и щелкнул пальцами. — Слушай. Ты только не обижайся. Мы тебя по базе пробить хотели, но у тебя файлы закрыты. У вас что, такая секретность что ли?

— Ну, не у всех, а, так сказать, у самых-самых.

— А-а-а-а-а.

— Досье мое вам выслали, так что оно будет после Пасхи. В понедельник будет лежать у вашего Шрека на столе.

— Слушай, Стас. Как думаешь, поймаем его?

— Думаю, да. Если он, конечно, существует, — Пименов оценил физиономию собеседника и добавил: — Да брось ты, если бы его не было, то и меня бы здесь не было. Сверху к вам просто так не направят, так что не напрягайся, поймаем. А как иначе? Любого возьми, хоть, например, Чикатило. Орудовал с 1978 по 1990 годы. 53 жертвы. Поймали и расстреляли. Николай Джумагалиев. Этот вообще жрал тех, кого убивал. Тоже поймали. Последнего изверга мы задержали в Битцевском парке. Ох, сколько его выслеживали! Но поймали же! Всех и не перечесать сейчас. И твоего Санитара тоже отловим. Хотя маньяк, убивающий ради справедливости, — это нонсенс. Они, Серега, пойми, рано или поздно теряют чувство опасности, чувство реальности. Так и наш. Ну, точнее, твой. Что он хотел доказать нам своей последней жертвой? Пальцы ей отрезал, выложил по линеечке, язык вырвал. Что это, как не крик его души? Чтобы мы поняли, за что она умерла.

— Хороший ты мужик, Пименов.

— Ты тоже ничего. Так что не переживай, поймаем. Тем более то, что ты узнал о ней на ее работе, дорогого стоит. Возьмем для начала этих двух хануриков в разработку. Думаю, после этого все и прояснится. Есть железное правило: не стоит гадить там, где живешь. А он, по ходу, сделал все с точностью до наоборот. Так что нужно искать среди близкого ей

окружения. Что там в морге Головин Дмитрий Геннадьевич сказал? Три мужика у нее было в этот день. Первый — это ее начальник. Этого отбросим. Муж ни при чем, она с ним в этот день не была. Остаются двое. Узнаем, ху есть ху, и пойдем, что да как. Три пальца — три мужика. Только непонятно с языком, — он разлил по стопкам.

— А зачем он нам подсказки оставил? Стаканы? Кольцо? Укус этот долбаный на плече? Кирпич твой синий? Он бы еще подписался и адрес, где его найти, указал.

— Так адрес он нам и оставил. Только мы его прочитывать пока не можем. Играет он с нами, подонок. Скучно ему стало, вот он и хочет повеселиться, а может, просто надоело ему.

— Ты точно в горячей точке не был?

— Да точно, точно. Служить — служил, а вот воевать, слава Богу, не приходилось. Ну, кроме как тут. Тут у нас ведь тоже передовая.

— Да-а-а, ты прав, — заглывая спиртное, ответил Сергей и снова закурил.

— Послушай.

— Чего?

— Та баба сегодня в коридоре? Ты с ней, ну, того?

— Чего «того»? Сдурел что ли?! Я не хочу, чтобы мое тело нашли где-нибудь в посадках. Я же тебе говорил: она шишка большая. Точнее, ее муж. Короче, оба. Сын у них — дебил, наркоман. Садист еще тот. Столько раз отмазывали его то за изнасилование, то за драки. Да и с дурью он попадался. Сам понимаешь: дитя небожителей. Что тут сделаешь? А недавно он пропал. Ну, ты в курсе. Ищут пожарные, ищет милиция. А сам ублюдок, небось, где-нибудь на островах зависает — не в первый раз уже! А его тем временем по всем ведомствам пробивают! Мамаша его еще и наезжает на меня, словно я ей должен. Это я так, образно выражаюсь.

— Это понятно, — усмехнулся Станислав.

— Сам пойми: все хотят жить хорошо. Я свою работу делаю. И я не хуже других! Ты на меня так не смотри!

— Да я ничего не говорю. Если хочешь рассмешить дьявола, попробуй убедить его в том, что ты безгрешен. Не так ли?

— Золотые слова, правильные! Сам что ли придумал?

— Да не, где-то слышал. Короче, не важно. Тебя куда? Домой али к мамзель?

— Меня это... Туда, — еле выговорил Сергей и отключился, откинувшись на спинку стула.

Станислав Владленович встал, поднял свое пальто с пола, огляделся по сторонам и посмотрел на часы.

— Оперившиеся крысы причисляют себя к птицам!

Он с брезгливостью посмотрел на Самойлова, позвал официанта, расплатился и вызвал такси.

Глава XXIX

Каждый сверчок знай свой шесток.

Народная поговорка

Я ненавижу себя за то, что делаю. Это омерзительно, но я должен. Знаете, все пытаются говорить, что на зло злом не отвечают, что добро всегда побеждает, и тем, кто творит мерзости, воздастся по заслугам, так как по-другому и быть не может. Но хочу разочаровать вас: такая версия прокатывает только в детских сказках. В жизни все иначе. И если ты подставишь правую щеку после того, как тебя ударили по левой, тебя просто забьют до смерти. Судьба улыбается нам лишь только в том случае, когда хочет продемонстрировать свой оскал. У нас можно обивать пороги доблестной полиции, объясняя, что тебе угрожают, но ответ будет один: «Так ведь просто угрожают. Вас же не убили и даже не попытались убить». К сожалению, любые органы в нашей стране — это парализованные конечности, которые начинают шевелиться, только когда происходит что-то из ряда вон выходящее. Разбился автобус, погибли люди — сразу начинают искать виноватых. Как так? Почему? А то сами не знают, что весь пассажирский транспорт — это груда хлама на колесах, и что все разрешительные документы на него подписываются за взятки. Упадет сосулька с крыши, убьет человека — снова начинают искать, кто виноват. Ловят Васю-дворника и вешают на него все грехи ЖКХ. Дождутся, пока у алкашей и наркоманов погибнут дети, — начинают трясти соцслужбы и участкового. Все у нас делается либо вчера, либо завтра, но только не сегодня, не вовремя. Как покажут наших министров на приеме у президента, так плевать хочется. Сидят, гривами машут, выражение лиц такое, будто бы все горе людей они сквозь себя пропускают, в глазах у каждого — херувимское смирение, словно он и не чиновник вовсе, а, как минимум, святой отец. Со всем соглашаются, все обещают исправить и сделать. Этакая игра в поддавки. Один говорит, что нужно предпринять, другие кивают и обещают ему это исполнить, а первый якобы верит в то, что все будет реализовано. Можно обвинять меня в садизме, подозревать у меня шизофрению, но, в отличие от других, я делаю то, что должны делать наши слуги народа, вместо того чтобы жрать за мой счет. И раз уж они не справляются со своими обязанностями так, как нужно, значит, я буду делать все так, как мне кажется правильным. Пускай и не гуманно, и совсем не демократично, но зато очень эффективно. Страх — вот тот единственный язык, который понимает любая скотина, будь она благородных кровей или самых обыкновенных.

Я выхожу во двор, закрываю за собой дверь и, не спеша, иду по мощеной дорожке к машине. Я думал, что смогу обойтись лишь теми, кто виновен в случившемся со мной и моей семьей. Но я ошибался. Зверь, вырвавшись наружу и вкусив смерти, не хочет останавливаться. Вскоре его придется усмирить окончательно, так как контролировать его становится все труднее и труднее. И если бы не отец Петр, кто знает, как бы я смог бороться с тем, в кого меня превратили? Он сильный и смелый, он безрассудный, он жестокий. А я? Я всего лишь вдовый, потерявший детей отец, жалкий и растоптанный теми, против кого осмелился поднять голову во имя справедливости. Я тот, кто скрывает в себе существо, лишь внешне похожее на человека. Но без него, без этого второго «Я», мне уже не обойтись. Это существо нужно мне. Нужно для последнего дела. Пора возместить ущерб и своей черной душе. Слишком долго я ждал этого момента. Я убил много людей, если их можно назвать людьми. Убил разными и страшными способами. Теперь мои руки не дрожат при виде крови, меня нетошнит от запаха сырого человеческого мяса, от созерцания изуродованной

плоти. Теперь я только оболочка, которую до краев заполнило единственное желание — желание справедливого отмщения. Я выжидал и выжидал долго. Но время пришло.

Тихий вечер. Я сижу в машине неподалеку от конторы, над входом в которую крупными буквами написано: «Адвокатское бюро». Снизу красуется еще одна надпись чуть поменьше: «Поможем всем. Профессиональные юристы. Качественно и недорого». Контора принадлежит моему давнему знакомцу Иосифу Давыдовичу Цукерману. Да, это его работа — защищать тех, кто ему платит. Но мне на самом деле глубоко плевать на это. Я такой же, как и он. Моя работа — убивать тех, кто защищает виновных. Так что, думаю, перед справедливым судом Божьим наши грехи равны. Еще неизвестно, кому будут старательнее жечь пятки черти на том свете. Он такое же дерьмо, как и я, только, в отличие от него, я признаю это, тогда как он признает только шелест денег.

Двадцать минут шестого. Еще десять минут. Он пунктуален, тут не придерешься. Прежде чем что-то совершить, нужно все спланировать. Ты должен просчитать все до мельчайших деталей, и у тебя должен быть как минимум еще один запасной план на случай форс-мажора. За Цукерманом я пристально следил почти два года. Впрочем, я начал следить за ними за всеми, как только мало-мальски пришел в себя. Я даже знаю, чем он болен, когда обостряется его подагра и как зовут его врача, знаю его семью, знаю его расписание в мельчайших подробностях и все особенности его образа жизни. Сейчас, в пятницу, в конце рабочего дня он поедет за город к своим друзьям, чтобы поиграть в покер. Но сначала он заберет дочку из детского садика. Да, он любящий отец, у него красивая жена и он старается для своей семьи. Когда-то у меня было то же самое.

«Уважаемые» люди собираются в одном из коттеджей, принадлежащих чете Фроловых. Там же будет и областной прокурор, который предъявлял мне обвинение, и городской судья, вынесший мне приговор, и пара депутатов, которые в девяностых были бандитами. Ну и сброд помельче, вроде тех двух следователей, которые приходили допрашивать меня, когда я еще лежал в больничной палате. И на что я тогда надеялся, если все здесь завязано на таких вот деловых отношениях. А я еще мечтал о каких-то извинениях и справедливом суде. Глупец.

Уже почти стемнело. Я терпеливо жду за деревом, глядя на извилистую лесную дорогу. Асфальт тянется только в одном направлении — к дому местных королей. Странно, адвокат опаздывает на пятнадцать минут, такого раньше не было. Небольшое волнение закрадывается внутрь: не хочется переносить планы на другой день, так как у меня все готово к их осуществлению и мое сознание в том числе. Похрустываю пальцами, жду. И вот, наконец, слышится шум машины, через деревья пробивается рваный свет фар. Облегченно вздыхаю. Раздается хлопок, автомобиль идет юзом и останавливается на обочине. Я заранее раскидал шипы на повороте. Все прекрасно. Накидываю капюшон на голову и надеваю перчатки. Начинаю пробираться к моему «приятелю».

— Да что за... — Цукерман злится. Два передних колеса проколоты. Он, присев на корточки, осматривает их и качает головой. — Ну как так-то?! Твою в душу Бога мать! — выдает он набор не свойственного интеллигенту лексикона. От его брани затихает все вокруг. В злости он пинает крышку ногой и достает сотовый телефон.

Я выхожу из темноты леса на дорогу в нескольких метрах от него. Вижу, как он ковыряется в своем мобильнике. Ускоряю шаг: ему нельзя дать возможность сделать звонок. Достаяю из кармана кастет. Наконец он меня замечает и от неожиданности шарахается назад.

— Что за...

Я со всего маха бью ему по ребрам, еще и еще. Кулак в железных доспехах последовательно пересчитывает ему кости. Адвокат взвизгивает и падает, телефон отлетает в сторону. Поднимаю, смотрю, кому он звонил. Слава Богу, не успел совершить вызов. Бросаю мобильник на землю и растапываю его ногой. Цукерман, крича, поднимается и пытается скрыться в лесу. Кидаюсь за ним, хватаю его и, заломив руку, с разворота бью лицом о ствол дерева. Хрустит переносица, он падает на колени. Прижимаюсь ртом к его уху, чтобы этот ублюдок уж точно не пропустил ни единого моего слова.

— Привет, дружище!

— Я не понимаю, — он мотает головой. Кровавые сопли при каждом выдохе надуваются пузырями. — У меня есть деньги. Много денег, — добавляет он, словно в этой жизни все можно решить рублем.

— Хочу тебя разочаровать: мне не нужны твои бумажки! Мне нужен ты! — бью его по затылку, и он отключается.

Когда Иосиф Давыдович приходит в себя, его руки и ноги стянуты пластиковыми хомутами. В темноте багажника ему трудно удержаться от паники и каждый раз, когда машина тормозит на светофорах, его охватывает страх, кислотой разъедающий душу. Автомобиль замедляет ход, несчастный снова напрягается, вслушиваясь, как шуршат шины по гравию. Щелкает замок, и свет фонаря ослепляет бедолагу. От боли в глазах он жмурится. Свежий и прохладный воздух врывается в душный багажник, и Цукерман жадно вдыхает его.

— Перед смертью не надышишься. Хорошо доехал? — вижу, как он съежился, вижу, как его тело вжалось вглубь. — Страшно тебе? Понимаю. Ты даже представить себе не можешь, как я тебя понимаю.

Он что-то мычит сквозь кляп, но разобрать трудно. Ругается, наверное, а может, просит отпустить. Пес его знает.

— Ладно, не мычи. Побереги силы, они тебе еще пригодятся.

Достаю из ножен охотничий нож, замираю над пленником, предупреждаю о том, чтобы он не дергался, и перерезаю хомут у него на ногах. Адвокат облегченно стонет и вытягивает ноги.

— Давай вылезай.

Цукерман с трудом пытается сесть, все его тело затекло. Подставляю нож к его горлу. Он вытягивает шею вверх, как суслик, который становится на задние лапки, чтобы посмотреть, что там вдалеке.

— Медленно и без глупостей. И не сомневайся ни секунды: моя рука не дрогнет.

В его глазах читаются страх и ненависть. Он отрывисто дышит, вращает глазами, хочет сориентироваться и понять, куда его привезли.

— Смотри-смотри, — усмехаюсь я.

Когда-то это было колхозом. Теперь тут только одиноко стоящие обветшавшие коровники и примыкающие к ним хозяйственные постройки. Машина находится посреди огромного пустыря, который уходит за горизонт.

— Можешь орать, сколько тебе вздумается: никто тебя здесь не услышит. А теперь шагай, — вытаскиваю кляп, и он жадно тянет воздух сквозь зубы.

— Я не понимаю...

Я тут же вколачиваю ему ногой в грудь. Адвокат бьется головой о крышку багажника, снова заваливается внутрь и начинает стонать.

— Заткнись. Доставай уже свой зад и шуруй вперед! Еще раз пасть откроешь без

надобности, прирежу прямо тут!

Он кое-как начинает подниматься. Меня переполняет ярость. Хватаю его за шиворот и вытаскиваю из багажника. Он шлепается на щебенку, сдирая с лица кожу. Тащу его вперед к заброшенному зданию, будто паршивого кота. Он спотыкается, падает. Пинками заставляю его подняться. Так продолжается до тех пор, пока мы не оказываемся внутри, где все уже готово для нашего визита. Толкаю его на стул.

— Садись! — привязываю его.

— Ты больной урод! Ты даже не понимаешь, на кого руку поднял! Ты хоть знаешь, кто я такой и кто мои знакомые?! Да тебя в порошок сотрут! Тебя и твоих близких!

Слушаю, как он угрожает мне. Угрожает тому, кого напугать в принципе уже невозможно. Я умер давно, умер на той трассе, в той самой машине вместе со своей семьей. Теперь я просто слушаю его и смеюсь. Смеюсь от ярости, а по щеке скатывается слеза. Ублюдок даже тут показывает свое истинное лицо. Сомнений нет — нужно действовать.

— Чего тебе от меня надо?! Скотина! Тварь! Больной сукин сын! Развяжи меня, и мы поговорим как мужики! Давай, развяжи меня! — Цукерман орет и дергается, пытаюсь, освободиться.

Его крик похож на визг поросенка, которого тащат на убой. Взрослый мужик в момент превращается в тряпку и ничтожество. Сейчас он готов на все, что угодно, лишь бы его отпустили. Я слушаю его вопли, смотрю на его покрасневшее, ободранное лицо, разбитый нос и вспухшие от напряжения вены на шее. Он взывает о помощи до тех пор, пока в его легких не заканчивается воздух и он не начинает хрипеть. А я продолжаю смотреть на него остекленевшим взглядом. Помню, как он входил ко мне в палату, помню его блестящие туфли и надменный вид. Помню, как протянул ему руку, чтобы поздороваться, а он не ответил. Я помню все. Достаяю из кармана ту самую бумажку, которую он мне тогда всучил, и разворачиваю перед его мордой.

— Читай!

— Не убивай меня, пожалуйста. Ну, пожалуйста, у меня жена и ребенок! Я все сделаю. Я заплачу. Я забуду о том, что случилось. Только прошу, не надо, — он начинает рыдать.

— Читай!

— Каж-дый... — он хлюпает носом, отрывисто произносит написанный на клочке бумажки текст. — Каждый сверчок знай свой шесток.

— Вспомнил теперь?

Я скидываю капюшон. Цукерман мотает головой.

— Ну, конечно же, ты меня не помнишь. Таких, как я, у тебя были сотни. Любишь чувствовать себя богом, да? Я изучал тебя долго, следил за тобой. Ты давал бумажки с такими изречениями каждому, против кого вел дело. Это твоя визитная карточка. Ты получаешь удовольствие от того, что другие не могут противостоять тебе, ведь так?

— Прошу, не надо, это моя работа. У меня ребенок...

— У меня тоже был, так что не переживай, я тебя прекрасно понимаю. А ты любишь музыку?

— Что?

— Музыку. Песни. Можешь не отвечать, — подхожу к разбитому окну, достаю телефон и делаю погромче. Кладу его на подоконник.

Кем бы ты ни был, мир тебе и свет,

Кем бы ты ни был, грош тебе цена.
И все равно ведь где-то в вышине
И для тебя горит звезда одна.

Разлей вино, разлей на белый стол,
Кричи и смейся, пропивай талант.
Пустые слезы ничего не стоят.
Воды и хлеба дай, официант!

— Прошу, не убивай меня, — рыдает он.

— Что? — отвлекаюсь от музыки.

— Пощади.

— Правда? Я объясню тебе одну вещь. Ты же должен знать, за что ты будешь страдать.

Сажусь перед ним на корточки и достаю нож. Он смотрит испуганными глазами, а я рассказываю, почему он оказался в таком дерьмовом положении. Он мотает головой и плачет. Звучит музыка.

Сегодня праздник сердца и души.
Как будто флаг, повяжешь красный бант.
Не мелочись, швыряй свои гроши.
Воды и хлеба дай, официант!

— Это всего лишь моя работа. Просто работа.

— А это всего лишь моя семья. Просто семья. И она погибла. И я хотел всего лишь извинений и справедливости. Ничего больше. Каждый сверчок знай свой шесток!

Поднимаюсь и разминаю шею, свистом подзываю трех одичавших дворняг. Я специально прикармливал их здесь, почти год давал им сырое мясо. За неделю до этого дня я запер их в клетке, и пока они ждали меня, изрядно проголодались. Теперь они сожрут все, что угодно. Когда-то он думал, что он вершитель судеб. Теперь он просто еда для псов. Зверь внутри меня оживает. Я резко приближаюсь к нему и отрезаю от тела кусок плоти. Тишину пронзает истошный вопль. Псы дерутся за кусок мяса. Я режу его почти час. Когда он отключается, колю адреналин, перетягиваю раны жгутом. Мне не нужна его быстрая смерть. Я столько ждал не для этого. Он уже не орет, лишь только подергивается. Его тело похоже на вырезку, лежащую на столе мясной лавки. Обьевшиися псы теперь просто играют с кусками. Отхожу в сторону, весь в красной жиже, вытираю тыльной стороной руки со лба перемешанный с кровью пот. Цукерман еле дышит, его голова свалена на бок. Беру его за волосы, смотрю на закатившиеся под веки зрачки. Чувствую облегчение. Прячу вывалившийся кулончик обратно и ударяю его ножом под ребра. Нож входит по рукоятку. Адвокат вздрагивает, вытягивается, его взгляд проясняется, и мы смотрим друг другу в глаза.

— Не скучай там. Скоро я отправлю к тебе твоих друзей.

Он хлопает глазами, приоткрывает рот. Я медленно вытягиваю нож и снова загоняю его под ребра. Он понимает, что умирает. Снова всаживаю клинок ему в тело.

— Смотри на меня! Смотри на меня!

Его глаза широко раскрыты, при каждом вздохе из раны вырывается свист и бульканье, заглушающие музыку. Кровь заполнила легкие, на губах появилась розовая пена. Он обмяк, и

из его открытого рта хлынула кровь.

И все безумства хороши.
Как будто флаг твой красный бант.
Не мелочись, швыряй гроши.
Воды и хлеба а. а...а...

Глава XXX

Сомнение — помеха успеху.

Б. Бион

10 апреля 2015 года. Два дня до Пасхи. 7 часов 30 минут.

— У тебя свой бизнес? Чем занимаешься? — она изогнулась кошкой и сделала шаг ему навстречу.

— Так, продаю, покупаю и снова продаю. Деньги должны делать деньги. Движение — жизнь, — Сергей улыбнулся и посадил в машину девушку с черными волосами.

— И что мы с тобой будем делать?

— Поедем к тебе, — он повернул ключ в замке зажигания, мотор дорогой иномарки проглотил порцию бензина и издал благородное урчание.

— Послушай, а когда ты отвезешь меня к себе? Я так ни разу и не была у тебя дома, — девушка достала сигарету из сумочки, Сергей чиркнул зажигалкой и поднес огонь поближе к ее губам. — Ну, так когда?

Перстни на ее руках переливались разноцветным блеском.

— Скоро, Светик, совсем скоро.

Машина внезапно дернулась с места и поднялась в воздух. Ее начало вращать с такой силой, что Сергея вдавило в спинку сиденья, к горлу подкатила тошнота. Девушка спокойно курила. Ее лица не было видно за густыми волосами. Она только подносила сигарету к прядям и выпускала сквозь них густой дым. Сергей потянулся к ней, отодвинул волосы в сторону и замер в ужасе при виде лица Станислава Владленовича Пименова, оскалившегося в безобразной улыбке мертвеца.

— Оперившиеся крысы причисляют себя к птицам? Ха-ха-ха! Санитар! Мы поймаем Санитара, Сергей! Поймаем, я таких уже ловил! Ловил! Ловил...

В адской центрифуге все кружилось. Сергея болтало из стороны в сторону, рвотные позывы невозможно было сдерживать. В холодном поту он открыл глаза, перевалился на бок и, свисая с кровати, стал изрыгать рвоту в заботливо подставленный алюминиевый тазик. С тумбочки раздалось дребезжание будильника. Пора на работу. Он судорожно вытер рот и откинулся на постель, утопая в мягкой подушке. Жена копошилась за закрытой дверью, собирая ребенка. Самойлову потребовалось недюжинное усилие, чтобы заставить себя не

закрывать глаза снова.

— О-о-о-о, боги! Лучше бы я вчера умер! Что же мы как люди пить-то не умеем?

Сергей с трудом поднялся. Все тело болело, словно на нем танцевали черти, пока он был в отключке. Кое-как он дополз до ванной, не обращая внимания на Юлю и детей. После холодного душа он вывалился в коридор, вытирая полотенцем волосы.

— Ничего объяснить не хочешь?! — жена стояла перед ним, упершись руками в бока.

Хорошо, что у нее не было скалки, сковородки или еще чего тяжелого. Он бы, наверное, умер от малейшего прикосновения к голове.

— Подумаешь, перебрал немного. Не будь злобной стервой. Лучше скажи мне, где рубашка?

— Где и всегда! На прежнем месте! — она прошла мимо него на кухню и взяла стакан с чаем.

— Как я попал домой? — Сергей швырнул полотенце обратно в ванную.

— А я почему знаю? Ты постучал, я открыла дверь. Ты лежал у порога, словно бездомный пес! Наверное, ты всегда так проводишь время на своих заданиях!

— Заканчивай!

— А я еще и не начинала! Знаю я твои дела! По бабам ходишь! Ты когда детей в последний раз видел?! — она поставила на стол кружку с такой силой, что чай выплеснулся ей на руку.

Победить в этом споре у Сергея не было ни малейших шансов. Он знал это наверняка, потому что такое происходило практически каждый раз, когда он появлялся дома. К горлу снова подкатила тошнота, но он справился. Юля бесила его. Бесила так, что ему все чаще хотелось, чтобы она исчезла из его жизни.

— Да я работаю сутки напролет, чтобы вас кормить!

— Не ври мне! Не ври! Знаю, куда ты ходишь! Я думала, когда Хлебалин сдох, все изменится! Твой дружок был отморозком! Дегенератом! Ублюдком! Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты! Нужно было еще тогда развестись с тобой!

— Тебя, тварь, никто тут не держит! Можешь выметаться! — Сергей сделал шаг вперед, но кожей почувствовал, что на него кто-то смотрит.

Две пары глаз привычно наблюдали из коридора за ссорой родителей.

— Ну-ка брысь отсюда! — он хлопнул перед ними дверью.

— Правильно, давай, срывай злость на детях! Мало того, что ты их не видишь, так еще и орешь вдобавок! Ты когда с ними гулять-то ходил, папаша хренов?!

— Да пошла ты, истеричка! — он повернулся, чтобы выйти.

— Вчера вечером звонила Настя.

— С чего это вдруг она решила с тобой поговорить? Ты же сама плакалась, что она тебя избегает.

— Сказала, что у нее работы много. Ты же знаешь, что она крестная нашего сына, да и к тому же моя лучшая подруга.

— Ну да, конечно, — кашлянул в кулак Сергей. — И что ей было нужно?

— Ей мебель привезли, а собрать некому. Я обещала, что ты поможешь. Ты хоть помнишь, где она живет?

— Да, вроде как. Ладно, помогу, только после праздников. Если позвонит, так и скажи. А сейчас у меня дел навалом.

Сергей кое-как выполз на свежий воздух. Он достал мобильник, чтобы позвонить в

службу такси, но услышал гудок клаксона. Неподдалеку в иномарке сидел Пименов и, улыбаясь, махал ему рукой.

— Ты теперь решил и у дома меня караулить? — вваливаясь в машину, пробормотал Сергей.

— А то, — Станислав протянул банку пива. — Держи. По пядсярику, говоришь?

— Живительная влага! — Сергей сначала приложил ледяную банку ко лбу, потом торопливо щелкнул ключом-открывалкой, и салон наполнился пивным ароматом вперемешку с похмельным выхлопом. Он жадно присосался к таре, двигая кадыком вверх-вниз, и оторвался только тогда, когда в ней осталась половина. Смачно отрыгнул. — Ты мой спаситель. Хорошо-то как.

— Ну что, поехали?

— Давай, трогай. А ты, я смотрю, бодрячком.

— Я уже две такие употребил, пока тебя ждал.

— А как я домой попал?

— Так я и сам не помню. Я вообще в машине очнулся утром. Замерз, как собака. Заехал в магазин, купил лекарства и к тебе. Да уж... Вот это посидели. Голова трещит, словно в нее кол забили.

— Это да. Ладно, поехали, а то Сашок, наверное, нас заждался.

— Не беспокойся. Я его в архив послал кое-что нарыть, так что это мы его ждать будем.

— Нафига ты его туда отправил? Мы же вроде собирались посетить этого... Комарова! С ним пообщаться.

— Мне что-то с утра идея одна пришла в голову. Думаю, дай-ка проверю. А с этим несчастным Ромео мы и после обеда поговорим. Адрес его есть, так что никуда он от нас не денется. А потом и до этого компьютерного гения доберемся.

— А что за идея? — Сергей поставил банку на торпеду.

— Да по поводу последней жертвы.

— А что с ней не так? Вроде же все ясно.

— Да черт его знает. Хочу проверить кое-что. Так сказать, бредовые мысли. Похожие дела поднять за последние пять лет. Их не так много должно быть, так что, думаю, Сашок до обеда управится.

— Не понял, Стас. Ты сюда прибыл, чтобы Санитара ловить или всяки разные поднимать? Что за бред? — Самойлов схватил пиво, жадно допил его до конца, после чего нервно смял жестяную банку и выкинул в открытое окно.

— Да брось. Давай проверим. Терзают меня смутные сомнения, Серега.

Глава XXXI

Самая изощренная хитрость дьявола состоит в том, чтобы уверить вас, что его не существует.

Ш. Бодлер

— Проснись. Проснись. Слышишь меня? Проснись, Макс!

Я открываю глаза, в комнате темно. Прислушиваюсь. Ничего, только тишина. Тяжело вздыхаю и понимаю, что что-то или кто-то пытается вырваться из меня наружу. На душе становится погано и тяжело. Грудь ломит. Поднимаюсь и сажусь на край кровати. Так отвратительно, что хочется разорвать грудную клетку и вытащить из себя то чужеродное, что в ней обосновалось. Меня начинает потрясывать, и я неуверенно иду в ванную. Открываю кран, умываюсь холодной водой, еще и еще. Поднимаю взгляд и замираю в оцепенении. Из зеркала на меня смотрит незнакомый человек, щурит глаза, словно оценивает. Медленно касаюсь зеркала. Отражение самовольно отклоняется в сторону и с опаской разглядывает мою руку. На волевом лице незнакомца красуются глубокие шрамы. Взгляд жесткий, ледяной, пронзительный, звериный. Незнакомец осматривает границы своего заточения, затем ощупывает их, начинает метаться в зазеркалье и со всего маха бить по преграде кулаками. Я отшатываюсь назад. Зеркало хрустит, и по нему расползаются паутинки трещин. Он бьет снова и что-то кричит. В ужасе наблюдаю за происходящим. В конце концов, незнакомец выдирает кусок стекла, режет себе палец и выводит кровью на зеркале слова: «Остановись. Он рядом».

Лампочка с грохотом лопается, я вздрагиваю в ужасе, в темноте слышно только мое отрывистое дыхание. Через минуту прихожу в себя, понимаю, что нахожусь в коридоре, вижу, что мои руки в крови, а пальцы и ладони покрыты резаными ранами. Возвращаюсь в ванную, чтобы поменять лампочку: зеркало разбито, колотое стекло лежит в раковине, залитой кровью, а на оставшемся полотне видны красные разводы, будто бы я водил ладонями по острым краям.

Сижу на кухне, заматываю руки бинтом. Это уже не первый случай. После того, как я вышел из комы, со мной постоянно творятся странные вещи. Хотя чему удивляться с моими-то повреждениями мозга? Я больной придурок, лишившийся всего и оставшийся один на один с неутолимой яростью. Делаю петлю на руке и затягиваю ее на узел, держа один конец бинта зубами. Когда я закончу с тем, что задумал, нужно будет покончить и с тем, кем я стал. А пока... Пока мне нужно выспаться. Завтра я встречаюсь с Петром.

Старенький «Икарус» дергается, набирая скорость. Я кое-как пробираюсь на заднюю площадку и хватаюсь за поручень, чтобы устоять на ногах. Людей много, все куда-то едут, спешат. Мы постоянно суетимся, пока дышим. После получаса езды народу убавляется, и я могу сесть на свободное место, правда, только возле пожилой женщины, которая читает лежащую на коленях Библию. Странная обстановка, чтобы предаваться погружению в Писание. Сажусь. Она, не поднимая головы, краем глаза осматривает меня. Все это время она тщательно водит пальцем по строчкам и бубнит, словно хочет мне что-то доказать или продемонстрировать. Впрочем, не одна она поглядывает на меня. Такое ощущение, что я выделяюсь из толпы. Интересно, чем? Своими забинтованными руками? Минут через двадцать женщина, не отрываясь от Писания, вдруг начинает говорить.

— Знаете, когда я читаю «Отче наш», моя душа наполняется легкостью. Молю Господа о смирении людей. Я надеюсь, что Спаситель услышит мои молитвы.

В этот момент я подъезжаю к своей остановке и поднимаюсь с кресла. На секунду задерживаюсь, чтобы ответить женщине.

— Надежда, к сожалению, всегда приводит к разочарованию. Хотел бы я, что бы моя

душа тоже наполнялась легкостью. Только проблема в том, что мы с Господом нашим разговариваем на разных языках.

Глаза ее округляются. Она медленно поправляет очки, натягивая их выше на нос, жмет плечами, открывает рот, чтобы что-то произнести, и вскоре молча закрывает его, так и не найдя слов. Оплачиваю проезд и выхожу из автобуса. В паре километров от остановки, около заброшенного дома меня ждет машина, на которой я и добираюсь до Петра.

— Почти все закончено, осталось немного, — смотрю на строение, в возведении которого сам принимал участие.

— Да, ты прав, — смиренно отвечает Петр. — Люди суеются, стараются. Так что скоро закончим все с Божьей помощью.

— Неплохой приход получится. Будешь служить тут и горя не знать, — хлопаю его по плечу, на что он качает головой. — Что не так?

— Не для себя строили — для всех.

— Понятно, что не для себя. Но церковь без священника существовать не может. Смотри, скольких ты приютил обездоленных и разочарованных в жизни. Теперь у них есть цель, есть стремление. Ты им нужен.

— Я не могу.

— Почему?

— Потому что не смог остановить тебя. Так что, когда мы достроим, я уйду.

— Куда?

— Туда, откуда пришел, — он загадочно усмехается и не спеша уходит.

— Постой! Что за бред ты несешь?! Ты же сам мне показывал истинное зло! Говорил о том, что с ним нужно бороться! Разве не так?!

— Я хотел только, чтобы ты оставался собой. Они хотели другого. Обыграли нас на твоих чувствах. Выбор — сложная штука, Максим.

— Я вообще ничего не понимаю!

Петр замирает и какое-то время стоит неподвижно.

— Есть дело! — он резко оборачивается.

В нем мгновенно что-то поменялось. Возможно, взгляд.

— Какое?

— Поехали, по пути расскажу.

Едем в город и сворачиваем на окраину, в район новостроек. Перед поворотом мою машину тормозит патруль ГИБДД.

— Я что-то нарушил?

— Мы очень спешим, нужно человека соборовать, он на смертном одре, и я могу не успеть. Если можно, то поскорее, пожалуйста, — встречает Петр.

Полицейский смотрит в документы, потом на меня.

— Счастливого пути.

Возвращает права, и мы едем дальше.

Петр указывает дорогу, заезжаем во двор, где по всему периметру стоят многоэтажки, а в центре располагается детская площадка, на которой резвится ребятня разного возраста.

— И что дальше?

— Ничего. Просто будем ждать.

— Чего? — глушу мотор машины.

— Не чего, а кого.

— Да-а-а, — протягиваю я, закусываю нижнюю губу и откидываюсь на сиденье. — Знаешь, я, если честно, вообще тебя не понимаю. То ты бьешь себя в грудь и читаешь мне проповеди про то, как нужно жить правильно, то превращаешься в подстрекателя, благословляя меня на то, что я делаю. Знаешь, я бы успокоился и на тех, кто наплевал на мое горе из-за того, что деньги оказались для них важнее, чем справедливость.

— Так почему не остановился? — Петр поворачивается ко мне и смотрит мне в глаза своим холодным взглядом.

— Но, ведь...

— Но ведь это я тебе говорил делать то, что ты делаешь? Ты это хотел сказать?

Смотрю на этого человека с приветливым лицом. Длинные волосы до плеч свисают ровными прядями, аккуратная борода и усы, пронзительный, умный взгляд. Сейчас он такой, сейчас ему так нужно. Я давно заметил, какими разными бывают его глаза. Глаза — зеркало души, и он, словно хамелеон, сменяет их — от светло голубых до угольно-черных. Ты не так прост, священник! Если ты вообще тот, за кого себя выдаешь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А разве не так?

— Ты вправе выбирать, Макс. Выбор — это единственное, что зависит непосредственно от человека. Всем остальным можно манипулировать, — он делает приемник громче, и музыка наполняет салон.

Нам с тобою повезло

Наслаждаться тьмой и светом!

Быть спокойнее воды и бешеной огня!

Мы с тобой добро и зло,

Выпьем и закусим ветром.

Мы с тобою одной крови: ты и я!

Этот человек в длинной рясе, который сейчас сидит на пассажирском сиденье моей машины, отец Петр (так он себя называет и так называют его все те, кто помогает строить ему его обитель) — он как монета: с каждой стороны разный. У него свой символ, своя правда, свои идеи. Он заботился обо мне, напутствовал меня, давал мне надежду. Он единственный, кто помогал мне в трудную минуту. Единственный, кто знает про то, кто я на самом деле. Хотя, может, именно он меня таким и сделал? А может, я сделался таким сам? Или мир и общество сделали меня таким? Каждый народ достоин своего демона. Этот священник дает мне пряник, а после того, как я совершаю то, о чем он просит, вваливает мне кнута, обвиняя меня в нарушении всех законов Божьих и страдая карой Господней. Если я есть кара для тех, кто совершает мерзости, тогда, получается, он есть мое наказание?

— Смотри, Макс, — внезапно произносит он и указывает пальцем на подъезжающий микроавтобус.

— И что?

— Ты слышал о том, что пропадают дети и молодые девушки?

— Что-то передавали в новостях. А что?

— Это и есть тот человек. Он приезжает сюда уже на протяжении недели. Присматривается к новой жертве.

— Да откуда тебе знать?! Может, он просто живет здесь?! Если я палач, то я хочу быть

уверен в том, что жертва виновна! И вообще, какого дьявола ты все это творишь?! Ты же должен помогать людям своими проповедями и молитвами, или что там вы еще делаете?!

— Пересвет. Слышал о таком? Легендарный монах-воин, инок Троице-Сергиевского монастыря. Вместе с Родионом Ослябей участвовал в Куликовской битве и сразил в единоборстве перед основным сражением татарского богатыря Челубея, погибнув при этом сам. Русской православной церковью причислен к лику святых. А священники, благословляющие воинов на смертный бой? Есть в этом смысл? Где здесь «подставь щеку», «возлюби врага своего как самого себя»? Богу, Максим, иногда требуется свой дьявол, чтобы делать его руками то, что не может вершить он сам.

— Стелешь мягко, — впиваюсь руками в баранку.

— Так что служители не всегда праведники, и наоборот. В каждом из нас есть и тьма, и свет, но только нам выбирать, ради чего мы творим то, что творим.

— А если ты ошибаешься? — я смотрю на то, как в двадцати метрах от меня сидит в машине человек и наблюдает за детьми. — Если он не виноват? Что тогда?

— Я хоть раз ошибался? Наркоторговцы, насильники, садисты, продажные чиновники, торговцы живым товаром? Разве ты хоть раз избавил этот мир от невинного?

— Тут ты прав. Ты не ошибался ни разу.

— Вот видишь. Так почему засомневался теперь?

— Я устал.

— Тебя никто не заставляет. Ты вправе поступать так, как захочешь.

— Когда я закончу с последним, я покончу и с собой. Ты знаешь, что остались только они. Я перебил их всех: адвоката, судью, прокурора. Я подготовил сюрприз и для этой мерзкой твари, которая лишила жизни мою семью. Она будет страдать до последних дней своей жизни. Так что после окончания дел, Петр, на меня не рассчитывай. Я должен остановить то зло, которое сидит во мне.

— Это твой выбор, Максим. Только твой. И как только ты все закончишь, позволь мне сделать только одно.

— Что именно?

— Разреши познакомить тебя кое с кем. И потом ты сможешь сделать все, что захочешь.

— Договорились.

Оборачиваюсь и вижу, как мужчина разговаривает с маленькой девчушкой, потом, сгорбившись над ней, ведет ее к своей машине. В ее руках небольшая кукла. Ей лет десять от силы, и он ей явно не знакомый и уж тем более не отец.

— Решай, Максим. Решай. Делай свой выбор, — Петр жмет плечами и выходит из машины, аккуратно прихлопывая за собой дверь, словно боясь нарушить естественный ход событий.

Мужчина открывает боковую дверь тонированного микроавтобуса, и, подняв ребенка, с улыбкой на лице сажает ее внутрь. Он осматривается по сторонам, выжидает секунд десять и захлопывает дверь. На площадке все по-прежнему, никто не замечает пропажи. Никто, кроме меня. Хватаюсь рукой за грудь, мне снова не хватает воздуха. Так происходит всегда, когда просыпается зверь. А может, просто разыгрывается очередной приступ из-за гипоксии. Тот, кто похитил ребенка, еще не понимает, что из охотника он в эту секунду превратился в жертву.

Я еду за ним почти час вглубь дачного поселка, пару раз теряю его из вида, но настигаю на узких улочках. Когда его автомобиль останавливается, я проезжаю вперед и сворачиваю с

дороги. Прячу шприц в кармане, накидываю капюшон на голову, надеваю перчатки и беру строительный металлический прут из багажника, сам не понимая, как он там оказался. Пробираюсь узкой улочкой к фургону. Все тихо. Пытаюсь приоткрыть дверь — она заперта. Обхожу дом и вижу открытый подвал. Вниз идти нет смысла, тем более что парень явно не ожидает гостей. Затаиваюсь около лаза. Минут через десять похититель вальяжно поднимается наверх, разговаривая по сотовому.

— Да, приезжай, все готово. Да, на старом месте. Ну, давай, давай. Без тебя начинать не будем, — он кладет трубку и поворачивается ко мне.

Замешательство и страх. Доли секунды. Он кидается вперед, но железный прут оказывается проворнее. Теплая жидкость брызгает мне в лицо, тело парня падает к моим ногам. Человеческое тело — потрясающая штука. Будешь убивать — не убьешь, а споткнешься о бордюр — и расшибешься насмерть. Перетягиваю его руки и ноги хомутами. Забираю ключи и иду к машине, там обнаруживаю девчонку, связанную по рукам и ногам и с черным мешком на голове. Наклоняюсь к ней: слава Богу, дышит. Но пока для нее тут самое безопасное место. Дожидаюсь второго, он приезжает через час. Порция миорелаксанта, и вот уже он, обездвиженный, валяется на лужайке. Переворачиваю его на спину и с удивлением замираю. Это же следователь Артем Хлебалин! Тот самый, который приходил ко мне в палату и доставал меня своими дурацкими вопросами вместе с напарником Сергеем Самойловым. Так вот почему все эти дела с пропавшими детьми и девушками спускались на тормозах. Чувствую, как зверь овладевает моим телом, ему нужна кровь, мне — справедливость. Дерьмо должно быть с дерьмом. Оказывается, эта дача принадлежит именно ему. А ведь священник снова оказался прав! Иногда праведник должен становиться демоном. Иногда зло бывает во благо. Что им законы, когда они сами себе закон? Я спутываю его и оттаскиваю вниз, в подвал — к его подельнику. У них тут все отлично обустроено: видеокамера, взрослые игрушки, большая кровать, наручники — всякого навалом. Похоже, они больны даже больше, чем я. Я удивлен, если честно. Но у каждого свои слабости и свои демоны. Приходится дожидаться, когда они оба придут в себя. Они должны знать, почему умирают. Все узнают, почему умирают, когда я прихожу за ними.

— Чего ты хочешь? — неожиданно слышу сквозь сон и открываю глаза. Сам не заметил, как задремал на их шикарной кровати под зеркальным потолком. — Ты хоть знаешь, кто я такой?

Неразборчивая речь врезалась в уши. Хлебалин пришел в себя, и это хорошо. Нужно будет продержат его еще сутки, пока препарат не выйдет из организма. Слюна течет по щеке. Он еле ворочает языком, пытается запугать меня, угрожая своим должностным положением. Второй тоже лежит уже с открытыми глазами. А коль все в сборе, пора и начинать.

— Ты понятия не имеешь, с кем ты связался!

— Ты тоже, — тихо отвечаю я.

Сколько раз я слышал подобное. Все начинают запугивать до того момента, когда я начинаю действовать. Хлебалин орет и угрожает. Слюни летят в разные стороны. Жалкое зрелище. Его можно понять: он впервые находится в роли жертвы, а не в роли господина. Что же? Я сажаю его друга на стул перед ним, срезаю одежду, оставляя его в одном нижнем белье.

— Чего ты хочешь? Скажи, что тебе нужно, и мы сможем договориться, — тот, кто похитил девчонку, пытается торговаться.

Они всегда торгуются. Наверное, их жертвы тоже молили о пощаде. Просили и уговаривали, но никто так и не внял их крикам о помощи. Вот и я молчу. Просто смотрю на него из-под своего капюшона, затем говорю так, чтобы они все слышали: четко, громко, чеканя каждое слово.

— Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в Геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в Геенну. Евангелие от Матфея, глава пятая, стих тридцатый.

Беру прут и со всего размаха бью похитителя по колену. Слышу, как хрустит кость. Бью еще и еще, пока она не вылезает наружу. Жертва начинает испускать дикие, истошные вопли.

— Со мной нельзя договориться, — наклоняюсь над его ухом и ору что есть силы то же самое. — Я есть вы! Ибо совершивший зло, от зла и погибнет! — ломаю ему вторую ногу, и он отключается.

Хлебалин, бледный, со вспотевшим лицом, смотрит на меня. Я склоняюсь над ним.

— Ты не помнишь меня, ведь так?

Он отрицательно мотает головой.

— А я тебя помню. Не думал, что человек может опуститься до такого. Служитель порядка. Так ведь вас называют? Или все-таки оборотень в погонах? Знаешь, что я с тобой сделаю?

— Прошу: пощади. Я случайно тут оказался. Ты все не так понял.

— Ха-ха-ха! Господи, сколько раз я слышал подобное. Наверное, вас тоже умоляли не делать то, что вы делали? Но вы же были глухи к мольбам своих жертв? Почему же ты просишь тогда меня о том же? Вы же не останавливались? Неужели ты и впрямь думаешь, что я способен пощадить?

Он только хлопает глазами. Все они одинаковы. Безнаказанность лишает их чувств, так как она усыпляет их бдительность и заставляет забыть о возмездии. Но как только против них идет кто-то более сильный, они превращаются в немощных. Вот и сейчас перед ними не девочка, с которой они хотели позабавиться, перед ними — их смерть, и с ней, оказывается, не так весело. Я ломаю на глазах Хлебалина его подельника до тех пор, пока его тело не становится похожим на отбивную, из которой торчат кости, словно шипы из кактуса, и он не умирает, не выдержав боли.

Что же касается Артема, то в отношении него есть план получше: за его двором есть отличная выгребная яма...

Глава XXXII

*Есть время разбрасывать камни,
и есть время собирать камни.*

10 апреля 2015 года. Два дня до Пасхи. 11 часов 30 минут.

Сергей тер уставшие глаза, сидя за своим рабочим столом. Пименов ходил по комнате, заложив руки за спину.

— Все равно тебя не понимаю, — следовательно упер тяжелую голову в свою руку. — То есть ты хочешь сказать, что есть жертвы, которые принадлежат Санитару, а есть и те, которых убивал кто-то другой? Бред какой-то!

— Почему бред? — Станислав остановился и посмотрел на настенные часы, стрелки которых замерли на половине двенадцатого.

— Подожди! Стоп, стоп, стоп! Ты продолжаешь вчерашний разговор, а я сегодня негож думать, — Сергей тяжело вздохнул. — И как ты после такого так выглядишь?!

— Иммунитет у меня к зеленому змию. Когда-то я был с ним очень близко знаком, — хмыкнул Станислав себе под нос и обернулся к сидящему за столом Самойлову.

— Ладно. Хорошо. Я все могу понять, но вот зачем ты послал Сашка в архив без моего ведома? Пока я его начальник, а не ты. Тебе так не кажется?

— Серег, я знаю про это. Но я думал, так будет лучше. Что ты так завелся? Проверим эту теорию и все! Как говорится, отделим зерна от плевел.

— Да какие к черту зерна, Стас?! — Самойлов вскочил из-за стола. — Ты сейчас сам понимаешь, что несешь?! Вместо одного маньяка ты хочешь повесить на меня двух!

— Возможно, двух, а возможно, и группу.

— О-о-о-о, боги! Да о чем ты вообще говоришь?! Тут и так все ясно! — он ударил ладонью по столешнице. — Санитар убивает всех, от подростков до женщин. Долбаный безумец возомнил себя прокурором и судьей в одном лице, и последовательно эту мысль реализует! Так почему ты вдруг решил, что убийство этой Ледовских не его рук дело? И вообще, почему ты заострил внимание именно на пропавших подростках?!

Пименов молча окинул взглядом покрасневшего от ярости Сергея. Его помятый вид и запах вчерашнего, да и сегодняшнего, праздника больше подходил тем, кого обычно здесь допрашивают, нежели сотруднику органов. Станислав по-утиному сложил губы, щелкнул языком, не спеша подошел к столу и раскрыл свою зловещую папку.

— Вот, — он швырнул на стол бумаги. — Тут я собрал девушек, которых выделил из твоего дела по Санитару.

— Как это «выделил»?! — Сергей отпихнул стопку документов от себя в сторону. — Мы что тут, на ромашке гадаем: он — не он?! Я занимаюсь этим делом больше десяти лет! Я! Понимаешь, я! И если я засунул их в дело о Санитаре, значит, это он их убил! Он и все! Точка! — Сергей лупил кулаком по столу, отчего предметы на нем вздрагивали.

— Санитар убивает, но не насилует, — Пименов пристально посмотрел в глаза своему коллеге. — А эти были изнасилованы, а потом убиты. Чувствуешь разницу?

В кабинет зашел Александр.

— Опять спорите? — он расстегнул на ходу ветровку, зажимая под мышкой стопку бумаг.

— В споре рождается истина! Латинская поговорка, — бросил Станислав. Сергей побелел от злости.

— Ты куда ходил?! — плюхаясь на свое место, рывкнул следовательно, смотря исподлобья

на своего подчиненного.

— Так ведь, меня это... — Сашок пожал плечами, кивнул головой в сторону Пименова и положил на стол то, что принес. — Вот.

— Что «вот»?! — Сергей нервно отбросил бумаги на другой край стола, давая понять всем, что ему глубоко плевать на эти документы. — А если он тебя тапочки попросит принести? Что, тоже хвост подожмешь и побежишь?! А, Сашок?

Станислав Владленович хлопнул парня по плечу, сгреб документы со стола и стал медленно просматривать их.

— Серег, а ты знал, кто вел большинство дел о пропавших девушках?

— Хлебалин вел, — равнодушно бросил он и скорчил пренебрежительную гримасу, давая понять своему собеседнику, что про это и так все знают. — Он вначале и большинство дел по Санитару вел, потом они мне, так сказать, по наследству достались. Только в чем прикол, я не пойму? Что ты хочешь мне этим сказать?

— Ничего, просто спрашиваю.

— Я же тебе говорил, что мой напарник кремень был! — Самойлов снова ударил по столу кулаком. — Понимаешь?!

— Да понимаю я, понимаю, — безучастно кивнул Пименов, продолжая заниматься своим делом.

— Ты копаешься в старье. Понимаешь? Часть этих дел давно закрыта по истечению срока давности, другие просто висят мертвым грузом, так как тот, кого мы ищем, попросту неуловимый сукин сын! Поймаем гада — повесим все на него! Да, Артем занимался многими пропавшими девушками и подростками. И выполнял свою работу на «отлично». Ты хоть знаешь, сколько благодарственных писем и наград он получал?! Знаешь?!

— Да, я читал про него. Смотрел его досье.

— Да он волосы на себе рвал, чтобы этого гада поймать. Потом, уже после его смерти, я занялся всем этим. Ходил, писал, просил. И надо же! Бац! Свалился, наконец, на мою голову ты! Слава Богу, услышали наши молитвы спустя десять лет! Прислали к нам Шерлоке Холмса, который уж точно нам поможет! Слушай, Пименов, а ты случайно там рентгеновским зрением или еще какой-нибудь супер-хренью не обладаешь?! Я так, просто к слову спрашиваю. А то смотрю, ты что-то совсем нас за дебилов держишь. Дела старые поднял! Да Артем Хлебалин таких, как ты, с десятков стоил!

— Я понимаю, — Станислав вынул из общей кучи листок и положил его перед Сергеем. — Прочти.

— Да что мне читать?! Я эти дела наизусть знаю! Вместо того чтобы ехать к этому Комарову, а потом к хакеру, занимаемся черт знает чем, прости Господи, — он поднял листок и начал читать. — Начальнику милиции Громову А. Ф. Так. Ага. Заявление. От Головина Дмитрия Геннадьевича. Ясно. Так, что тут? Ушла и не вернулась Головина Оксана Дмитриевна 1980 года рождения. Слушай, Стас! — он отложил заявление в сторону. — Давай по существу! Ты что, сейчас меня все эти заявления заставишь перечитывать что ли, вместо того, чтобы делом заниматься? В нашей стране в год до восьмидесяти тысяч человек без вести пропадают. Да, может, она за иностранца замуж вышла или на панель в столицу сорвалась за большим рублем или еще за чем, а может, ее Санитар прикончил. От меня-то ты чего сейчас хочешь, я не пойму никак?! — он снова взял бумагу и начал ей нервно трясти.

— Да ничего. Еще раз прочитай внимательней.

— Да что ее читать-то?! Какая-то Головина Оксана... — он замер и закусил нижнюю

губу. Тяжело вздохнул и медленно продолжил читать заявление, но уже про себя. Перечитал снова, не веря своим глазам. Сел на стул и, потирая переносицу, пожал плечами. — Ха... Мда-а-а. Надо же... Артем, Артем.

— По-моему, фамилия дюже знакомая. Тебе не кажется?

— А? Что? — Сергей поднял глаза, его лицо на секунду побледнело. — Прости, я не понял сейчас, о чем ты?

— Однофамилец и полный тезка вашего патологоанатома, у которого мы недавно были в гостях. Чудно получается, да? — Пименов расплылся в улыбке, Сергей уставился на него остекленевшим взглядом.

— Тут у вас, гляди, и заявление от имени Путина найдешь! — Стас снова хитро улыбнулся и вытащил из рук Самойлова документ. — Ты чего так побледнел?

— Да что-то после вчерашнего нехорошо как-то.

— Водички попей, она даже жабам помогает, говорят. Ладно, ясно тут с этими делами все. Ясно то, что ничего не ясно. Нужно будет потом заняться ими, посмотреть, что да как. А то тут, если покумекать, ваш Санитар просто глобальная эпидемия, а не человек. Если на него все нераскрытые дела вешать, страсть что будет. А про то, что нужно к этому Комарову ехать, так ты прав. С него нужно начинать. С него. А потом уж и за этого Максимова браться. Кстати, Сань.

— Чего? — робко смотря то на Сергея, то на Стаса, откликнулся Сашок.

— Нам бы фотку аль чертеж? Ну, чтоб мы затеяли мутеж.

— Чего?

— Чего-чего. Данные достань, к кому поедем. Морду лица их знать хочется, чтобы, так сказать, не ошибиться. Понял?

— Да, я... Понял. Только это... — он вопросительно взглянул на Сергея.

— Давай, давай, — Самойлов сделал жест рукой, чтобы тот уже шел и делал, что ему говорят. — Занимайся.

— Ну и прекрасно. Ладно, я пойду, звончек один сделаю, а ты, Сашок, давай шевелись. Шевелись! Кстати, — Пименов остановился у двери. — Серег, тебе захватить что-нибудь, а то ты что-то совсем побледнел?

— Не-е-е-е! Не надо, спасибо. Сейчас в норму приду.

— Ну, как знаешь.

Дверь кабинета захлопнулась. Сергей перевел взгляд на своего молодого напарника.

— Ты еще тут?

— Так я твоего распоряжения жду, а то потом опять скажешь.

— Чего?! Давай пошел! Пошел, я сказал! Работай! Работай! — приподнимаясь над столом, взревел Самойлов, наблюдая за тем, как его подчиненный сорвался с места и выскочил вслед за Пименовым. А Сергей плюхнулся обратно на стул, расстегнул ворот рубахи, протер шею платком и вытащил мобильник. Долго крутил его в руках, проговаривая что-то про себя, шевеля только краешками губ. Потом вздохнул, порывшись в контактах, и вскоре на экране загорелся вызываемый абонент по прозвищу «Шрек».

Глава XXXIII

Из огня да в полымя.

Русская поговорка

Морозное утро конца февраля. От сильной стужи снег скрипит под ногами, а ледяной воздух обжигает легкие при каждом вдохе. Я, закутавшись в шарф, пробираюсь по заметенной дороге к деревянной церквушке. Не был тут долго, но душа почему-то тянет именно сюда, то ли потому, что устала от городской суеты, то ли потому, что меня понимает только этот странный священник, который не перестает удивлять с того самого момента, как я познакомился с ним. Иду и слушаю музыку, строю планы на ближайшие выходные. Знаю, что нужно зайти к своим, расчистить погост. Раньше ходил туда чуть ли не каждый день, теперь бываю не чаще раза в неделю. Торопливое время крадет у меня даже горе. Эта невидимая подлая субстанция забирает у меня не только жизнь, но и чувства. Ну, ничего, недолго им осталось скучать по мне. Вынимаю наушники и разматываю шарф, чтобы он не мешал мне видеть и понимать все то, что я сейчас наблюдаю. Занесенная снегом церковь и никого, ничего рядом с нею. Медленно оглядываюсь по сторонам, вслушиваюсь в тишину. Мороз крепчает, холод проскальзывает даже сквозь теплую одежду, взбирается вверх. Натягиваю шарф обратно на лицо. С одиноко стоящего дерева с противным карканьем грузно взлетает огромный черный ворон и начинает кружить надо мною, поднимаясь все выше и выше.

— Петр! — ору во всю глотку. Эхо откликается с явной насмешкой: — Петр, Петр, Петр...

Медленно прохожу вперед, дергаю за массивную ручку, и дверь с натугой, скрипя и загребая наметенный снег, отворяет передо мной вход в обитель Божью. Храм словно гробница — пустой и холодный, ни образов, ни икон, только голые стены. Захожу. Мои шаги гулко раздаются в пространстве. В углу замечаю сидящего на завалинке старика в драной фуфайке, в ватных штанах и валенках, с черной смоляной бородой, но снежно-седыми волосами. Он сидит на скамье, опираясь на свою палку, которая, по-видимому, заменяет ему посох. О чем-то думает, а может, мне просто так кажется. Он достает из кармана клетчатый платок и утирает похожий на картошку нос.

— Заходи, коль пришел, — незнакомец поднимает на меня свои старческие водянистые глаза.

— Извини, дед, я тут просто мимо проходил, — разворачиваюсь и собираюсь уйти.

— Стой, Луций!

Продолжаю продвижение к выходу, ускоряя шаг. За последние годы я привык быть осторожным и мое чутье, а точнее, мой внутренний зверь, почему-то явно настороже, будто приближается опасность. Внутри все закипело: такое бывало только, когда я расправлялся с гадами, которых и людьми-то назвать тяжело. Но эта ситуация другая, она мне непонятна, и от этого кажется еще более опасной. Когда ты постоянно пытаешься оставаться незаметным для других, у тебя развивается шестое чувство, звериный инстинкт — инстинкт самосохранения, единственное преимущество, которое осталось у нас, у людей, от братьев наших меньших. — Хватаюсь за дверную ручку.

— Максим! Постой, — я замираю. — Петр сказал мне, что ты придешь. Я жду тебя тут очень давно.

Медленно оборачиваюсь, словно в затылок направили ствол. Старик поднимается и, прихрамывая, идет ко мне, цокает своей палкой по деревянному полу, словно отстукивает удары моего сердца.

— Что произошло? Где он? Где остальные люди?

— Не все сразу, — незнакомец подходит ко мне вплотную и, шурясь одним глазом, приветливо кивает головой, как будто знаком со мной не один год. Затем шарит рукой у себя в кармане и достает оттуда свернутый пополам тетрадный листок. — Петр просил передать.

— А сам что? Не мог? — недоверчиво спрашиваю я и на всякий случай смотрю по сторонам в поисках подвоха.

— Я же говорю: не все сразу. Бери, я не читал, что там.

«Не читал? Так я тебе и поверил», — проносятся в моей голове мысли, но я все же беру протянутую мне бумагу. Незнакомец улыбается. Такое ощущение, что я думаю вслух. Разворачиваю листок, бегло читаю: «Почти все закончилось. Осталось возмездие и последнее дело. Я оставил тебе послание там, куда ты собирался идти в выходные».

— Спасибо, — засовываю листок во внутренний карман пуховика и выдерживаю паузу.

— Матвей. Меня зовут Матвей.

Старик, ковыляя, обходит меня стороной и выходит наружу. Я еще долго стою в одиночестве в здании, где еще недавно кипела жизнь и шла работа. Почему все опустело?

Огнями реклам,
Неоновых ламп
Бьет город мне в спину, торопит меня.
А я не спешу,
Я этим дышу.
И то, что мое, ему не отнять.

Вздрагиваю от того, что моя голова резко кивает вперед. Просыпаюсь. В салоне тепло. Гляжу на часы: полдвенадцатого ночи — не проспал. И это хорошо. Золотая молодежь еще гудит в клубе. Я сижу в машине, припаркованной по другую сторону улицы. Жду того, кто мне нужен. Обычно он покидает это заведение в час. Время еще есть, и я делаю музыку громче, чтобы не уснуть.

Здесь деньги не ждут,
Когда их сожгут.
В их власти дать счастье и счастье отнять.
Но только не мне.
Я сам по себе.
И темные улицы манят меня.

Сын Фроловых, мерзкий избалованный выродец, привыкший, как и его родители, к тому, что все остальные — это грязь под их ногами. А чего еще от него ожидать? Яблоко от яблони недалеко падает. Истина, доказанная веками и тысячами поколений. Ему дозволено все: унижать, избивать, насиловать — властная рука отца отмажет от любого преступления.

Его шупальца прикрыли и мамашу, которая, в стельку пьяная, вылетела на встречную полосу и растоптала мою жизнь. От такого весомого покровительства человек всегда теряет чувство реальности. У него появляется новое ощущение — ощущение вседозволенности и безнаказанности, а оно до добра не доводит. Вора всегда губит жадность. С такими людьми лучше не связываться — так думает большинство из вас. Я же думаю, что таких нужно попросту устранять, убирать, как мусор, за который они принимают всех остальных. Впрочем, так я считал раньше. Теперь же я придумал более изощренное возмездие: для родителей нет худшей кары, чем потеря ребенка, даже такого никчемного, как их любимый Славочка. Однако похоронить мертвое тело — слишком легкое наказание для них, они его не заслужили. Они заслужили до конца дней своих понимать, что больше не увидят сына, что он будет страдать, а они станут жить с этим и поделаться ничем не смогут, так как нет такой власти у них, чтобы остановить того, кого остановить невозможно. Будут регулярно получать от меня сувениры, чтобы их боль и страдания не притуплялись временем. Для них ад должен начаться уже здесь, на земле, а не после смерти. Я уничтожу в их сердцах любую надежду найти его. Я заставлю их жить так, как они заставили жить меня.

Фролов Слава — личность куда более интересная, чем его предки. Кажется, он вобрал в себя все самое «лучшее» от своих родителей. В свои двадцать семь лет он все еще обладает умом шестнадцатилетнего подростка. словно ему раз — и отключили развитие. Так бывает, когда тебе больше некуда расти и стремиться, так как для тебя и за тебя уже все сделали. А когда тебе все дали, то зачем стремиться к чему-то? В этот момент и срабатывает рубильник. Отличная машина на совершеннолетие, дорогие аксессуары, квартира, путешествия, а в придачу куча подхалимов, которые живут за твой счет, называя тебя другом. И ведь Слава верит в их искренность! Он слишком привык с самого рождения воспринимать авторитет своих родителей как свой собственный, и просто не в состоянии опознать лживую лесть. Вот и живет в мире иллюзий. У него есть мнимая работа, на которой он числится боссом, хотя все его задачи выполняют совсем другие люди. Есть мнимые друзья, мнимая девушка, и в этой мнимой реальности он бог, в ней нет для него преград. Остается только одно — гулять и веселиться. Такие, как Славик, всегда считают себя сверхлюдьми. До тех пор, пока я не встаю на их пути.

Славик выходит из ночного клуба с двумя друзьями и изрядно выпившей девицей, которую они тащат под руки. Все заваливаются в машину, спутницу запикивают на заднее сиденье. Зная их пристрастия, легко догадаться, для чего она им нужна. Все бы ничего, но девчонка не входила в мои планы. Я стартую за ними, держу расстояние. Откладывать задуманное я не намерен, у меня остается не так много времени, так что придется действовать по обстоятельствам. Влезу в драку, а там посмотрим, что да как. Минут через пятнадцать понимаю, что компания явно сошла с маршрута и петляет по переулкам. Следую за ними, выключив фары. Молодежь заезжает в промзону и останавливается у малоприметного домика, я торможу метров за сто. Вижу какое-то шевеление, выдерживаю паузу, тем временем загоняю машину за угол покосившегося полуразрушенного бетонного ограждения. Какое-то время сижу в салоне, затем накидываю капюшон на голову, надеваю перчатки, достаю из бардачка охотничий нож и кастет. Ах, да, чуть не забыл: хватаю с заднего сиденья рюкзак, в который укладываю мой маленький сюрприз. Все готово. Мой взгляд мельком скользит по зеркалу заднего вида. Не верю своим глазам: оттуда на меня смотрит тот самый человек, которого я видел тогда в ванной. Коротко стриженный, со шрамами на лице и холодным взглядом. Зажмуриваюсь, делаю глубокий вдох, открываю

глаза — наваждение пропало. Щупаю рукой зеркало, потом свое лицо, чувствую озноб по всему телу. Быстро выхожу из машины и направляюсь к неприметному домику, обнесенному ветхим забором. Поблизости нет других построек, территория заброшенная. Перемахиваю через ограду во двор и прячусь за кучей поломанных веток и строительного мусора. Где-то вдалеке хрипло каркает ворон. Слышу, как разговаривают двое, но не вижу их лиц.

— Слышал о твоём горе, — говорит первый.

— Да, бывает, — его собеседник, одетый в короткое драповое пальто, трет нос и вытаскивает сигарету, закуривает.

— И что теперь? Ты за старшего станешь?

— Посмотрим, — выдыхая густое облако, монотонно отвечает второй.

— Что же с ним произошло-то? Такую смерть в «Книгу рекордов Гиннеса» можно заносить как самую глупую в истории человечества!

— Разберемся.

— Знаю, как вы разбираетесь! Опять все спишете на этого... Как там его? Черт, забыл! — заржал первый и что-то передал второму. Тот выпустил изо рта струю густого дыма и сунул пакет себе в карман. — Можешь не пересчитывать. Все, как договаривались! Ты же знаешь, я не подвожу с бабками.

— Я и не стану. Если что, маме твоей позвоню. Расскажу ей, в какие игры ее сынок играет, — усмехнулся человек в пальто.

— Э-э-э, мусор! Ты не слишком-то зазнавайся! Я плачу за ваши услуги свои деньги и не малые. Так что держи язык за зубами! Понял меня?!

Мусор явно недоволено переминается на месте, потом достает новую сигарету и закуривает.

— Все, как обычно. Это место используем в последний раз. После того, как закончите, подожжешь дом. И ради всего святого: больше ничего не снимайте на память! И своим дятлам скажи, чтобы никаких побрякушек не брали! — он разворачивается и идет в мою сторону. Проходя мимо, швыряет окурки и еле слышно добавляет: — Сучий потрох! Деньги он свои платит! Были бы они еще у него! Маменькин сыночек...

Когда все стихает, медленно подкрадываюсь к окошку, заглядываю внутрь. Девчонка привязана к кровати, дергается на ней, словно в конвульсиях. Слава и его приятели расположились за столиком с бутылками и небогатой закуской, ржут, чем-то хвалятся, выпивают. Пригибаюсь и проползаю поближе к дверям, тяну ручку на себя. Эти глупцы настолько уверены в себе, что оставили ее незапертой. Прошмыгиваю в прихожую и замираю у входа в комнату, наблюдаю за происходящим сквозь щелку приоткрытой двери.

— Ну, че, кто первый?! А?! Глянь, какая сладкая!

— Славик, давай, может, ты?! Кто платит, тот и танцует!

— О-о-о-о! Тоже мне смельчаки! Ладно, пропашу для вас борозду! — он скидывает куртку, расстегивает ремень и лезет на кровать. Девчонка орет что есть силы, видно, протрезвела. Отморозки ржут, подбадривая «первопроходца».

— Давай, Слав, загляни ей под капот! Ух, у нее буфера какие сочные!

— Сейчас я ей уровень масла-то проверю! Не ори, тварь! Не ори! — он раздевает несчастную, срывая с нее одежду.

В жилах закипает кровь. Мне бы уже выйти, но есть сомнения. Может, она сама виновата? Я же не знаю, при каких обстоятельствах она пошла с ними, одна с тремя незнакомыми мужиками. Может, она заслуживает этого? Может, подождать, пока получит

свое сполна, а потом уже заняться ими? Иногда выбор делать очень сложно. Нормальная не будет сидеть до часу ночи в баре, нормальная не пойдет одна с незнакомцами, нормальная... И вдруг мои сомнения прерывает уверенный голос зверя: «Давай, давай, давай! Я уже заждался!». Вышибаю дверь пинком.

— Извините, парни! Тачка еще на гарантии находится! Так что если кто-то засунет ей свой масляный щуп в двигатель, я ему выхлопную трубу расширю до невероятных размеров! Поняли?!

Славик от неожиданности тянет штаны на себя и сваливается с кровати на пол. Один из его дружков, стоящий ближе ко мне, лезет в карман. Я резким ударом пробиваю ножом его глаз, так что с другой стороны черепа показывается острое клинка, он падает замертво. Рядом со мной выключатель. Гашу свет. Для них все кончено.

Действую быстро — не впервой. Когда снова загорается свет, второй друг Славика лежит без сознания с выбитыми зубами. Король жизни сидит на заднице, забившись в дальний угол, словно побитая масть. Я не спеша хожу по комнате, переступаю через труп, накидываю на лицо девчонки чью-то куртку. Она только вздрагивает от неожиданности. Того, что будет происходить, ей лучше не видеть. Подхожу к столу, беру бутылку виски и делаю пару больших глотков. Затем подтаскиваю обмякшее тело второго дружка поближе к кровати и пристегиваю руки к ножкам, ноги связываю веревкой, другой конец приматываю к батарее. Укладываю сверху мертвеца так, чтобы он своим весом прижал нижнюю часть тела своего пока еще живого приятеля. Теперь вроде бы все готово. Славик бешеными глазами наблюдает из угла за происходящим. Пока я готовлюсь, он сидит тихо, как мышь, боится даже дышать. Девчонка только постанывает. Она, похоже, смирилась. Наверное, думает только о том, почему так долго ничего не происходит. Не понимает еще, как ей повезло. Почему-то мой зверь решил, что она невиновна. Поэтому я пришел намного раньше, чем что-то случилось с ней. Прохожу мимо Славика, бью его ногой.

— В сторону сдвинься.

Открываю поочередно шкафчики, наконец, нахожу алюминиевую кастрюлю. Самое оно.

— Ты меня убьешь? — слышу писк героя.

— Не сейчас, — я прохожу мимо и сажусь над телом привязанного. — Как зовут?

— Слава.

— Его, не тебя.

— Кого именно? — дрожащим голосом переспрашивает он.

— Того, кого я привязал. Кто еще пока жив.

— Рома.

Разрезаю одежду на теле связанного Романа, обнажаю грудь и живот. Бью его по щекам, он начинает хрипеть и вскоре приходит в сознание.

— Очнулся? Ну, и прекрасно. Как себя чувствуешь? — он только мотает головой, пока не понимая, что происходит.

— Чуть не забыл, — поднимаюсь и выхожу в коридор, возвращаюсь с рюкзаком, из которого достаю утюг, наручники и клетку с большой крысой — мой сюрприз. Поворачиваюсь к Славику и кидаю ему браслеты. — Пристегни себя к батарее. Только без глупостей, — он послушно выполняет приказ.

— Что ты задумал? — еле бормочет разбитым ртом Роман.

— Как бы тебе это объяснить? — я чешу переносицу, потом начинаю пощелкивать

пальцами. — Я поступлю с вами по справедливости. Поступлю с вами так, как вы хотели поступить с ней, — киваю в сторону привязанной. — Сначала я убью тебя, очень жестоко и болезненно, а твой друг будет на это смотреть. Потом отпущу девчонку, а на Славика у меня есть свои планы. Он мне нужен живым. Ты рад, Славик?! — он кивает головой.

— У меня есть деньги. Послушай. Ты хоть знаешь, кто мои родители?! — внезапно оживает сладенький.

— Деньги, деньги, деньги. Это хорошо, когда есть деньги. И да, я знаю, кто твои родители. С мамашей твоей, Лизонькой, будь эта стерва проклята, лично знаком. Эх, жаль, что сейчас нет рядом одного моего знакомого — он мастер читать проповеди, но я тоже попробую справиться. «Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, послушавшихся заповедей Моих».

— Да ты больной сукин сын!

— Это я больной? Хотя, да. Да, я больной. А вы? Решили поиграть во взрослые игры? Думаете, все возможно за деньги? За связи? Попробуйте теперь купить меня, надавить на меня, напугать меня! Я давно уже умер благодаря таким, как твои родители, Славик. Единственное, что я сейчас хочу... Впрочем, ладно. Приступим, — скидываю капюшон и поднимаю клетку с крысой. Зверек нервно мечется внутри. — Прошу любить и жаловать! Его зовут Хаус! Поймал буквально пару дней назад. Маленькое, но очень страшное существо. Знаете, если взять с десятков таких тварей, посадить в бочку и не кормить, то через месяц останется только одна: самая хитрая, самая безжалостная — та, которая больше всех захочет выжить. Остальных она попросту сожрет. И самое удивительное то, что больше ничем другим зверек питаться не сможет, кроме как собственными соплеменниками. А еще, — я открываю клетку и вытаскиваю тварь за хвост, — зубы этого грызуна способны прогрызть бетон, — кладу крысу на брюхо Роману. Он дергается, орет. Накрываю грызуна кастрюлей.

— Убери эту тварь от меня! Проклятый урод! Убери ее с меня! Помогите! Кто-нибудь! Помоги-и-и-те!

— Вы же сами привезли сюда девчонку, так как знали, что тут никто не услышит ее крики. Не делай того, о чем можешь потом пожалеть. Люди уже давно совершили все возможные ошибки, теперь мы их только повторяем.

Роман дергается, пытаюсь скинуть с себя алюминиевую кастрюлю, под которой скребется животное. Бедолага орет, взывая о помощи. Интересно, к кому? Славик, словно испуганный ребенок, поджал коленки к груди и уткнулся в них мордой. Крутым быть всегда легко с теми, кто не может тебе ответить, когда знаешь, что папа и мама уладят любые вопросы. Но сейчас их рядом нет, и пытаться договориться со мной бесполезно. Я ставлю утюг на кастрюлю и включаю его в розетку.

— Прошу, прошу, — отрывисто начинает тараторить Роман. — Ну, пожалуйста. Ну, прошу!

Я прижимаю указательный палец к своим губам, давая понять, чтобы он замолчал. Когда температура повысится, крыса в темноте и ограниченном пространстве начнет паниковать, сработает инстинкт самосохранения, и единственный путь к спасению для нее будет пролегать вниз. А дальше — дальше она ползет на воздух, то есть в глотку, чтобы выбраться на поверхность. Даже крысе не хочется умирать, что уж говорить о людях. Сильнее прижимаю кастрюлю утюгом, Роман орет нечеловеческим голосом. Славик наблюдает, как из-под посуды льется кровь, а внутри его друга, под кожей, что-то начинает шевелиться.

— Смотри, папа, паук! — раскрывается маленькая ладошка.

— Почему паук? — я смотрю на камушек в виде капельки. Он смеется и убегает. То, что сейчас происходит вокруг меня, я не вижу, я сейчас мысленно совсем в другом месте, а не в этом аду, который я устроил. Кристина, моя любимая жена, стоит в дверях. Светлые волосы и голубые глаза. Она с улыбкой смотрит на меня. Я иду к ней. Она протягивает ко мне руки, и я тону в ее объятиях. Мне так этого не хватает.

— Прости меня!

Она гладит меня по голове, нежно целует.

— Видишь, во что я превратился?

Она отстраняет меня от себя, а я смотрю на нее, понимая, что это вовсе не моя жена. Красивая, словно ангел, девушка, но не моя Кристина.

— Ты все делаешь правильно, Луций! Правильно! Понимаешь?

Я в ужасе дергаюсь. Оказывается, я сижу на кровати, утюг валяется в стороне рядом с окровавленной кастрюлей. На теле несчастного красуется дырка величиной с кулак. Из открытой пасти мертвеца не спеша вылезает Хаус. Я одобрительно хмыкаю, искривляя лицо в безобразной и страшной улыбке. Что же, беги. Ты честно заслужил свою свободу. С остальными все просто. Вкалываю девчонке препарат: потом затащу ее в какой-нибудь подъезд и оставлю там. Этот злосчастный дом я спалю дотла, как и велел тот, кто дал им право на вседозволенность. Что касается Славика, то у меня на него большие планы. Очень большие.

Глава XXXIV

Первый вздох любви — это последний вздох мудрости.

А. Брет

10 апреля 2015 года. Два дня до Пасхи. 14 часов 19 минут.

Пименов сидел на переднем сиденье, Сашок расположился сзади. Сергей летел, как ненормальный, вцепившись в руль мертвой хваткой. Александр такой же хваткой держался за дверную ручку, стараясь не смотреть вперед. Сердце его билось где-то в районе горла. Всю его голову заполнили мысли о том, как бы быстрее добраться до места и вылезти из этой чертовой машины живым и невредимым. Сашок не понимал, что стряслось с его начальником: таким агрессивным он видел Сергея впервые за все время работы с ним. Один Стас сохранял невозмутимость — даже когда машина пролетала на красный и выскакивала на встречу. До дома, где жил Кирилл Комаров, было минут двадцать езды.

— Зараза! Мать твою! Смотри, куда едешь! — Сергей резко дернул руль влево, едва не задев пассажирскую «Газель», трогаящуюся от остановки.

Пименов с трудом удержал равновесие, но, как ни в чем не бывало, продолжил раскладывать документы у себя на коленях. Казалось, что у этого представителя СКР

отсутствуют не только страх и инстинкт самосохранения, но и вообще все человеческие чувства. Станислав в одной руке держал яблоко, другой перебирал бумаги.

Сергей свернул на второстепенную дорогу так резко, что машина ушла в небольшой занос. Сцепление пробуксовало, но тут же быстро схватило снова, когда он вновь нажал на педаль газа.

— Все же интересно получается, — Пименов почесал переносицу и похрустел пальцами. — Пропала, и не раскрыто. И эта пропала, и не раскрыто. Обнаружен изуродованный труп, дело закрыто. А тут дела о наркодилерах, притонах, и тоже ни одно из них не доведено до конца. А ты говоришь, он кремень был, — Станислав откусил яблоко и стал медленно его пережевывать. Затем неожиданно сложил все дела назад и закрыл папку. — Если бы я не знал тебя лично, и у моего начальства не было бы весомых оснований послать меня к вам в помощь, то у меня бы сложилось впечатление, что твой Санитар — просто великолепная выдумка продажного полицейского. А что? Почему бы просто-напросто не списать все на того, кого нельзя поймать?

— Черт бы тебя побрал! — автомобиль остановился, как вкопанный.

Александр ударился о водительское сиденье. Пименов всем телом подался вперед, уперся в ремень безопасности и отлетел назад на спинку кресла. Он снова откусил яблоко, затем открыл окно, выкинул огрызок, вытер руки и с вопросительным выражением на лице повернулся в сторону водителя. В салоне повисла тишина.

— Извини, я отвлекся. Тебе что, черная кошка дорогу перешла? Почему остановились? Так хорошо ехали.

— Да ничего, — Сергей достал сигарету, закурил, сквозь зубы втянул и выдохнул густой дым, после чего переключил скорость и нажал на газ. — Теоретически говоришь? Да?

— Именно.

Александр еле сглотнул пересохшим ртом слюну. Бледный от испуга, он теребил в руках небольшой черный пакет.

— Парни! Я не вполне понимаю, что происходит, но вы, по-моему, так увлеклись выяснением того, кто круче, что забыли обо мне. А меня, между прочим, уже на рвоту пробивает! Так что можно, блин, ехать помедленнее?

— А, Сань, ты здесь что ли?

— Представь себе! И на вот, держи!

— Что это? — забирая пакет из рук Александра, поинтересовался Стас.

— То, что просил! — Сашок скрестил руки на груди и принял обиженный вид. — Информация на Комарова и этого чертова хакера-священника, который на работе не появляется.

— Какого еще священника? — Пименов медленно повернулся назад. Его взгляд сделался настолько серьезным и строгим, что Александру вдруг стало не по себе.

— Так, это... Я так просто. Ты фотку этого Максимова видел? Ему если рясу нацепить, так один-в-один батюшка из прихода. Ей Богу. Сам посмотри — там, в мешке все лежит.

Станислав Владленович нетерпеливо открыл пакет и достал материалы, среди которых нашел фотографии Комарова и Максимова. Первого он отбросил сразу, второго долго рассматривал, потом улыбнулся и засунул бумаги обратно.

— Все они на одно лицо, — бросил он через плечо Сашку и отвернулся к боковому окну, грызя ноготь большого пальца.

— В каком смысле? — сбавил скорость Сергей.

— Хакеры. Волосатые и небритые — все на одно лицо.

— А-а-а-а, понятно, — машина резко затормозила у подъезда. — Приехали.

Станислав вышел первым и поежился, прижимая к себе рукой бумаги. За ним вылезли Сашок и Сергей.

— Третий подъезд, шестой этаж, — буркнул следователь и направился вперед.

Остальные послушно последовали за ним. До лестничной площадки шестого этажа все ехали на лифте молча. Перед дверью квартиры Александр, неловко помявшись, спросил:

— Ну что? Водопроводчиками представимся или из Горгаза?

— Три поросятами, — равнодушно парировал Пименов и постучал в дверь. После минутной паузы настойчиво повторил.

— Может, его дома нет?

— Может, и нет, — глянув на Сергея, ответил Пименов и аккуратно надавил на дверную ручку. Замок щелкнул, и стальная дверь легко подалась вперед. — А может, и есть, — он сделал шаг за порог квартиры, при этом кивком головы дал понять, чтобы остальные следовали за ним. Александр потянулся за пистолетом, но Сергей остановил его.

Однокомнатная квартира холостяка была на удивление хорошо прибрана. Ничего особенного, без лишних изысков, но все очень чисто и аккуратно.

— Эй! Есть кто живой?! Кирилл! Ты дома?!

— Сюда! Сюда идите! — внезапно заорал Александр и выскочил из ванной.

— Что случилось?!

— Он тут. Тут он, — по виду Сашка сразу стало все понятно. — Вон, в ванной лежит. Как кокон, мать его!

Сергей и Станислав одновременно втиснулись в маленькую комнатку. Сашок включил им свет.

— Ну, это черт знает что! Теоретически, говоришь, да?! То есть его не существует?! Придумали мы его?! Да?! — накинулся Сергей на Пименова, хватая его за шиворот.

— Руки убери. И не ори, не надо — голос сорвешь, — Станислав Владленович спокойно поправил одежду. — Красиво придумано, — наклоняясь над ванной и разглядывая тело, без особых эмоций заключил он.

Труп молодого человека был с ног до головы плотно замотан стретч-пленкой, отчего походил на мумию. Кто-то предусмотрительно налил в ванную небольшое количество холодной воды, чтобы предотвратить быстрое разложение. Пленка же должна была воспрепятствовать распространению запаха тлена. Так что, по всей видимости, если бы они не появились здесь сегодня, этого несчастного, наверное, нашли бы еще не скоро.

— М-да, — Стас наклонился над телом, пытаясь рассмотреть покойника. — Так-то похож. Но нужно будет, конечно, заключение медиков. Сашок, вызывай сюда группу. Еще понятых надо позвать и опросить, — он поцокал языком. — Значит, бедолага что-то знал. Крови не видно. По всей видимости, придушили или шею сломали. Но без вскрытия тут трудно о чем-то конкретном рассуждать.

Сергей достал сигарету, несколько раз постучал фильтром по пачке и закурил.

— Если бы ты, умник, меня послушал... Говорил же тебе: нужно было с них начинать, а ты по каким-то делам столетним полез. Может, там у вас в вашем петушатнике все давно гнидами стали, а у нас парни нормальные! Делом надо заниматься, Станислав Владленович! Делом, а не оборотней в погонах ловить! — он сделал глубокую затяжку.

— Это да. Делом нужно заниматься. Промахнулись мальчика. Не успели. Ладно! — он

хлопнул в ладоши и потер руки. — Сашок!

— Да?

— Что там у нас с кавалерией?

— Нормально, выезжают.

— Вот и ладненько. Короче, так. Раз уж я с этим оплошал... Серег!

— Чего?

— Твои предложения? Давай теперь ты командуй.

Сергей какое-то время постоял, задумавшись, потом сделал шаг навстречу.

— Мое предложение — нужно собрать все данные по этому Максиму. Что-то все на нем сходится. Сам посуди: на работе не появляется. Был знаком и с этим Тутанхамом, и с девицей. Заметь, оба мертвы. Думаю, нужно пробить его по базе, собрать на него все данные и двигать к нему. Сделать это нужно немедленно, так как если это он... — Самойлов затянулся и, выпуская дым, продолжил: — Короче, если это Санитар, он нас ждать не будет. Сам видишь: он впереди нас на один шаг. Нужно спешить.

— Толково мыслишь. Толково. Тут я с тобой полностью согласен, — Пименов повернулся в сторону Александра.

— Ну, естественно! Конечно, хозяин! Сашок все сделает! Дел-то у меня больше никаких нет! — парень с недовольным видом развел руки в стороны.

— Завтра с утра мне будут нужны все данные по этому Максиму Юрьевичу. И да, Серег, проследи, пожалуйста, чтобы со вскрытием не затягивали. Пускай все материалы тоже с утра будут у тебя на столе.

— Ну, тут уж извини — как пойдет! Сам понимаешь, резать его не я буду, а врач. Надеюсь, он у него окажется первым в списке.

— Уж постарайся, уладь там этот вопрос. Тем более ты же, по-моему, с Головиным давно знаком. Попроси его по старой дружбе, а?!

— Хорошо, постараюсь, — Сергей достал телефон и удалился на лестничную площадку.

Пименов наклонился еще раз над телом, долго смотрел на покойника, потом покачал головой и тихо произнес:

— Кирилл-Кирилл...

Глава XXXV

О вкусах не спорят.

Латинская поговорка

Молодой человек, гладко выбритый, с уложенными на бок волосами, сидел на своем рабочем месте. Он нервно барабанил пальцами по столешнице, периодически поглядывал на часы и большими глотками пил уже остывший кофе. Его взгляд то и дело устремлялся на соседний пустой стол. Он нервничал и явно кого-то ожидал.

— Ты когда отчет сдашь? У тебя все в порядке? Ты весь последний месяц сам не свой. Случилось чего? — участливо поинтересовался у него человек лет сорока в бежевом костюме.

— Да нет, все нормально. Легкое недомогание, а так все хорошо. Отчет? Так завтра. Завтра, Виталий Игоревич.

— Ну, ладно. Смотри, Кирилл, а то на меня начальство давит, сам понимаешь. Ты вроде всегда на хорошем счету был. Не знаю, какая кошка между тобой и боссом пробежала, но он явно на тебя зуб точит.

— Ага, хорошо. Я понял, — Кирилл снова посмотрел на часы, потом на пустое офисное кресло неподалеку.

— Ладно, если что, я тебя предупредил. Жизнь твоя, — Виталий Игоревич несколько раз хлопнул Кирилла по плечу и удалился.

Минут через десять входная дверь распахнулась, и в проеме появилась стройная девушка с распущенными черными волосами, в белой блузке и такого же цвета брюках. Когда она проходила мимо сотрудников офиса, те начинали шushукаться между собой, обсуждая эту особу. Кирилл же при виде ее привстал на месте, потом снова сел, стал теревить в руках ручку и нервно грызть колпачок, ожидая, когда она подойдет ближе.

— Здравствуй, — по-детски улыбаясь, Кирилл снова поднялся с кресла и сделал шаг вперед. Он почти не дышал, пока она проплывала мимо.

— Привет, — сухо бросила она, даже не удостоив его взглядом.

— Свет... — он было устремился за ней, но она обернулась и остановила его, издевательски подмигнув.

— Работай давай. Не отвлекайся.

Кирилл посмотрел вслед уходящей девушке и неловко сел обратно на свое место. За спиной у него послышалось ехидное хихиканье. Молодой человек нервно закусил авторучку и сжал ее зубами так, что та захрустела и лопнула. Кирилл вскочил с места и почти бегом кинулся за Светланой, по пути столкнулся с коллегой, за что получил в свой адрес жесткую ругань. Но он не обратил на это никакого внимания, проскользнул в закрывающуюся дверь и уже там, на лестничной площадке, поймал девушку за руку.

— Дурак что ли?! — она дернула рукой, вырываясь из его хватки.

— Света! Да что ты творишь?! — он прижал ее к стенке.

— Отпусти, больной придурок!

— Я думал... Я думал... — он смотрел в ее большие темные глаза.

— Чего ты думал?! Ну, поигрались с тобой. Было дело. Все! Понимаешь? Все!

— Ты же говорила... — он шипел, словно змей, сквозь зубы, все сильнее и сильнее стискивая ее руки в своих ладонях.

— Отпусти! Синяки оставишь!

— Что же, значит, правду про тебя говорят все?! Шалава ты! Неужели и с этим хмырем спишь?! Мало того, что, по слухам, ты нашего директора окрутила, так теперь еще и с этим богатеньким развлекаешься?! Смотри, мозоль трудовую не заработай!

Девушка ловко вывернулась и послышался звонкий шлепок, Кирилл ухватился за щеку, а Света, пользуясь моментом, проскользнула мимо него и быстро засемила по ступеням вверх.

— Ничтожество! — поправляя рукав блузки, выкрикнула она.

— Свет, стой! Света, прости! Ну, прости! — он кинулся за девушкой, но та обложила

его замысловатой матерной комбинацией, которая вкратце означала, что он не мужик, что он тут свое отработал и что она сделает все, чтобы его больше не видеть.

Она поднялась выше по ступеням, а он остался стоять столбом на месте, и только в этот момент оба заметили, что между этажами стоит их системный администратор Максим. Словно приведение, он безмолвно прилип к стене, прижимая к груди ноутбук.

— Здравствуйте, Светлана Васильевна, — как-то робко и неуверенно пробормотал Максимов. Она фыркнула на него, словно взбесившаяся кошка.

— Тебе побриться да подстричься не мешало бы! Весь язык счесала уже, говоря тебе это! У нас тут серьезная фирма, а не деревенский приход! Последний раз предупреждаю!

Кирилл все еще держался за щеку и смотрел, как девушка, цокая каблучками, скрывается из виду. Максим поежился, тяжело вздохнул и медленно спустился по лестнице, понутив голову, словно провинившийся ребенок.

— Привет, — подойдя ближе, Макс протянул руку Кириллу, и тот пожал ее. — Опять что ли не в настроении? — Комаров только повел плечами.

— Пойдем что ли чайку попьем.

— Давай, — Максим приветливо улыбнулся.

Бутыль в кулере булькала, поднимая вверх пузырьки воздуха, комната наполнялась лимонным ароматом.

— Ты там что, с самого начала стоял? — размешивая сахар в бокале, поинтересовался Кирилл.

— Угу, — отхлебнул кипяток Максим. — Чай вкусный, с лимоном.

— Значит, все видел и слышал?

— Чай вкусный. Правда?

— Макс?!

— Что?

— Ты тоже думаешь, что я идиот? Да?

— Я не судья, чтобы судить, кто ты есть. И уж тем более не пастор, чтобы лезть тебе в душу. Ты взрослый мальчик, и это твоя жизнь. Если хочешь знать мое мнение... — он сделал глоток и посмотрел на своего собеседника.

— Хочу.

— Я бы не стремился иметь такую жену, как она.

— Ничего ты в этом не понимаешь! Да у тебя вообще хоть баба-то была?! Настоящая, красивая, а не из Интернета твоего?! — он поставил бокал на стол и, потрепав себя по волосам, вышел из столовой, задев плечом коллегу. — Да что ты вообще знаешь?! Господи, лучше бы я умер! Лучше бы я ее не встречал никогда! Да пропади оно все пропадом! — продолжал он уже из глубины коридора.

Максим медленно подошел к окну и посмотрел на улицу, помешивая ложечкой чай. Он прекрасно помнил тот день, когда Света, а теперь уже Светлана Васильевна, впервые появилась у них в офисе. Скромная, почти неприметная девушка. Он так и не смог понять, чем же она так прельщала мужчин. Да, она была не в его вкусе, и его удивляло, почему все не видят в ней то, что видит он. Хотя разве о вкусах спорят? Он сделал большой глоток и прикрыл глаза. Не так давно он стоял здесь с ней, а она щебетала о том, какая она прекрасная хозяйка и что в ее жизни просто нет счастья. Тогда из ее уст это звучало более чем убедительно. Несчастливая бедная овечка, которую хочется пожалеть и приласкать, дабы утешить бедняжку. На самом же деле это был матерый волк в овечьей шкуре. Паразит

величиной с человеческий рост. Она знала себе цену и умела продать себя подороже, решительно отправляя в отставку поиздержавшихся ухажеров, когда на горизонте появлялся кто-то более кредитоспособный. Так случилось и с Кириллом. В свое время он был лучшим работником и имел вес в организации. Светлана начала свое восхождение по карьерной лестнице именно с него. Сожрала парня с потрохами, переварила и выплюнула обратно бесформенную и бесхарактерную оболочку, только внешне похожую на мужчину. Она не брезговала любыми методами, лишь бы добраться до тех, кто будет ее финансировать. Эта девушка любила деньги гораздо больше, чем что-либо еще в жизни. Требовательная bestия никогда не останавливалась на достигнутом. Выжав из воздуха все ресурсы до последней капли, она принималась за новую жертву. Притом большинство этих жертв осознавали обман и грозящую им опасность только в самый последний момент, а некоторые так и оставались в неведении. О, сколько же их было на пути этой хищницы!

Максим открыл глаза и снова отхлебнул чай. Он заметил, что невольно загибал на левой руке пальцы, и улыбнулся. Да, много. Их было много. Что же, возможно, тем, кто попадает на ее удочку, так и надо? У нас свободная страна: хочешь быть идиотом — будь им. Уж в чем-чем, а в этом тебе никто мешать не будет. Хотя... Максим подошел к столу и поставил свой бокал на место. Он почесал бороду, задумчиво прикрыл веки, затем щелкнул пальцами и взял со стола ноутбук.

— Нужно будет все исправить, — произнес он вслух, имея в виду сломанный компьютер, а может быть, и что-то еще.

Глава XXXVI

*Дьявол тоже верит в Бога, как и многие из людей,
но он ничего не делает, чтобы приблизиться к нему.*

Я тоже не хочу к нему приближаться.

Что же, возможно, я Дьявол?

Максимов Максим Юрьевич

Господи, как же это все надоело! Условная жизнь — словно в компьютерной игре. Ты вроде бы есть, но тебя вроде бы и нет. Мертвец в живой оболочке. Сегодня, по-моему, среда. Или нет, четверг. А, в принципе, какая разница? Однотипные серые дни давно уже слились в один сплошной кошмар, заставляющий тебя быть кем-то, но только не собой. Полная апатия и отсутствие интереса ко всему. Нет страха, нет чувств, нет души — внутри какая-то бездонная пропасть. Вы даже не представляете себе, что такое не иметь этого всего! Но самое страшное — перестать бояться. Смерть для меня стала чем-то обыденным, чем-то простым, я деградировал до уровня животных, откатился назад по пищевой цепочке. Нет мыслей, нет сожалений — есть только цель. А что будет, когда я достигну ее? И впрямь как животное. Некоторые, завершив свой жизненный цикл, свое предназначение, просто

умирают. Природа сама разобралась с этой проблемой. Думаю, нужно поступить с собой так же. Зачем жить, если жить больше незачем?

Я стряхиваю снег с гранитной плиты, на которой изображена моя семья, руку сводит от холода, я невольно сжимаю ее в кулак. Меня начинает знобить то ли от мороза, то ли от нервов. Присаживаюсь на корточки, дышу теплым воздухом на озябшие руки, растираю ладони. Кристина и мой первенец, мой наследник, смотрят с холодной плиты на меня, словно живые, улыбаются. Мой наследник. Достаяю сигарету, чиркаю зажигалкой и втягиваю в себя густой горький дым, обжигающий легкие. Стая воронья кружит над кладбищем. Они всегда такие мест: тут есть чем поживиться, поскольку в нашей традиции оставлять мертвым конфеты и пряники. Можно подумать, это будет есть кто-то еще, кроме птиц и муравьев. Из многоголосой каркающей стаи отделяется большое темное пятно. Огромный ворон плюхается жирным телом на ограду, смотрит на меня блестящими черными глазами.

— Кыш! Убирайся! — машу на него рукой. Он расправляет свои крылья в стороны. На секунду мне кажется, что он затмевает ими весь белый свет. — Кыш! Кыш! Глупая птица! Здесь ничего нет для тебя.

— Кар! Кар! Кар-р-р! — птица важно шагает по оградке в сторону надгробия. — Кар-р-р! — снова отчетливо каркает ворон и, прыгнув вперед, усаживается на памятник.

Я медленно поднимаюсь, смотрю, как ворон пристально вглядывается в мои глаза. Снова галлюцинации. Ты снова хочешь видеть то, чего нет, Максим. Это всего лишь птица. Большая черная птица, которая почему-то не боится человека. Медленно протягиваю к нему руку, он важно смотрит и даже не думает улетать. Вижу, как подрагивают его черные глаза, в которых я отражаюсь, словно в зеркале. Мне кажется, он улыбается. Но разве птицы могут улыбаться? Внезапно правую руку пронзает острая боль: сигарета дотлела до фильтра и обожгла мне пальцы.

— Кар! — кричит ворон и тяжело поднимается в воздух, пролетая в нескольких сантиметрах над моей головой. — Кар! — значит, все же птица. Значит, все же показалось.

Мороз крепчает, и я пытаюсь спрятаться в собственном теле, по-черепашьи вжимая голову в плечи. На улыбающемся, вечно молодом лице моей жены застыла капелька растаявшей воды. Наверное, она появилась в тот момент, когда я смахивал с портрета снег. Льдинка, словно слезинка, поблескивает на ее щеке. Снова знак или совпадение? А может, я попросту ищу в обычном необычное, наделяя простые вещи сверхъестественным смыслом? Моя семья, наверное, сейчас в раю. Хотя почему «наверное»? Естественно, они в раю, или иначе Богу придется ответить мне за это! Иначе я выберусь из самой Преисподней и навешаю Господу таких затрепанных, от которых распятие на кресте покажется ему детскими покатушками на карусели! Нащупываю в кармане свернутый листок бумаги, который Петр оставил для меня. Как всегда, послание с многозначительным текстом из серии «догадайся сам». Интересно, а он сам-то знает, чего хочет от меня, да и от себя тоже? Как только я вышел на финишную прямую, он, словно крыса, все бросил и спрятался! Оставил то, что строил. Оставил людей, которые приходили к нему. Оставил меня! Почему? И к чему эти записочки? Разворачиваю бумагу, с недовольством прочитываю текст еще раз. «Смерть — всего лишь начало новой жизни». Что за бред?! Мну бумагу в ладони и убираю в задний карман джинсов.

Ближе к вечеру заваливаюсь зачем-то в кабак. Всегда старался избегать таких мест, а тут словно черт дернул и затащил меня сюда. Сажу в самом дальнем углу, гремит музыка, туда-сюда шныряют официанты. В полуподвальном помещении под потолком сизым

облаком висит густой табачный дым. Вращаю в руке стакан виски со льдом, смотрю, как спиртное скатывается по его неровным граням. Этот стакан не первый и не последний за сегодняшний вечер. Делаю большой глоток и громко ставлю его на стол, щелкаю пальцами проходящей мимо официантке, указываю на пустую посуду. Она кивает головой и приносит мне еще.

В таком месте всегда находится шайка отморозков, которая после принятого на грудь пытается доказать всем, что они круче всего мира. Сегодня мне на это плевать. Хочется просто набраться и уснуть, желательно, в собственной постели, а не в каком-нибудь подъезде, как это частенько бывает. Делаю еще глоток и откидываюсь назад, натягиваю капюшон на голову, скрещиваю на груди руки и прикрываю глаза. Полумрак скрывает меня от лишних глаз, я немного ерзаю, пока не нахожу для своего тела удобное положение. Громкая музыка, брань, суета и звон посуды — идеальная колыбельная.

— Я боюсь.

— Чего? — откладывая книгу в сторону и поднимаюсь с кресла.

— Боюсь потерять тебя. Что я тогда буду делать с двумя детьми? — Кристина смотрит на меня своими большими, красивыми глазами, ее взгляд серьезен и не на шутку испуган.

— Не говори ерунды. Что может со мной произойти? Я тут и ты тут. Сын в садике. Все самое страшное с нами уже случилось, — я обнимаю жену и прижимаю к себе, целую в макушку. Ничего не бойся. Мы вместе. Все у нас будет хорошо. Вместе состаримся, станем дедушкой и бабушкой, проживем долгую-долгую жизнь. Еще и внуков понянчим.

— Ты обещаешь? — она улыбается и прижимает мою руку к своим губам.

— Обещаю. Конечно же, обещаю.

Вдруг все вокруг рушится, словно картонный домик, осколки былой жизни кружатся и разносятся в разные стороны ветром. И вот я иду по зеленой поляне, на которой играет мой сын и еще какой-то мальчуган, чуть дальше сидит парочка на расстеленном покрывале. Они улыбаются.

— Никита, — звучит чей-то голос, который пронзает пространство вокруг.

Мальчишка срывается с места, мчится вперед. Мой сын остается стоять на месте. Человек в кожаном плаще и с тростью в руке опускается перед Никитой на корточки. Прикладываю ко лбу руку, чтобы яркое солнце не било в глаза, пытаюсь разглядеть незнакомца, но тщетно. Всего лишь вижу его очертания.

— Чего ты хочешь, Никита?

— Шоколадку.

— Шоколадку? Всего лишь шоколадку... — незнакомец поднимается и поворачивается ко мне. Я чувствую на себе его взгляд, ощущаю его всем телом. Становится тяжело дышать, в горле возникает отвратительный привкус тухлых яиц. — А чего хочешь ты, Максим?

— Эй! Эй, ты! Чепушила! Курить есть?!

От удара по ногам я вздрагиваю и открываю глаза. Передо мной стоит парень, изрядно выпивший. Он стучит своей ногой по моему ботинку.

— Курить есть?!

— Да отстань ты от него, — подходит второй и пытается уговорить друга.

Я медленно беру стакан со стола и, покрутив его в руке, делаю глоток, второй, третий. Снова подзываю официантку и прошу принести еще виски. Стоящие рядом парни молча наблюдают за мной. Когда мне приносят очередную дозу спиртного, поднимаю стакан вверх и какое-то время смотрю на того, кто ко мне обратился.

— Твое здоровье, — произношу я, опрокидываю содержимое стакана себе в желудок, складываю руки на груди и, снова поерзав, закрываю глаза.

— Ты совсем охренел?! — он кидается вперед и хватает меня за шиворот, тащит к себе. Я вскакиваю, резко бью его по рукам и отпихиваю в сторону. Подбегают два охранника. Со стороны крутыша также подтягиваются двое.

— А ну, давайте, расходитесь!

— Я тебе, сука, ноги переломаю! Понял?! Ты меня понял, тварь?!

— Давай, давай! Садись на свое место! Вы сюда отдыхать пришли? Так отдыхайте! И ты садись и успокойся, — кивает мне один из охранников. Я тихо возвращаюсь на свое место.

— Пошли, Колян! Не кипятись! Потом разберемся!

— Ты меня слышал! — Колян кривит рожу и проводит большим пальцем по горлу.

Я будто снова оказываюсь в суде. Палец Елизаветы делает тот же жест. Ее родственники ликуют, адвокат одобрительно хлопает подзащитную по плечу. Голова идет кругом, в горле застревает ком.

— Еще! — выкрикиваю я, и мне приносят очередной стакан. Минут через пять все утихает, и я остаюсь один на один с зеленым змием. Спиртное расслабляет, я перестаю думать о том, что было, что есть и что будет. Мне плевать на все, что произошло, я всего лишь хочу посидеть и не беспокоиться ни о чем. Медленно кручу стакан со светло-коричневой жидкостью. Дно ерзает по столу, издает ритмичный шум.

— Привет, — слышу я приятный женский голос. Кто-то садится за мой столик, ставит бутылку на стол. — Решил поднабраться? — женская рука доликает мне в стакан виски.

— Спасибо, конечно, но мне собутыльники не нужны. Так что поищи себе лучше другой столик, — отвечаю, даже не глядя на ту, что подсела ко мне. Медленно потягиваю спиртное.

— А я думала, компания тебе не помешает.

— Ты ошибалась.

Подбегает официант. Видимо, девушка подозвала его.

— Принеси, друг милейший, салатик и мясо с гарниром. Да, — она делает паузу. — Мясо с кровью, пожалуйста.

— Сейчас все сделаю, — записав в блокнот пожелания, парнишка убегает на кухню.

Я пребываю какое-то время в ступоре. Затем, наконец, поднимаю голову и смотрю на собеседницу. Девушка с коротко стриженными белоснежными волосами. Голубые глаза и аккуратные черты лица. На ней короткая черная кожаная куртка, застегнутая до самого верха, и кроваво-красный шарф, накинутый петлей на тонкую шею.

— Я не просил ничего! Убирайся, — снова делаю глоток.

— Вообще-то я заказала это себе, — она протягивает мне руку. — Меня зовут Татьяна.

— Да хоть святая Мария! Это мой столик, и я не хочу, чтобы тут кто-то сидел со мной!

— У тебя много свободного места, тем более ты вроде нормальный парень, — она ангельски улыбается.

— Ты садишься к незнакомому человеку, приносишь выпить, заказываешь еду, говоришь, как тебя зовут, и при этом понятия не имеешь, с кем вообще общаешься.

— Ну, на маньяка или убийцу ты точно не похож.

Приходит официант и расставляет заказ на столе. Она достает кошелек с вышитой на нем золотой змеей и протягивает ему деньги.

— Благодарю. Сдачи не нужно.

— Большое спасибо! — радостно восклицает работник кабака и быстро удаляется.

Татьяна ловко отрезает ножом кусок слабо прожаренного мяса, придерживая его вилкой. — А тебя как зовут? — поднимая взгляд на меня, спрашивает она.

— Счастливо оставаться, — беру бутылку со стола и удаляюсь. — Кстати, за пойло спасибо! — кричу ей не оборачиваясь.

— Обращайся, если что! Только вот всегда знай, что и у кого просишь!

Не спеша выбираюсь на поверхность. Холодный, свежий воздух наполняет легкие. Достая из кармана сигарету и, погоняв ее в зубах, прикуриваю. Делаю затяжку, делаю жадный глоток из бутылки и отправляюсь домой. Минут через пять замечаю позади троих парней. Они идут чуть поодаль. Видит Бог, я никому и никогда не хотел зла. Зло само всегда хотело меня. Что же, может, мои страдания закончатся, и они сделают со мной то, что не захотел сделать Господь, когда я попал в аварию? А что, неплохой вариант развития событий. Пожалуй, так будет лучше для всех. Сворачиваю в переулок, они идут следом. Ухожу все дальше и дальше туда, где не должно быть людей. Слышу их шаги совсем рядом, слышу их насмешки. Они явно считают, что им повезло: тут им никто не помешает. Остановившись, делаю еще два глотка из бутылки, изрядно задрав голову. Когда мой взгляд опускается, вижу перед собой Колю. Он злобно улыбается, я жму плечами и улыбаюсь в ответ.

— Чего? На лучше выпей, — протягиваю ему виски. Он бьет по руке, и бутылка отлетает в сторону, застревая в снегу.

— Я же предупредил тебя, выродок!

Толчок в грудь. Так всегда происходит, когда подонков больше и они уверены в своих силах. Они начинают играть со своей жертвой, чувствуя безнаказанность. Не думайте, что, если вы будете унижаться и просить пощады, они смилуются — напротив, это их разозлит еще больше.

— Я бы не советовал вам этого делать, парни. Давайте разойдемся миром.

Развожу руки и поворачиваюсь вокруг себя, чтобы посмотреть на тех, кто не ведает, что творит. Как только я завершаю полный оборот и пересекаюсь взглядом с Николаем, тот с размаха бьет мне в лицо. Мое тело пошатывается, я чувствую боль, чувствую, как кровь льется по щеке. Наверное, разбита бровь. Вытягиваю руку вперед, а сам отшатываюсь назад, упираюсь в чье-то тело, которое отталкивает меня от себя.

— Постой! Постой! погоди! — стараюсь перевести дух и немного собраться.

— Сука! Ты у меня собственное дерьмо жрать будешь! — меня бьют ногой в живот. Согнувшись, падаю на снег.

— Вставай! Вставай! — теперь орут уже все хором и так же слаженно отвешивают мне удары.

Боли нет. А может, она просто слишком слаба по сравнению с той, что я пережил. Чувствую только ярость, которая все сильнее закипает внутри меня.

— Долго собираешься лежать и унижаться? — открываю глаза, передо мной то ли рыцарь, то ли воин в черных доспехах. Люди пинают меня, а он стоит в стороне и смотрит на это. — Выпусти меня! Не сдерживай то, чем ты являешься! Зло можно победить лишь злом! Ты уж поверь мне!

— Вставай! А ну поднимайся, тварь!

Никогда не понимал, зачем лишние эмоции при избиении. Я кое-как встаю, по лицу течет кровь, сильно болит голова. Никого вокруг нет, кроме тех, кто пытается доказать мне что-то своими кулаками. А я болен, мне нельзя ничего доказать. Я болен смертью, и это

неизлечимо. Смотрю на парня, которого называют Николаем. Не повезло бедолаге, что уж тут говорить. Он подходит ко мне и хватает за шиворот.

— Что, мразота?! Хорошо тебе?!

Подаюсь вперед, впиваясь зубами в его плоть. Горячая, будто расплавленный свинец, кровь наполняет мой рот. Резко сжимаю челюсть и дергаю шей в сторону, вырывая из парня кусок плоти. На его лице ужас, широко открытые глаза бессмысленно смотрят на меня. Он обхватывает рану руками, кровь течет по его пальцам, он пятится назад, повисает тишина.

— Колян, че с тобой?! Колян!!

Колян разворачивается и неуверенной походкой идет куда-то вперед, издавая хрипящие звуки и оставляя на снегу тоненькую красную линию, затем заваливается на бок и замирает. Поворачиваюсь к остальным, пережевывая бифштекс из человеческой плоти.

— Эй, чувак, ты чего?

А я не чувак, я зверь. Я такой же, как и они, только жажды справедливости у меня больше. Я не хотел крови, я никогда не хочу крови. Ее хотят они, привыкшие к тому, что все сходит им с рук. Быстро наклоняюсь и достаю из снега бутылку спиртного. Еще шаг, еще секунда и она раскалывается о голову второго парня. Он падает. Ботинок поднимается и резко опускается ему на горло, ломая кадык. Последний пытается убежать. Догоняю его у мусорных баков, сбиваю с ног. Это уже не я, это зверь, тот самый человек в доспехах, а я стою чуть поодаль, наблюдая за всем этим ужасом со стороны. Розочка от разбитой бутылки методично поднимается и опускается, из темноты доносятся чавкающие звуки, словно кто-то отбивает мясо на кухне. Вскоре из темноты выходит черный воин, забрызганный кровью. Он улыбается, ему не страшно убивать. А мне? Мне все равно, я умер давно, и что мне до тех, кто пытался сотворить зло? Он подходит ближе. Черные доспехи отделаны золотом, на лице шрамы. Смотрит на меня исподлобья, берет мою руку и вкладывает мне в ладонь окровавленный кусок стекла.

— Не меч, конечно, но все же, — смеется он и хлопает меня по плечу. — Прибраться нужно, наследили сильно.

А я и сам знаю, что нужно все убрать. Господи, почему ты все еще позволяешь мне жить?! За что? Этот зверь становится все сильнее и сильнее, и я четко понимаю, что не могу больше контролировать его. Нужно быстрее заканчивать с этим. Достаю из кармана мятый кусок бумаги. «Смерть — всего лишь начало новой жизни». Я точно болен. Болен! Я всего лишь хотел отомстить за свою семью. Всего лишь.

— Ты поможешь или как? — слышу командный голос моего ночного кошмара.

Может, мне все это только мерещится, но, греха таить не буду, мне этих парней не жалко. Убираю клочок бумаги и иду на помощь к зверю.

Глава XXXVII

10 апреля 2015 года. Два дня до Пасхи. 18 часов 22 минуты.

Дмитрий Геннадьевич Головин не спеша подошел к раковине, стянул окровавленные латексные перчатки и швырнул их в мусорное ведро с надписью: «Отходы категории Б». Он выгнул спину до хруста в позвоночнике и начал мыть руки.

— Жмурика нужно освежевать!

Головин, как ни в чем не бывало, продолжил процедуру. Он встряхнул руками и, закрыв кран, вытер их насухо о рядом висящее полотенце, подошел к своему столу, включил настольную лампу, раскрыл журнал и, взглянув на часы, начал что-то записывать.

— Знаешь, Сергей, меньше всего я хотел бы сейчас увидеть тебя, — не отрываясь от своего дела, произнес патологоанатом.

— Знаешь, а я бы и не пришел, если бы не этот петушара из СКР! Тебе полчаса назад доставили тело.

— И что? — Дмитрий поднял голову и увидел, как из дверного проема к нему вышел Самойлов.

— Нужно, чтобы ты его по-быстрому оприходовал. И вот, — он положил на стол свернутый листок бумаги.

— Что это?

— Диагноз, — злобно усмехнулся Сергей. — И не задерживай с этим, не хочу расстраивать нашего высокопоставленного гостя, — он закурил сигарету и уже развернулся, чтобы уйти.

— А если я не согласен?

Сергей остановился. Густой дым поднялся вверх. Он жадно затянулся еще раз.

— М-да. Я, так понимаю, ты хочешь лишиться и сына, Дмитрий? Думаю, Шрек тебя не поймет, — он многозначительно покачал головой. — Дочери тебе было мало?! Ты думал, ее и вправду будет кто-то искать? Смотри, тебя держат лишь для одного. Помни об этом. Помни, что у тебя есть семья. Не стоит ссать против ветра, хорошего из этого ничего не выйдет. Ты же знаешь, что систему сломать нельзя. Невозможно, — Самойлов сделал глубокую затяжку. — А я и есть система, — он выдохнул дым. — Так что делай то, что тебе говорят.

— Думаешь, ты сможешь обвести его вокруг пальца?

— Нет, не я. Ты — ты его убедишь. Точнее сказать, твой отчет о вскрытии. Ты же знаешь, что Санитар — безжалостный маньяк. Кстати, мы его скоро поймаем. Ты рад?

Доктор посмотрел на Сергея так напряженно, что на его лбу выступили маленькие капельки пота. Он потерял в руках листок бумаги, словно смертный приговор.

— Рад... — многозначительно выдавил он из себя и развернул листок.

— Вот и прекрасно. К утру все должно быть готово. Так же, как и с той потаскухой. Надоел мне этот... — он дернул шей, бросил окурок на пол, втоптал его в кафель и, погрозив доктору пальцем, ушел.

Дмитрий Геннадьевич какое-то время сидел неподвижно, словно каменная статуя. Потом хмыкнул себе под нос, достал из кармана халата телефон и несколько раз постучал им по столу, о чем-то думая.

— Хорошо... Хорошо! Как скажешь! — он спрятал мобильник обратно, взял с полки перчатки и, натянув их на руки, удалился в соседнюю комнату.

Поднялся сильный ветер, когда Сергей вышел на свежий воздух. Стало как-то зябко и даже немного промозгло, хотя еще полчаса назад стояла тихая погода. Откашлявшись, он сплюнул в сторону, достал из пачки сигарету, засунул ее в рот, на мгновение о чем-то задумался, затем чиркнул зажигалкой, но огонек сдуло ветром. Пожевав фильтр, он отвернулся и повторил попытку, заслонив руками огонь. Наконец, пламя жадно вцепилось в сигарету. Самойлов с облегчением втянул в себя табачный дым. Он курил в долгий затяг, глубоко погружаясь в свои мысли. Не спеша он направился к остановке. Около десяти минут стоял там, рассматривая проезжающие мимо маршрутки и автобусы, наблюдал за толпившимся народом, который направлялся домой с работы. Потом он поднял руку, взглянул на часы, вытащил из кармана и надел кожаные перчатки. Еще некоторое время стоял и наблюдал, потом развернулся, пошел вдоль дороги и, дойдя до глухую тонированного черного джипа Toyota Land Cruiser 200, быстро нырнул в салон. Удобно расположившись в кресле водителя, он глубоко вздохнул, похрустел пальцами на руках и прикрыл глаза. Однако его блаженство прервал телефонный звонок. На дисплее загорелось до боли знакомое и такое ненавистное слово «Жена». Разговаривать с ней для него стало подобно общению с гуманоидом на марсианском языке. Что бы ты ему ни объяснял, он не поймет ровным счетом ничего, равно как и ты. Оставалось только не брать трубку. Звонок настойчиво продолжал трепать нервы, и Сергей со злостью закинул телефон в бардачок. Он снял куртку и натянул на себя толстовку, лежавшую на пассажирском сидении. Затем передел кроссовки, поменяв их на стоптанные ботинки. На секунду поймав собственный взгляд в зеркале заднего вида, Самойлов ухмыльнулся сам себе и накинул на голову капюшон. Салон автомобиля наполнился мелодичной музыкой, и Сергей вытащил из подлокотника дорогой смартфон, на котором высвечивалась фотография Насти.

— К тебе сегодня я не поеду тоже, — с улыбкой произнес он и отключил аппарат.

Машина медленно тронулась от обочины, шурша шинами по асфальту, потом резко набрала скорость и скрылась за поворотом.

Яркие огни неоновых ламп дискотеки, около входа толпится народ. Люди входят и выходят. Пятница. День, когда можно расслабиться и погудеть, не думая об утренних последствиях, так как больной организм может спокойно отвалиться в постели, потребляя литры рассола или молока, а возможно, и пива или еще чего покрепче. Черный внедорожник стоял, припарковавшись, неподалеку от центрального входа. Из приоткрытого окна тянулся вверх сигаретный дымок. Около полуночи из клуба вышла девушка и, застегнув курточку, направилась к дороге. Проходя мимо дорогой машины, она остановилась на звук опускающегося стекла.

— Привет. Послушай, ты не подскажешь, до которого часа работает это заведение?

— Понятия не имею. А что? — она пожала плечами.

— Да так. Стою, жду приятеля, а он, наверное, со своей девушкой забыл про меня. Уже битый час тут торчу один, а телефон как нарочно дома оставил. Вот незадача.

— Могу свой дать позвонить, — девушка мило улыбнулась.

— Было бы здорово! Спасибо большое, — водитель взял трубку и набрал номер. По разговору было ясно, что его оставили одного и он этим очень расстроен.

— Ну надо же... Повеселился, называется, — закончив разговор, он недовольно протянул мобильник обратно.

— Ничего, бывает.

— Ой! Слушай, чего это я?! Ты же домой едешь? Или как?

— Ну да.

— Давай подвезу. Садись. Хоть как-то смогу отблагодарить за звонок. А то время позднее уже. Наверное, все равно такси хотела вызывать. Садись, садись, не бойся.

Девушка, особо не теряясь, запрыгнула в автомобиль.

— Классная у тебя тачка! — с восторгом произнесла она. — Меня Даша зовут. А тебя?

Мужчина улыбнулся и накинул на себя капюшон, автомобиль тронулся с места.

Глава XXXVIII

У всякого безумия есть своя логика.

У. Шекспир

Одиночество сводит с ума. К вечеру становится еще хуже. Я держу фотоальбом со своей семьей далеко в шкафу, чтобы не сорваться снова. Приступы гнева стали чересчур частыми, а этот откуда ни возьмись появившийся в моей жизни солдафон Римской эпохи сводит меня с ума. Хотя лишиться рассудка дважды, пожалуй, все-таки нельзя — невозможно. Я занавешиваю окна, закрываю зеркала. Он всегда приходит оттуда, где есть отражение. Я уже не понимаю, кого во мне больше: меня или его? Такое ощущение, что он поглощает меня, питаюсь моим гневом. Он и есть тот зверь, который все это время жил во мне. Забываюсь в угол, вслушиваюсь в тишину. Петр, Петр, где же ты, когда ты так нужен?!

— Думаешь, ты безумен?! — слышу четкий и спокойный голос.

Лампочка на люстре мерцает и с хлопком разлетается на мелкие части. Зажимаю в кулаке кулончик — подарок сына.

— Паук! Да, сын, я знаю, — тихо произношу сам себе и прикрываю глаза.

Господь меня вряд ли слышит. Но, если честно, мне плевать на это. Я устал. Устал от того, что не понимаю, от того, что я творю, и от того, что происходит вокруг меня. А самое главное, я устал от этой жуткой головной боли, которая все чаще посещает меня и все изощреннее мучает.

— Знаешь, первым признаком сумасшествия является отсутствие контроля над эмоциями. Ты же, напротив, очень хорошо научился их сдерживать. Так что к тебе это не относится. Правда, в твоем сознании перемешаны внешний и внутренний миры, а восприятие реальности нарушено. Вот как ты думаешь, я существую?

Открываю глаза и поднимаю взгляд. Солдат сидит на стуле, понурив голову, и, уперев меч в пол, вращает острие так, что с каждым поворотом оно неприятно скрипит и все глубже впивается в ламинат.

— Так как, я существую? — равнодушно и как-то совсем тихо спрашивает он, не обращая на меня никакого внимания. Затем поднимает голову и некоторое время разглядывает меня, словно я насекомое или чудной зверек. — Он не оставит тебя в покое, пока не подчинит себе. Ему нужны такие, как ты, как я. Хотя, если подумать, то я — это и

есть ты. Все начинается с благой идеи. Ты думаешь, что поступаешь правильно: в этом и есть вся его хитрость. Знаешь, скольких я убил за свою жизнь?

— Я безумен, — произношу я и снова закрываю глаза. — Нужно покончить с этим.

— Не смей самого себя! Этот мир без таких, как мы, будет скучным. Сам посуди: никакого разнообразия. Ты ведь так хочешь остановить Санитара, не так ли? Но разве, убив себя, ты его остановишь? Запомни, Максим: у Бога должен быть свой дьявол, чтобы бороться с тем, на что Господь сам закрывает глаза. И сейчас этот дьявол — ты.

— Это все гипоксия. Сейчас все пройдет. Пройдет...

Открываю глаза. Все тихо. По телу бегут мурашки, кулончик впился в ладонь так сильно, что впору его выковыривать из кожи. Я сижу на полу в одиночестве в темной комнате, и никого, кроме меня, тут больше нет. Петр, Петр. Где ты, когда ты так нужен?

Поднимаюсь и подхожу к столу. Около него стоит стул, на котором сидел плод моей большой фантазии. Достая сигарету и закуриваю, опускаюсь на корточки, вожу зажигалкой, освещая пол. Наверное, сейчас моя физиономия выглядит пугающе. Провожу рукой по напольному покрытию и замираю в том месте, где осталась глубокая канавка от острия клинка. А может она тут и была? Нет, я точно сошел с ума. Точно. Мне нужен свежий воздух. Выскакиваю на улицу и втягиваю в легкие прохладу ночи. Мощеная дорожка будто окружена озером — так интересно смотрится крашеная в голубой цвет мраморная крошка. Калитка хлопает от ветра. Наверное, я забыл ее закрыть, приходится это исправить. Возвращаюсь в дом, слышу еле различимые крики из погреба. Славик, видимо, снова очнулся и опять принялся орать, взывая к милосердию. Что же, придется его разочаровать. Проходя мимо кухни, мельком останавливаю свой взгляд на люстре, на секунду представив себе, как бы я смотрелся, болтаясь вместо нее посреди комнаты. Эта идея мне понравилась. Но пока рано. Пока я беру полотенце и заранее подготовленную канистру с водой. Спускаюсь вниз по лестнице, крики становятся четче и громче. Включаю свет, и мой пленник в ужасе кидается в сторону, словно затравленный зверь. Хотя почему «словно»? Он и есть затравленный зверь, и в его случае о смерти можно только мечтать. Его руки связаны за спиной, а на шею надет ошейник. Такой выродок, как он, должен сидеть на цепи. Он должен страдать точно так же, как страдали те, кого он мучил. Его вид жалок, он уже не похож на того парня, которого я увидел в первый раз, за которым я следил столько времени. Все куда-то испарилось: и спесь, и хамство, и самолюбование, и чувство безнаказанности. Вот и сейчас он видит меня с полотенцем и водой и понимает одно, что ничего хорошего из этого не выйдет. Опять начинается нытье про «не нужно» и «не надо», слезы и мольбы о пощаде. Подхожу к магнитофону и делаю музыку погромче. Включаю видеокамеру. Его родители должны будут получать регулярные посылки от меня после того, как я покончу со своим зверем. То, что я творю, омерзительно, и я это понимаю. Но не омерзительнее того, что творят такие, как Славик и его предки, как те, кого я убиваю... Разница между нами в том, что для них это привычный образ жизни, они не считают свои поступки предосудительными. Что же, должны и они почувствовать все на своей шкуре. Иначе для чего Бог оставил меня в живых? От последней мысли я впадаю в ступор. А ведь мой зверь был прав: Богу и впрямь нужен дьявол. Делаю музыку еще громче.

Люди бесятся с водки, люди бесятся с жиру,

Люди думают вечно одно.

Люди тычут в спину, их пальцы горят,

А в ботинки стекает дерьмо.

Да только мне плевать, ведь это их дерьмо,
Это их проблема, а мне все равно.
И, задравши хвост, я лечу за тобой.
Я ужасно тупой, очень тупой.

Но я могу найти то, что смог потерять.
Мне не нужно крыльев, чтобы летать.
Хорошая крыша летает сама
И в самый низ, и в самые верха.

Славик дергается. Его тело прижато к земле табуреткой, на которой сижу я, его лицо закрыто полотенцем, я медленно лью на него воду. Тут главное не переборщить, вовремя остановиться. Желание угробить подонка слишком сильно, да и перебороть зверя мне становится все сложнее. Славик бьется в конвульсиях, так как его мозг думает, что он тонет и умирает. Спазмы выворачивают тело в безобразных позах, и мне приходится на секунду остановиться. Когда он замирает, я откачиваю его. И так несколько раз. Думаю, на сегодня хватит. Самому уже тошно от происходящего, да и для его мамы пока будет достаточно и этого. Ее ждет долгий сериал с сыночком в главной роли. Перед тем как исчезнуть, я оставляю обширную коллекцию интересного видео со Славиком. Жаль только, что нельзя его увечить.

Сижу за столом, медленно затягиваюсь сигаретой. Рядом со мной рюмка водки. В принципе, этого более чем достаточно, чтобы скрасить одиночество и заполнить бездонную черную дыру в душе. То, что я делаю, не приносит мне удовольствия, но я должен продолжать. Должен ради своей семьи. Наши правоохранительные органы не смогли мне помочь, так что приходится трудиться самому. Огонек на свече прыгает в разные стороны, танцует свой загадочный танец. Я поднимаю стопку.

— Земля вам пухом.

Опрокидываю ее и затягиваюсь горьким сигаретным дымом. Одиночество — вот мой удел. Правила нельзя менять, чтобы не раскрыть себя раньше времени. Одна машина для работы, обычная и неприметная, как у большинства людей. Другая — для того, чтобы вершить правосудие. Один человек ночью и совсем другой — днем. На работе ты должен быть неприметным людским планктоном. Глупо улыбаться, когда кто-то шутит, поддакивать, когда тебя о чем-то спрашивают, и, естественно, жаловаться на то, что тебе мало платят. Быть типичным работником со средними характеристиками в коллективе, но делать свою работу достаточно хорошо, чтобы тебя не доставало начальство. Ты вроде бы и есть, и тебя вроде бы и нет. Я тот, кто на самом деле существует лишь в одиночестве этих стен. Знаете, что лучшая маскировка — просто зарости. Борода, усы и длинные волосы до плеч. Стоит так походить пару лет, а потом подстричься и побриться, и тебя вряд ли кто узнает в новом облики. Остаются только привычки и шрамы, но с ними тяжелее всего бороться.

Выкладываю из кармана маленькую книжечку, ту самую, которую мне подарил когда-то давно отец Петр. Я вызубрил ее наизусть. Свеча, Библия, рюмка водки, зажженная сигарета и человек, который убивает людей ради справедливости. Печальная сцена. Возможно,

сейчас, в полумраке этой комнаты явилось истинное лицо нашего мира. Если бы я не желал смерти, то мне бы хватило работы еще на долгие годы. Вернее, одной жизни бы не хватило, да и одного человека было бы мало для такого дела, которое я затеял. А я ли его затеял? Даже смешно получается. Делаю затяжку и выпускаю облако дыма. Должен же быть кто-то наподобие меня, кто будет вносить поправки в то, что творят люди? А может, этот кто-то был всегда, и я всего лишь его продолжение? Нет. Это безумие, Макс. Ты — безумец, раз творишь такое. Впрочем, они творят то же самое и не считают себя больными. А может, тогда я доктор? Может, я лекарь, который им и нужен?

Снова делаю затяжку и наливаю стопку, выпиваю залпом. Как бы то ни было, с этим пора заканчивать. Достаяю из стола ноутбук. Интернет — сила и зло двадцать первого века. В поисковике ввожу то, что мне нужно, а конкретнее, того, кто мне нужен. Пименов Станислав Владленович.

Глава XXXIX

*Если точку ставит неумелая рука, —
может получиться запятая.*

Е. Багашов

11 апреля 2015 года. Один день до Пасхи. 13 часов 35 минут.

Станислав сидел за рабочим столом Сергея и переключал документы. Рядом стояла кружка, тянувшийся из нее вверх парок наполнял прокуренную комнату ароматом растворимого кофе. Пименов грыз карандаш, периодически делая им пометки в бумагах.

— Однако... — он откинулся на спинку стула, вытащил карандаш изо рта, постучал им по столешнице и заново переложил листы, словно ища что-то. — Странно. Странно. Была же здесь. Да какого черта?! — он раздраженно швырнул карандаш на стол, встал и начал отчаянно рыться в документах.

— Приветствую, о, великий! — с сарказмом произнес Александр, заходя в кабинет и снимая ветровку. — Ты чего, потерял что-то? Неужели кольцо всевластия?! — подходя ближе к Пименову, иронично поинтересовался он.

— Да нет. Мое кольцо всегда при мне, — Станислав Владленович поднял левую руку, на мизинце которой красовался золотой перстень с черным камнем.

— А-а-а-а. Тогда чего мы ищем? Священные руны?

— Хорошо бы. Вчера я откладывал дела, которые не попадали, по моему мнению, под Санитара.

— И что?

— Как что?! Вчера они были здесь! Сегодня их нет!

— Я не брал. Да и Серега вместе со всеми ушел. Можно, конечно, у дежурного поинтересоваться, но, я думаю, он вряд ли возвращался.

— Никого не было, никто не брал, а дела пропали! Круто! Барабашки завелись в полиции! Так что ли это объяснить?! Саша, лучше не зли меня! Ты хоть понимаешь, что это значит?!

— Да все я понимаю. Найдутся, никуда они не делись. Кто-то просто их переложил, да и все.

— Ты идиот что ли?! — Станислав медленно подошел к нему. Сашок замер. — Кабинет был закрыт. Бумаги были в столе. Их взял тот, кто тут работает. И взял их специально. Понимаешь?! — Станислав легонько шлепнул Александра ладонью по лбу. — Тупая твоя башка! Тебе все шуточки!

— Да нет, — опешив, тихо произнес Сашок.

— Твою мать! — Пименов подошел к столу и упал на стул. — Да что у вас тут за бардак-то такой?!

Александр втянул шею, словно черепаха, и молча слушал, как Пименов извергает из себя гневные реплики, заворачивая фразы такими загогулинами, что приходилось иногда напрягать мозг, чтобы понять, о чем говорит этот тип из Москвы.

— Крысы! — последнее, что вылетело сквозь зубы из Станислава Владленовича. Он сс всего маху лупанул по столешнице кулаком. — Змеиный клубок! Ладно, я этого так не оставлю. Чего у тебя-то?!

— Так... Это... То... Вот, — робко пробормотал Сашок и медленно направился к Стасу, как кролик к питону.

— Узнал что?!

— Я, если честно, немного в штаны подналожил от такого утреннего приветствия, — по привычке непринужденно начал Александр, но быстро сменил настрой на серьезный, видя, что Пименова эта ситуация вообще никак не забавит. — Короче, ты не поверишь! — он достал из пакета документы.

— Привет всем, — в кабинет вошел Сергей.

— Привет, — Сашок пожал ему руку, а Станислав кивнул головой.

— Ты вчера сюда не заходил случайно?

— Нет. Я в морг ездил. Ты же сам попросил с Головиным поговорить, чтобы он побыстрее нашего жмурика освеживал. Так я сразу туда и потом домой. Вот с утра уже у него был, забрал данные. А что? Что-то случилось? — Сергей посмотрел сначала на Пименова, потом на Александра.

— Несколько дел пропало по Санитару, — тихо отрапортовал Сашок.

— Как?! — Сергей быстро подошел к столу. — Как пропало?! Вы чего, охренели что ли?! Твою мать! — он сел на стул и закусил губу. — Может, взял кто?

— Ага. Мышка. Поиграет и отдаст.

— Шрек нас на части порвет, когда узнает.

— Кроме нас, про эти дела никто не знал, — спокойно начал Пименов, но Сергей тут же его перебил.

— Да ты на что намекаешь?! А?! Я землю носом рыл, чтобы этого гада поймать, а тут приезжаешь ты, и через неделю все становится с ног на голову! До тебя все шло замечательно! Прислали, называется, спеца! Нормально, да?! Дела даже личного еще нет, а он уже порядки свои наводит! До твоего приезда из моего кабинета ничего не пропадало! А тут на тебе! Все, хорош! Я пойду наверх. Имел я тебя и всех твоих из Москвы! Столько наработок, и все разом коту под хвост! Это же охренеть можно!

— Ты бы рот свой закрыл! — Пименов поднялся с места.

— Парни! Парни! Парни!

— Чего тебе?! — в один голос ответили Стас и Сергей.

— Я тут накопал кое-что. Ну, то, что вы просили. Вы бы взглянули, и, может, пропажа дел отошла бы на второй план, — он протянул начальству документы. — Вот, посмотрите. Будете очень удивлены.

Александр положил на стол бумажную папку с надписью «Дело № 141/13». Сергей и Станислав одновременно схватились за нее, но Пименов уступил.

— Мать моя женщина! — удивленно произнес Самойлов и передал материалы Пименову. Станислав тоже внимательно просмотрел дело.

— Он тебе знаком? Знаешь его что ли?

— Ха. Ха-ха-ха! — внезапно рассмеялся Сергей и, глубоко вздохнув, вскочил с места и хлопнул в ладоши. — Да уж. Знаю. Сколько лет прошло? Совсем у меня это дело из головы вылетело. Да оно и не дело было, а так, пустяк. Как его там?

— Максимов Максим Юрьевич, — смотря в папку, ответил Станислав.

— Точно. Максимов. Парень, похожий на священника. Мы тогда еще с Хлебалиным ржали над этим чуваком. Бессмертный — так мы его между собой называли. Вся семья в хлам, машина вдребезги, его даже сразу трупом признали, а он выжил. Чудеса, да и только! Твою мать! Цукерман ведь защищал тогда семью Фроловых, а его потом нашли через два месяца после пропажи привязанным к стулу в заброшенном ангаре где-то в полях. Этот подонок резал его на куски несколько часов подряд.

— Твой напарник, выходит, тоже знал Максимова, — щелкая пальцами, встрял Сашок.

— И это верно! И Комаров его знал, и этот парень тоже мертв. И Ледовских!

— У него вся семья погибла в автокатастрофе, — тихо добавил Пименов.

— Вот именно! И ублюдок ополчился на весь свет! Сам посмотри: Цукерман на том свете, сын Фроловых Славик пропал, а скорее, мертв. А мой напарник, а Комаров, а Ледовских? Да все, с кем контактил этот парень, убиты. Господи! — он провел рукой по волосам. — Да как же я про него забыл-то?!

— Обычно они не особо выделяются. Стараются слиться с толпой. Если все, что ты говоришь, правда, то весьма вероятно, ты нашел своего Санитара, — похрустывая пальцами, улыбнулся Пименов. — Расскажи мне про это дело.

— Что? — Сергей на минуту замер и посмотрел на Стаса.

— Расскажи мне про этого парня. Хочу знать, как все было.

— Да что рассказывать? Братъ его нужно пока тепленький!

— Это всегда успеем. Расскажи.

Сергей некоторое время раздумывал, затем, потеряв переносицу и кашлянув в кулак, начал.

— Ну, хорошо. Короче. Я тогда еще молодым был. Это лет семь назад случилось, а может, и того больше — надо в деле глянуть.

— Да ты так, своими словами, без особых подробностей.

— Ну, раз без подробностей... В общем, дело нам поручил Шрек. Сверху на нас поднадавили, все-таки жена очень большой шишки в аварию попала по вине этого Максимова! Кто знал, что он вообще в живых останется? Тогда нам сказали, что ему не больше суток отписано, а он, словно кошка, с девятью жизнями оказался. Там все ясно было: парень не справился с управлением и вылетел на встречную полосу. Он потом себя

невинным считал, все инстанции обходил, пытался доказать, что все не так было.

— А как было?

— Как-как?! Вон, дело почитай! Там и экспертиза, и свидетели — все против него. Точно он виноват! Тут к гадалке не ходи! А он, сука, наверное, на весь мир озлобился!

— Значит, говоришь, правду искал?

— Да сто пудов!

— Такое в моей практике частенько бывало. Человек не может принять и осознать свою вину, сходит с ума и начинает мстить тем, кто причастен, по его мнению, к его страданиям, а заодно под горячую руку попадают и другие. Синдром Амок.

— Чего?

— Это когда человек ослеплен яростью и желанием мщения. Кстати, такое бывает после серьезной черепно-мозговой травмы. А тут как раз, я думаю, именно такой случай. Необоснованные вспышки гнева, вызванные каким-либо внешним раздражителем. В этот момент человек себя не контролирует. Все остальное время такие люди мало отличимы от нас с вами.

— Брать надо гада! — радостно воскликнул Сашок. — Брать надо!

— Я согласен. Парня нужно задерживать.

— А я про что?! — подхватил Сергей.

— Хорошо. Тогда все планируем на 12 апреля часика на четыре.

— Это еще почему?! Нужно брать сейчас! Я с парнями из спецназа договарюсь! Стас, какого хрена?!

— Во-первых, нужно получить ордер на арест. Во-вторых, все хорошенько спланировать. В-третьих, и это самое главное, нужно съездить на разведку в то место, где он живет.

Довольный Сашок подошел вплотную к столу, залез рукой в карман джинсов и высыпал на столешницу кусочки мрамора, окрашенного в синий цвет.

— Что это? — удивился Сергей.

— Я уже побывал у дома этого Максимова. У него по обе стороны отсыпана дорожка такой красотой. Ничего не напоминает?

— А ты говоришь, кот принес! — самодовольно улыбнулся Станислав.

— Япона мама! Так это же...

— Я как это увидел, меня прямо осенило! — радостно воскликнул Александр. — Я вчера там пошукал, у соседей поспрашивал. Короче, парень замкнутый, из дома почти не выходит. В гостях у него тоже никто не бывает. Ничего плохого про него сказать не могут. Говорят, приветливый. Если что, помогает, но очень неприметный. Жизнь скучная: работа — дом — работа. Те, кто подальше чуток живет, так вообще думали, что дом нежилой. Короче, по ходу, наш клиент.

Сергей было кинулся к телефону, но Станислав Владленович положил руку на трубку.

— Ты чего?!

— Все равно планируем все на завтра. Мне не нужно, чтобы он потом какой-нибудь бумажкой прикрылся. Если это он, то, сам понимаешь, этот подонок явно не глупец, раз успешно скрывался столько времени, — Пименов на секунду задумался.

— Что еще?!

— Одного не пойму. Зачем нужны были такие явные намеки с этой последней жертвой?

— У него и узнаем.

— Ладно, у меня на сегодня еще одна встреча назначена, да и отчитаться в Москву я должен. Серега, ты подготовь все бумаги и договорись с СОБРовцами на завтра. Будем брать.

— Хозяин — барин... — недовольно буркнул Сергей.

Станислав Владленович остановился около двери.

— Я же говорил тебе, что поймаем, а ты сомневался. Да, и еще, Сергей. Я напишу рапорт о том, что пропали бумаги. Мне плевать на то, кто их вытащил и для чего. Факт есть факт. После завтрашней операции я составлю полный отчет о проделанной работе и отправлю его начальству. Громову Афанасию Филимоновичу я отчитаюсь лично. А сейчас, будьте так добры, подготовьте все к завтрашнему дню и желательно без косяков и самодеятельности, — он снял куртку с вешалки и вышел в коридор, громко хлопнув дверью.

— Урод! — сквозь зубы прошипел Сергей.

— Ну и что делать?

— Давай иди с парнями на завтра договаривайся, а я к Шреку ордер выписывать.

Сергей, оглядываясь по сторонам, словно боясь слезки, поднялся наверх. Между этажами он остановился, вслушиваясь в тишину. У двери полковника Громова он еще раз осмотрелся и зашел внутрь.

— Дверь запри на ключ! Чего так долго-то?! — цокая языком, пробасил Шрек.

— Чего-чего? Привык тут рассиживать, мозоли на задку набивать! — злобно закрыл замок Самойлов. — Я тебе когда велел документы вытащить, старый ты козел?! — подходя ближе и краснея от ярости, начал орать следователь.

— Чего не так-то?! Ты же сам сказал, что он дела поднял по этим потаскухам! Сказал, что рыть начал! Чего мне оставалось-то?!

— Сидеть на месте ровно и получать бабки, как и прежде, прикрывая то, что мы делаем, а, точнее сказать, то, что теперь делаю я! Ты, старый ублюдок, живешь за мой счет и куда-то еще лезешь без моего ведома! Да ты понимаешь, какой он хай поднимет?!

— А что делать-то теперь, Серега?!

— Не дергаться! И не лезть, куда тебя не просят! Я почти все подготовил, подвел этого Пименова под якобы Санитара! Завтра возьмем его, и все, дело с концом. Все на этого дурака и повесим! Десять лет все было идеально. Десять лет! Господи, какое дело ты чуть не запорол этой выходкой! Десять лет я выдумывал несуществующего маньяка, списывая на него все убийства. А ты, сука, пропшыпил момент, когда нам прислали этого москвича из СКР! А ведь это ты должен был всякими способами не допустить его приезда! А мне пришлось работать с ним неделю, не зная толком, что он за тип, так как его дело засекречено. Да, я в курсе, что оно придет завтра, но теперь-то какой от него толк?! Ты хоть понимаешь, какие люди стоят за этими убийствами?!

— Не знаю и знать не хочу!

— Правильно. Чертов ты комуняка! Твой сын учится в Лондоне, у тебя счет в банке, недвижимость за границей, и все потому, что я кормлю тебя! Я! Понимаешь?! Я!! Людям с деньгами, да и мне иногда, нужно развлекаться. И они за это хорошо платят! Да ты и сам не безгрешен! При всем при этом от тебя только и требовалось, что прикрывать меня и оповещать о таких ситуациях, как приезд этого Пименова! А теперь ты, старый дурак, умудрился упереть из моего кабинета дела! И главное, тогда, когда я уже почти все уладил!

— Так я... — начал было полковник, но Сергей прижал палец к губам.

— Т-с-с-с-с. Теперь я буду сам действовать, а ты давай-ка надавливай на свои рычаги власти, чтобы я был бел и пушист, как котенок, и вне всяких подозрений.

— Так я просто... — опять попытался оправдаться Громов, но Сергей вновь его перебил.

— Заткнись! Знаю, что зассал, когда я сообщил тебе о том, что этот выродок откопал дело Головина. Тебе же захотелось поиграть с его дочерью. И я сделал так, как ты хотел. Ты хоть знаешь, каких усилий мне стоило заставить этого докторишку потом молчать?! Не знаешь, старый ты похотливый баран! А теперь давай подписывай ордер на арест!

— Чей?!

— Чей нужно. Очередной жертвы. Так сказать, сакральной. Нужно кого-то угробить, чтобы другим жилось хорошо. Слава Богу, каким-то чудом нам подвернулся этот Максимов. Прямо в точку с ним попали. И этот камень, ха... Откуда он там взялся? А потом еще Сашок удивил, притащив такие же. Надо же, какие случаются совпадения. Я уже и забыл про него, а тут на тебе, как манна небесная. И, главное, все по делу. Бывает же такое? — рассуждая вслух, Сергей заходил по кабинету. — А вообще, по-хорошему, его убирать нужно.

— Максимова?

— Дурак ты старый! Пименова.

Глава XL

*Не учащай входить в дом друга твоего,
чтобы не наскучил тобою и не возненавидел тебя.
Притчи 25:17*

— Уверен, что готов? Что пришло время?

— Ты говоришь, как один из моих знакомых. Он священник.

— Может быть. У меня был богатый опыт общения с апостолами, — смеется воин и разминает шею до хруста в позвонках.

Я стою в ванной комнате, человек в римских доспехах находится за спиной. Я вижу его в отражении зеркала. Что же, пора начинать то, что я так долго планировал, к чему так стремился. Включаю воду и беру машинку для стрижки волос в руки, провожу ею по голове, длинные пряди падают в раковину. Воин с улыбкой мертвеца наблюдает за моими движениями. Дальше в ход идут ножницы. Состригаю бороду и усы, потом начисто сбрываю все бритвой. Набираю в ладони горячую воду и резким движением омываю лицо. У человека, стоящего позади меня, и у меня теперь одно лицо. Еще мгновение, и его волосы отрастают до плеч, а лицо покрывается бородой и усами. На меня смотрит Петр, он удрученно качает головой.

— Не надо, Максим, все еще можно остановить.

Его лик дрожит в зеркале и вскоре растворяется, будто туман. Резко оборачиваюсь. Никого. Провожу по лицу рукой: гладкая кожа — странные ощущения пятнадцатилетней давности. Я готов. Подхожу к шкафу и вытаскиваю семейный фотоальбом. Сажусь за стол,

долго настраиваюсь, чтобы открыть его. Такая простая вещь и одновременно такая трудная. Иногда прошлое гораздо страшнее будущего. Протягиваю руку, чтобы дать волю воспоминаниям.

Тук-тук-тук.

Замираю. У меня нет друзей, которые могли бы прийти ко мне в гости. Свет я стараюсь не включать вечером, чтобы не привлекать внимание. Горит только несколько свечей на столе, да и те не видны снаружи благодаря задернутым наглухо плотным шторам. Я-то знаю: сам проверял. Звонка на калитке нет, а я точно ее закрывал. Стучат в дверь.

Тук-тук-тук.

Осторожно поднимаюсь с места, подхожу к ноутбуку. У меня по периметру расставлены камеры. Перед входом стоит девушка. Та самая, которая подсаживалась ко мне в кабаке. Она одна. Переводит взгляд на камеру, улыбается и показывает рукой в объектив неприличный жест. Ее нахальство и настырность забавят меня. Что же, посмотрим. Открываю дверь и осматриваюсь по сторонам. Кроме нее никого.

— Как ты меня нашла?

— Войти-то можно? — с усмешкой спрашивает она и делает шаг вперед.

Преграждаю проход рукой.

— Ты не охренела ли, подруга?!

— Фу! Как грубо, — из темноты, будто ее ангел-хранитель, вылетает огромный ворон и садится на мою калитку. — Так позволишь мне пройти, или у тебя есть секреты?

— Да пошла ты! Убирайся, — с силой отпихиваю ее, так что она чуть ли не падает. Ворон громко каркает, расправляя крылья в стороны. Захлопываю дверь и щелкаю замком.

— Я знаю, куда делся Петр! — орет она мне через дверь, и мое отношение к ней меняется в одночасье.

Приоткрываю дверь. Смотрю какое-то время в это ангельское личико, в котором не вижу ничего хорошего. Жестом головы показываю, чтобы входила.

— Ты не меняешься. Как был солдафоном, так им и остался.

Она проскальзывает в дом. Ворон, как преданный пес, пристально следит за каждым ее движением. Или моим?

— Живешь, как в пещере. Свет бы включил.

— Тебя не спросил. Откуда ты узнала мой адрес? Ты следила за мной? Что с Петром? Где он?!

— Сколько у тебя вопросов. Вопросы, вопросы, вопросы. Знаешь, я когда-то давно тоже искала ответы на свои вопросы, — она говорит со мной, как давнишний приятель. Странно, но зверь внутри меня смиренно молчит, и я удивлен этому. — Это твое? Можно взглянуть? — она протягивает руку к фотоальбому.

— Тронешь, и я тебе пальцы переломаю! — сквозь зубы угрожаю я.

— Ой! Наверное, личное? Прости, не знала. Перстень на мизинце в память о дочери? Жена, наверное, подарила?

Я кидаюсь к ней, но она по-кошачьи ловко перепрыгивает через стол. Голубые глаза сверкают в полумраке, отражая свет свечей. Она смотрит на меня и улыбается.

— Гнев — это хорошо, — произносит мягко и ласково.

— Ты понятия не имеешь, кем я могу быть. Давай лучше ты расскажешь мне про моего друга, если ты вообще что-то про него знаешь. А заодно объяснишь, как нашла меня, и тогда, может быть, я позволю тебе уйти.

— Максим, Максим. Ты понятия не имеешь, что с тобой произошло и что я знаю. А пугать меня, малыш, не стоит. Я такое пережила и повидала, что твои проблемы — это так, скучная мелодрама.

— Ты называешь гибель моей семьи мелодрамой?!

Делаю шаг в ее сторону, она делает два от меня вокруг стола, не прекращая улыбаться.

— Давай не будем нервничать и просто поговорим, если ты не против.

Указываю на стул и сам сажусь, она делает то же самое.

— Я слушаю. Давай, говори.

— Ты — больной психопат, который думает, что убивает людей во благо.

Она разводит руки в стороны и начинает заливисто смеяться. Выдерживаю паузу. Даю ангелочку с демоническим характером успокоиться.

— Не удивила. Я знаю, что я и кто я. А вот откуда это знаешь ты? Откуда знаешь про Петра?

— Ты забыл еще упомянуть Луция.

— Кого?

— Луция Корнелия Августа. Ну, это римский генерал. Твой цепной зверь, — она подмигивает и делает невинное лицо.

Прекрасная бестия. Я понимаю, что ее стоит опасаться. Девочка непроста.

— Сколько раз ты умирал, Максим? Ты думаешь, простой человек может выжить после такого? Смерть порождает новую жизнь. Один уходит, другой приходит. Твое тело, твой разум должны были умереть, а на твое место должен был прийти другой. Но случилось то, что случилось. Теперь в тебе живет часть от тебя и часть от того, кого мы так хотели вернуть в этот мир.

— Что с Петром?!

— Ты меня не слышишь! Нет никакого Петра! Нет твоего зверя! Есть ты! — она встает из-за стола, смотрит хищно и пристально. — Ты объединяешь в себе все! Доброе — от твоего Петра, человеческое — от тебя самого, звериное — от Луция. Твое тело воплощает сразу три сущности. Ты должен был умереть. Понимаешь?!

— Ты больная. Такого не бывает. Я знаю, что у меня проблемы с головой после аварии, но не до такой же степени.

— Эврика! Гениально! Но где тогда сейчас твой Петр? На кого он похож? Как он выглядит?

— Как священник.

— Длинные волосы, борода и усы. Я знаю, как выглядят священники. Мой отец был одним из них. А как выглядел ты до того, когда состриг и сбрил с себя все? Я же говорю, а ты не слышишь. Мы давно следили за тобой, с самого начала. Направляли тебя, учили.

— Что за бред ты несешь?

— Если я начну тебе рассказывать, что весь этот мир — только маленькая верхушка айсберга, ты ведь все равно мне не поверишь. Сейчас в твоей голове каша. Сейчас ты смотришь на меня пустыми глазами и не понимаешь того, что происходит. Твоя человеческая часть, подстрекаемая зверем, жаждет мщения, и ты уже все подготовил. Мы не будем тебе мешать. Делай, что хочешь. Но если ты желаешь знать правду, почему все так произошло и кто ты есть на самом деле, я могу тебе дать ответ. Точнее, я знаю того, кто сможет тебе все разъяснить. Он вообще многое может.

— Видишь ли, я уже обещал Петру познакомиться с таким же умником.

— Ты меня не слушаешь! Петр отведет тебя к такому же малахольному, как и он сам. Ты не найдешь ответов у него. Следуй за мной и ты многое сможешь понять, — она гневно бьет ладонью по столу, ее глаза вспыхивают адским пламенем. Хотя, может, мне все это кажется.

— Если тебе дорога твоя жизнь...

— И что ты сделаешь? — она смеется.

— Убирайся.

— Я-то уйду, а вот с кем останешься ты? Со своей больной фантазией? С этим фотоальбомом? С кулончиком на шее? Максим, это уже не твое, ты — тень в этом мире. Ты умер. Тебя нет. Пойми это. Пойдем со мной, и я докажу тебе.

— Убирайся, — привстаю из-за стола.

— Хочешь отомстить ему? Ну, убьешь ты его, убьешь себя, а что дальше? Ты ведь хочешь исправить мир, а самоубийством этой цели не достигнешь. Ты все сделал, чтобы они нашли тебя, не так ли? Ты кидал им приманку за приманкой, пока они не попались на крючок. Да, ты прав. Она будет страдать оставшиеся дни и сойдет с ума от горя, думая о том, что ее сын все еще жив и что ты все еще издеваешься над ним. Она будет мучиться так же, как и ты, даже больше. Но это не сделает твою смерть более осмысленной и полезной. Зачем тебе прерывать свою жизнь? Ты ведь отличный инструмент. Скальпель, удаляющий злокачественную опухоль человечества. Пойми: однажды ты уже остался в стороне. Долгое время ты боролся с тем, кто тебя создал. Теперь он хочет получить тебя обратно. Не стоит отворачиваться от его протянутой руки. Прими ее, и мир станет гораздо интереснее. Он станет таким, каким и должен быть: без фальши, без покровительства, без идеологии неравенства. Мир станет таким, каким мы захотим его сделать. Мир станет нашим.

— Ты больная. Не знаю, кто тебя послал и зачем ты меня преследуешь, — достаю из-за спины нож и кладу его на стол, — но тебе пора уходить.

— Максим, Максим... — она склоняет голову на плечо, смотрит на меня своими бездонными голубыми глазами. — Ладно. Додельвай свои мерзкие дела. Все равно ты захочешь узнать о себе и о том, что происходит. Найдешь меня после праздника. Мой учитель не особо жалуется это время. Я буду там, где ты меня встретил впервые.

— И не надейся.

— Я не буду больше приходить к тебе. Ты сам придешь. Сам.

— Счастливо, Татьяна. Надеюсь, больше не увидимся.

Она выходит, я защелкиваю замок и подхожу к ноутбуку. Девушка медленно идет по мощеной дорожке. Ворон, плавно взмахивая крыльями, делает круг и садится ей на плечо. Теряю их из вида. Голова начинает раскалываться и я, обхватив ее руками, заваливаюсь на кровать. Неужели я и вправду живу в другой реальности? Кое-как дотягиваюсь до пульта от телевизора. По нему идут местные новости.

— Самым громким происшествием недели стал взрыв пиротехнических снарядов и последовавший за ним крупный пожар. Что именно случилось и кто чиркнул спичкой, неясно до сих пор. К другим новостям. Ужасную находку обнаружили слесари коммунальных систем, спустившиеся для устранения протечки в канализационный сток. Три полуразложившихся тела, предположительно мужчин средних лет, пролежали там несколько месяцев. На телах обнаружены следы насильственной смерти. По данным нашего источника в правоохранительных органах, убийства могут включить в дело Санитара. Вести его будет следователь Сергей Борисович Самойлов. Вот его комментарии по этому поводу.

— Мы предполагаем, что это дело рук серийного убийцы по прозвищу Санитар, и ведем

расследование в этом направлении. Единственное, что я могу добавить, так это то, что мерзавец будет пойман! А теперь все, мне нужно работать!

Привстаю с кровати, из подвала доносятся стоны, боль отступает.

— Не бойся, Славик, я про тебя не забыл. Потерпи, скоро все закончится. А с тобой, следовательно Сергей Самойлов, я в скором времени встречу. С тобой у меня свои счета. А пока красуйся, строй из себя великого сыщика. На тебе я и закончу свое возмездие! Каждому по заслугам должно воздаться!

Глава XLI

Все тайное рано или поздно становится явным.

Сократ

12 апреля 2015 года. Пасха. 6 часов 00 минут.

Яркий свет солнца прорезал щель между шторами. Солнечный зайчик медленно пополз по кровати и вскоре достиг лица мирно спавшего Сергея. Он повернулся на бок, пытаясь спрятаться от вездесущего лучика. Некоторое время он лежал неподвижно, затем приоткрыл глаза и взглянул на часы. Шесть утра. Он лежал в кровати один, жены рядом не было, а из кухни доносились веселые голоса. Натянув на себя штаны, он тихо вышел в коридор и замер в дверном проеме. За столом Юлия шутила с детьми, чей радостный смех наполнял квартиру. Стояли кулич и пасха, лежали освященные яйца. После завтрака она собиралась поехать на кладбище. Сергей молча наблюдал за домочадцами. Вдруг его жена обернулась. Дети тоже заметили отца, и всеобщее веселье сменилось гробовой тишиной.

— Ты поешь? — словно разговаривая со стенкой, спросила Юлия.

— Только кофе выпью.

Она беспрекословно встала и пошла готовить мужу завтрак. Дети, опустив глаза и насупив носы, тихо сидели за столом. Сергей еще не знал, что его жена уже подала на развод и лишь выжидала момент, когда он уйдет на работу, чтобы забрать детей и вещи и уехать от него. Это решение она приняла после беседы с неким отцом Петром ровно полгода назад. Юля узнала про него от одной из подруг матери. Та рассказала, что этот священник строит церковь в глухой деревне и что он обладает даром открывать людям глаза на происходящее. Юля ездила к нему несколько раз, пока в один прекрасный момент, когда вся работа была почти закончена, не обнаружила обитель брошенной. Куда и почему пропал Петр, никто не знал. Говорили, что церковь так и осталась без служителя.

— Ты сегодня будешь ночевать дома или снова уедешь на работу? — наливая кипяток в чашку, поинтересовалась она у мужа.

— Уеду. У меня сегодня ответственный день, будем осуществлять задержание. Когда вернусь, не знаю. Так что сегодня без меня.

— Как обычно, — Юлия поставила чашку на стол.

12 апреля 2015 года. Пасха. 9 часов 10 минут.

Сашок, засунув руки в карманы, быстро взбежал по ступенькам и столкнулся у входа в кабинет с Пименовым, который разговаривал по сотовому, отчитывая кого-то за плохую работу.

— Здорово, — Александр подал руку коллеге, но Пименов поднес указательный палец к губам, сказал своему собеседнику напоследок нескольких крепких словечек, убрал телефон и только после этого пожал протянутую ему ладонь.

— Привет, Саш.

— Ты что это с утра адреналин в кровь пускаешь?

— Да звонил в Москву, чтобы мое дело быстрее к вам переслали. Должны сегодня скинуть. А то Сергей психует. Еще я отправил рапорт о том, что пропали материалы. Работа есть работа, Саня, ничего личного. Дерьмо будете сами расхлебывать, притом большой ложкой. Ясно?

— Да ясно. Если честно, — Сашок скривил рожу, — я их не брал, так что это Серегинь проблемы, а не мои.

— Если честно, — Пименов слегка улыбнулся, — мне плевать.

— Вот и поговорили, — Александр открыл двери и жестом показал Пименову, что тот может пройти первым.

12 апреля 2015 года. Пасха. 10 часов 15 минут.

Сергей вылез из машины, взглянул на часы, достал сигарету и закурил. Мирному приему никотина помешал телефон. Пришло смс от Шрека: «Меня сегодня не будет. Рули всем сам. Мне не звони, я занят».

— Вот урод! — отшвыривая в сторону окурок, выругался Самойлов и набрал Громова, но абонент оказался недоступен. — Старый идиот! — пробормотал Сергей и поспешил в участок.

Проходя мимо дежурного, он встретил крепкого телосложения мужчину в камуфляже.

— Давно ждешь? — протягивая ему руку, поинтересовался Сергей.

— Да нет, только пришел.

— Ну что? Твои цепные псы готовы?

— Да нам только отмашку дай, когда начинать. Шрек звонил, сказал по всем вопросам к тебе обращаться. Странно, на этого комуняку непохоже. Обычно он сам держит бразды правления.

— Да, старый черт сдает позиции.

— Может, приболел?

— На голову если только, — злобно усмехнулся Сергей.

— Ха-ха-ха! Это точно! Ладно, жду твоей команды. Мои ребята готовы, так что только скажи когда, и начнем.

— Я понял тебя. Спасибо, Вован!

— Всегда пожалуйста! — здоровяк хлопнул Самойлова по плечу и ушел.

— Сергей! Постой! Серег! А, Серег! — раздался голос дежурного, когда следователь проходил мимо него.

— Чего тебе?

— Слушай, тут с Москвы звонили. Так вот, они сказали, что запрос по Пименову

Станиславу Владленовичу тебе вышлют сегодня после трех.

— А кто звонил-то?

— Так майор... Да я что-то не записал даже.

— Твою мать! А какого хрена тогда ты тут сидишь? Понаберут из-под сохи всяких...

12 апреля 2015 года. Пасха. 11 часов 05 минут.

Самойлов и Пименов сидели за столом друг напротив друга, разложив перед собой документы, различные фотографии и свидетельские показания. Сашок с кружкой чая ходил взад-вперед мимо них.

— Я думаю, пререкаться будем после того, как возьмем это гада, согласен? — перевернув страницу и вчитываясь в документ, спокойно произнес Стас.

— Согласен, — сдержанно ответил Сергей, не глядя в его сторону.

— Итак, давайте еще разок взвесим все «за» и «против», — начал Пименов и поднялся из-за стола. — Максимов Максим Юрьевич, тихий, спокойный, малоприметный человек. Работал с погибшей, Ледовских Светланой. Также был знаком с Комаровым Кириллом, которому, судя по данным вскрытия, был вколот препарат миорелаксант, после чего его замотали стретч-пленкой и утопили в собственной ванной. Также наш подозреваемый был связан и с другими жертвами. Связь эта прослеживается от аварии, в которой погибла его семья и из-за которой он имел явные основания мстить тем людям, которые проходили по этому делу.

— Конечно, я бы тоже мстил, если бы такое произошло, — усмехнулся Сашок, но, взглянув на коллег, откашлялся и добавил: — это я так, теоретически.

— Ладно. Вроде все сходится на нем. У парня явно были все шансы распрощаться с крышей, отчего он и мог начать убивать. Когда будем его брать, чтоб никто не лез. Не нужно строить из себя супергероев и мечтать о лишней дырочке на погонах, а то дырка может появиться в другом месте. Позвольте спецназу сделать свое дело. Все вопросы к этому парню только после того, как он будет у нас. Никакого ему адвоката в первые дни. Никакого права на звонок, пока не перетряхнем весь его дом. Что говорит наружка?

— Он не выходил. Даже на кладбище не был, — закуривая, ответил Сергей.

— Странно. Сашок, а ты что узнал? Съездил, куда я тебя просил?

— Да. Этот полупьяный смотритель погоста его тоже долго не видел. Хотя говорит, что за могилами кто-то ухаживает. Может, он как-то проходит мимо него? Там площадь огромная, а этот пьяница вряд ли за всем усмотрит.

— Значит, он дома. Ордер готов?

— Да, подписан. С парнями из СОБРа я договорился, они ждут команды.

— Отлично. Тогда еще пара часов, и выдвигаемся. Пускай наши парни с его дома глаз не спускают и, если что, сразу сообщают. А так доклад каждые полчаса. Да, кстати, а нужно проинформировать Громова о начале операции?

— Не нужно. Он позвонил мне с утра и все руководство по этому делу переложил на меня. Он занемог что-то, так что команду этим парадом сегодня я.

— Ну, как скажешь. Я тут только для помощи. Тогда действуй, раз Громов передал тебе свои полномочия.

— Ждем, как ты сказал. Потом, если все без изменений, едем.

12 апреля 2015 года. Пасха. 16 часов 33 минуты.

Яркое солнце, когда выходило из-за кучевых бледно-серых облаков, ощутимо припекало и било по глазам. Пименов жмурился, сидя на переднем сиденье машины. Сашок с кем-то трещал по телефону, по всей видимости, со своей подругой. Сергей молча скрипел зубами, не одобряя игривый настрой молодого напарника. Для проведения операции время было рассчитано правильно. Частный сектор, расположенный на городской периферии, был малолюднен: народ праздновал Христово Воскресение. Блуждающих по улицам было немного, основная масса сидела дома за столами. Щебет воробьев заглушал детские крики, доносящиеся издалека. Где-то под самыми облаками одиноко кружил черный ворон.

Вереница машин быстро проехала меж коттеджей и остановилась неподалеку от небольшого дома. Из ПАЗика стремительно выскочили бойцы СОБРа в полной боевой экипировке и взяли дом в оцепление. Несколько полицейских УАЗов заблокировали дорогу вдоль квартала. Из подъехавших жигулей четырнадцатой модели вылезли сначала Сергей, за ним Стас и Сашок. Пименов встал, опершись на автомобиль, и скрестил руки на груди.

— Командуй, — серьезным голосом произнес Станислав и пристально посмотрел на Самойлова.

К Сергею подбежал крепкий и высокий боец в черной балаклаве.

— У нас все готово, можно, в принципе, и начинать. Ждем только твоей отмашки.

Подтянулись первые зеваки с мобильниками, готовые запечатлеть интересное. Если бы кого-нибудь еще и убили, день для них выдался бы просто отличным! Казалось, что ради рейтинга на YouTube они готовы пожертвовать даже собственной безопасностью. Святой праздник уже был давно позабыт: разворачивалось шоу.

— Эй, вы, чего стоите?! Уберите этих раздолбаев подальше! Им тут что, театр что ли?! — заорал Самойлов стоящим в стороне сотрудникам полиции, и те мигом помчались исполнять приказ.

Полицейские пытались оттеснить образовавшуюся толпу.

— Санек, помоги мне! Да убери ты свой чертов самотык! Хоть ты-то к этим папарацци не присоединяйся!

Пименов застыл у машины, наблюдая за происходящим без каких-либо эмоций. К Сергею подбежал человек из толпы. Это был переодетый в гражданское сотрудник полиции, один из тех, кто вел наблюдение за домом.

— Ну, чего скажешь?

— Он дома. Как вошел, так и не выходил оттуда.

— Ничего подозрительного не заметил?

— Да нет, ничего. Девка только тут крутилась, красивая, как ангел, — словно с картинки. И птица у нее на плече сидела, то ли грач, то ли ворона. Здоровая такая. А так... — он пожал плечами.

— Ясно. Ладно, Вован, спускай своих парней с цепи! Но пусть живым берут! Не дай Бошкуру попортят, я тогда с них самих ее спущу!

Спецназ пошел на штурм. Но как только бойцы подошли ближе к коттеджу, раздался взрыв. Столб огня вырвался из окон дома, черный густой дым повалил вверх. Повсюду завывали автомобильные сигнализации. Сверху посыпались осколки стекла и стройматериалов, поднятых в воздух. СОБРовцы отступили назад. Зеваки заметались в панике. Станислав закрыл уши и опустил на корточки, Сергей и Сашок упали на асфальт, прикрыв головы руками. Сверху продолжал падать мусор. Повсюду царили шум и непонятная суета, народ разбежался, кто куда. Некоторые, наоборот, выскакивали на улицу

посмотреть, что произошло.

— Твою Бога душу мать! — поднимаясь, выругался Сергей и, шатаясь, направился к Сашку, который все еще лежал на асфальте. — Эй! Эй! Ты живой?! — он присел на корточки и растолкал парня.

— Чего?! В ушах звенит, я не слышу! Чего ты говоришь?! — проорал ему в ответ Александр.

— Живой! Это хорошо! Скидываться на похороны не придется!

— Чего?! — Сашок показал на уши пальцами. — Чего говоришь-то? Плохо слышу!

— Нормально все! Нормально!

Бойцы СОБРа отошли к автобусу, между ними бегал Вован, интересуясь, нет ли пострадавших. Станислав Владленович, обхватив голову и медленно покачиваясь из стороны в сторону, поднялся, опираясь спиной о машину. Сергей шаркающей походкой подошел к нему.

— Вот это бабахнуло! Вот тебе все и прошло без сучка и задоринки! Какого черта-то случилось?!

— Да пес его знает! А-а-а-а! Как же уши заложило! Звенит все!

— Это да! — Пименов медленно и неловко отряхнул свой костюм.

— У тебя крестик выскочил, ты бы убрал, а то болтается как невесть что.

— Это не крестик, это паук, — отвечаю я.

— Чего?

— Паук! Подарок моего сына, — выпрямляюсь и пристально смотрю в глаза Самойлову.

— Ну, понятно. Ладно, пойду, узнаю, что произошло.

— Давай!

Глава XLII

Человеку не хватает мудрости

успокоиться на достигнутом.

Д. Дефо

Вездесущие репортеры-шакалы чувствуют кровь на расстоянии нескольких километров. Пожарные не успевают потушить огонь, а они уже снимают сенсацию. Им вообще плевать на происходящее, главное — быть первыми. В подробности вникать необязательно, потом всегда можно дать опровержение. Так уж у нас заведено: хорошие новости людям неинтересны, нет у них рейтинга, а вот кровищу любят все.

Я ковыляю к карете скорой помощи, навстречу выходит медик.

— Стас, стой! — орет Сергей и бежит ко мне.

— Да?

— Ты куда?

— Башка трещит страшно, что-то мне совсем нехорошо.

— У него, видимо, легкая контузия, — встречается в разговор доктор. Проходите, мне нужно вас осмотреть, а если что-то серьезное, то и госпитализировать. А у вас все хорошо? — переводя взгляд на Сергея, интересуется он.

— Да, нормально все.

— Точно?

— Да точно, точно.

— Я бы посоветовал вам тоже пройти осмотр.

— Не надо, дел по горло. Это... Стас?

— Да?

— Ладно, давай, пускай доктор осмотрит, мы тут без тебя справимся.

— Хорошо. Ты уж извини, но меня что-то мутит, — залезаю внутрь машины, доктор закрывает за мной дверь.

— Давай, поехали! — командует медик, и машина набирает скорость.

На месте работают пожарные и криминалисты. Оцепив территорию, они разбирают завал и вскоре находят до неузнаваемости обожженное тело.

— Сюда! — орет один из пожарных, поднимая обгоревшую, еще дымящуюся балку перекрытия. Сергей и Сашок подбегают к нему.

— О, Господи, — Александр отворачивается, увидев труп.

— М-да. Тут живого места нет. Что же, грузите его и к Головину. Мне нужно знать о нем все. И чем быстрее, тем лучше, — Сергей подходит к старшему пожарному. — Ну, что скажете? — он достает сигарету, поднимает с земли тлеющую щепку и прикуривает от нее.

— А что тут скажешь? Может, взрыв газа, может, что посерьезней. Так сразу неясно. Единственное, в чем я уверен, так это в том, что взрыв был преднамеренным. Парень явно ждал, когда вы подойдете поближе. Наверное, хотел с собой как можно больше жизни забрать. Я вообще удивлен, что никто не пострадал, только легкие контузии да небольшие ссадины... — он машет рукой, давая понять, что все это ерунда.

— То есть он взорвал себя сам?

— Ну да, если он готовился. Например, открыл конфорки в ожидании вашего приезда. Газ заполнил пространство, и тут... бах! — он показывает жестом рук взрыв.

— А от чего «бах»? — затягиваясь, спрашивает Сергей.

— Да от чего угодно, хоть от звонка мобильного. Хоть даже... — указывает он пальцем на сигарету. — А может, и сам спичкой чиркнул. Ну, это так все, гипотетически.

— Господи, да что вы все с этим словом-то корявым?! Тьфу! — сплевывая в сторону, ругается Самойлов и, пиная ногой обуглившийся ноутбук, идет прочь.

Белый автомобиль с красными крестами не спеша едет по городу, потом притормаживает и съезжает во дворы.

— Как ты? Все нормально? — Павел Алексеевич Денисов ощупывает меня, как девку.

— Нормально, все. Нормально!

— Ну, ты и устроил! Мог бы предупредить, что так рванет. Хорошо хоть не пострадал никто.

— Почти никто. У тебя закурить есть?

— Держи, — он протягивает мне пачку, и я беру сигарету. — Спасибо, что согласился мне помочь. Нужно было оттуда убраться, пока вопросы не начали задавать.

— Пожалуйста. Я Дмитрия предупредил, он все сделает так, как нужно. Так что считай.

что ты умер. Теперь уже по-настоящему, — усмехается Павел. — Тело привезут к нему, твои инструкции я передал. Только он просил об одном.

— Я помню, слово свое сдержу, ты меня знаешь. Только зачем ему это? — выдыхаю дым и снова затягиваюсь. — Кровь, она как вино: чем больше пьешь, тем больше хочется.

— У него ребенка... — Павел кашляет в кулак. — Ты же знаешь, как это?

— Знаю. Ладно, сегодня все подчищаем.

Завтра я уберу последнего. Через пару-тройку часов следователь Самойлов, не найдя нигде Станислава Владленовича Пименова, вспомнит наконец, что ему должны были перекинуть информацию по этому человеку, а пока... Пока я расскажу, как устроена наша жизнь. Когда ты не сталкиваешься со страданием, оно тебя не сильно интересует, и муки других проходят мимо, потому что твой разум отсекает эту информацию как ненужную. Плевать же всем на то, что в Африке голодают дети, а где-то в Сирии идет война, и там повсюду смерть и хаос. Нас это не касается, нас это не трогает. После того, как я выжил, я понял одно: мой мозг перестроился, и теперь то, что для многих других оставалось незаметным, я отчетливо видел. Так, я видел, как погибает дочь человека, который вытаскил меня с того света, и я помог ему вернуть ребенка. Да, жестоко, да, негуманно, но мой метод сработал.

Дмитрий Геннадьевич Головин — старший патологоанатом криминалистического управления, спокойный и простой человек, у которого тоже случилась беда с дочерью — она пропала. И вот что было странным: его коллеги всячески не хотели браться за это дело и в конце концов спустили его на тормозах. Знаете, что нужно пообещать отцу, который от горя опустил руки? Ему достаточно указать виновного, и он, с мыслью о мести, будет делать все, о чем ни попросишь. Мне нужен был Самойлов, ему — Громов. Взаимный интерес ведет к хорошим результатам. Самое сложное — это настроить человека вести себя как обычно с теми, кто, как он знает, виновен в гибели его ребенка. Дмитрий, к моему удивлению, справился с этой задачей потрясающе. Полковник Громов — старый похотливый извращенец, а обстоятельства и случай — неподконтрольные нам грани бытия. Кто же знал, что однажды, прогуливаясь со своей дочкой по улице, Головин повстречает Громова? Они вели обыкновенный разговор о жизни да о работе, а в голове полковника уже сложился отвратительный план. Животное желание взяло верх над порядочностью и чувством товарищеской солидарности. Самойлов и Хлебалин все подготовили и исполнили. Теперь за подготовку и исполнение задуманного взялся я. Еще накануне я побывал у Шрека. Полковник встретил меня с распростертыми объятьями. Еще бы: я же сообщил ему, что его хотят представить к награде. Если бы он только знал, кто пришел к нему в этот вечер и что за награда его ожидала!

Я включаю плеер, вставляю наушники, увеличиваю громкость звука. Я даже представлять себе не хочу, что сотворит со Шреком Головин. Хотя, что тут представлять? Он же патологоанатом!

Выкинь мое сердце, меня здесь нет!

Выкинь мою душу, погас в ней свет.

Снова в одиночестве у двери,

Мое тело рвет себя изнутри.

Выкинуло жизнь и малейший свет,

Это боль, и муки сильнее нет.
И раскается только тишина,
Уж она-то точно мне отдана.

Дмитрий Геннадьевич надевает перчатки. Его движения отточены и спокойны: он совершал это тысячи раз, но ни разу — с живым человеком. Холодное помещение, отделанное кафелем, пропахшее хлоркой и формалином. Он подвозит к накрытому белой простыней телу выдавший виды столик, на котором разложены инструменты для аутопсии. Свет ламп ярко освещает рабочее место. Дмитрий размеренно перебирает инструменты, затем глубоко вздыхает и стягивает в сторону простыню. На большом столе из нержавеющей стали с кляпом во рту лежит Афанасий Филимонович Громов, надежно привязанный к металлической площадке. Увидев знакомое лицо, он начинает дергаться и извиваться всем своим толстым телом, словно огромная гусеница. Он мычит, орет, но через кляп ничего не понятно, да и особо не слышно.

— Тихе, тихе, — Дмитрий отходит в сторону и возвращается с большим зеркалом, которое приделывает к лампе. — Это чтобы ты ничего не пропустил. Хочу проверить, есть ли у тебя душа, Громов. Есть она у тебя, а?

Услышав вопрос, полковник начинает еще активнее ерзать и мычать.

— Вот у моей дочери она была. Хорошая выросла девочка. А вы не оставили мне даже места, куда бы я мог прийти навестить ее. Это печально. Знаешь, когда я узнал правду, я ведь не поверил вначале, но потом он предоставил доказательства. Как у вас все было ловко настроено. А вы молодцы! Хорошо все продумали! Если бы не нарвались на него, то так бы и жили припеваючи. Когда есть власть, знакомства в вышестоящих органах, да еще и деньги, возможно все. Скольких же людей вы погубили? Кто бы мог подумать, что за пропавшими без вести в большинстве случаев стоите вы? К вам обращаются с надеждой, а получается, что мышка просит помощи у кошки. Смешно, — он берет в руки скальпель. — Итак, процедура вскрытия начинается с внешнего осмотра тела, включая имеющиеся раны, шрамы или опухоли. Затем делается хирургический разрез, — Головин подносит скальпель к правой ключице. — Знаешь, когда я тебя выпотрошу, то брошу твой труп в морозильник вместе с неопознанными телами бомжей. Твоей родне тоже не представится возможности с тобой попрощаться. Надеюсь, ты будешь гореть в аду, а пока ад устрою тебе я.

Дмитрий привычным движением делает разрезы от каждого плеча до середины груди, а затем вниз до лонной кости. Громов вытягивается от боли и выпучивает глаза, из которых льются слезы. Головин оттягивает кожу в стороны, оголяя грудную клетку. Положив скальпель, он берет со столика электропилу.

— И это только начало, дружище.

Глава XLIII

и никогда до конца.
А. И. Солженицын

Сергей нервно грызет ногти, сидя на диване. Он еще раз пытается набрать Настю, но та не отвечает. Жене дозвониться он тоже не может. Перед ним лежат распечатанные документы, он косится на них взглядом и начинает истерично смеяться. Несколько часов назад следователь заезжал к патологоанатому Дмитрию Геннадьевичу Головину, и тот представил ему полный отчет по трупу Максима Юрьевича Максимова: сошлось все, вплоть до прикуса челюсти, который оказался идентичен следам на теле убитой Ледовских. Медицинская карта Максимова будто списана с отчета Головина: группа крови, детские болезни, травмы после аварии. Еще раньше криминалисты нашли в сгоревшем доме сейф, в котором обнаружили квитанцию на покупку перстня с гравировкой «Вика». Александр проверил ювелирный магазин, и его сотрудники опознали человека, который приобрел у них это украшение, только почему-то сказали, что он был священником. Сергей берет бумаги и еще раз просматривает их, качая головой. Никакого Станислава Владленовича Пименова никто ему в помощь не посылал, да и вообще, как выяснилось, этот человек сейчас находится в командировке в Екатеринбурге. Пименов — действительно, подполковник СКР, опытный и заслуженный сотрудник, работающий с особо опасными преступниками, серийными убийцами и маньяками. Кто-то очень хорошо рассчитал, что запрос на его дело будут долго проверять, прежде чем выслать ответ.

— Кто же ты тогда?! — Сергей швыряет в сторону документы и обхватывает голову руками. — Да кто же ты, сволочь?! — Закусив губу, он поднимается с дивана и направляется к выходу, по пути снимает с вешалки куртку, одевается, достает из пачки сигарету и открывает дверь.

— Привет, — говорю я.

Он поднимает взгляд и отлетает назад, упав в конце коридора. Электрошокер — отличная вещь.

Сергей медленно открывает глаза, его веки трепыхаются, как крылья бабочки. При виде человека, сидящего перед ним на табурете, он дергается в сторону, но рука, пристегнутая к батарее наручниками, не дает убежать. Самойлов оглядывается по сторонам, потом смотрит на меня и злобно улыбается, словно хищный зверь. Теперь он другой, без личины — такой, какой есть. И я тоже.

— Ну и как тебя называть, дружище?

— Максим. Максим Юрьевич Максимов, — спокойно отвечаю я.

Вижу, как его глаза округляются. Он облизывает пересохшие губы, снова дергает рукой и усмехается.

— А как же тело? Как же судмедэкспертиза? Кого тогда мы оттащили в морг?

— Славика Фролова. Знаешь такого? Конечно, знаешь. Его мамаша приходила к тебе и интересовалась, хорошо ли ты ищешь ее сыночка. Но ведь тебе было плевать на нее. Не так ли?

— Ты прав. Горевать об этом убудке я не намерен.

— Да ты и сам не лучше.

— Ты все это придумал, чтобы отомстить мне за то, что я был тогда на стороне Фроловой? Так все были на ее стороне, сам понимаешь. Ничего личного.

— Я понимаю. Мне и Цукерман об этом говорил. И Хлебалин тоже. Вот теперь и о тебе я слышу то же самое. Закономерность очевидна, — я достаю пистолет ПМ, табельное оружие Самойлова, и наставляю на него дуло.

— Собираешься пристрелить меня?

— Пока еще не решил. Хочешь выпить?

— Можно, коли не шутишь, — удивляется Сергей.

Я поднимаюсь и подхожу к шкафчику, достаю оттуда бутылку рома и наливаю два стакана. Один ставлю на пол и толкаю к Самойлову по скользкому ламинату, тот ловко ловит стакан рукой.

— Хорошо ориентируешься в моей квартире.

— Я не в первый раз тут. Следил за тобой очень долгое время.

Самойлов делает несколько жадных глотков, я отпиваю тоже.

— Санитар. Вот как нужно тебя называть, не так ли? — усмехаясь, говорит следователь.

— Нет. Санитар — это ты. Ты выдумал этого зверя, списав его с себя. Моего зверя зовут Луций. Я убивал выродков, ты убивал ни в чем не повинных людей ради удовольствия. Отличную ты придумал схему, Серега. Неуловимый убийца. Просто великолепно! Прекрасное развлечение для богатых мразей типа Славика. Договорись с тобой, что ты все спишешь на некое чудовище, за которым ведешь охоту уже много лет. А заказчик под таким прикрытием может делать все, что захочет. Деньги в обмен на правосудие, которое будет слепо. Знаешь, сначала я даже не брал тебя во внимание, хотел смерти только Фроловым, их адвокату и судье. Чувство беспомощности, ощущение, что я не в силах совладать с такими, как они, ослепили меня. Потом я понял, что ублюдков слишком много, что с вами не стоит договариваться, что с вами нельзя решить все по-честному. Вас нужно искоренять, так как вы понимаете только силу, потому что сами привыкли так жить. Чисто случайно я вышел на твоего напарника — друг подсказал проследить. И тут головоломка разрешилась. Знаешь, ты все продумал четко. Снимаю перед тобой шляпу!

— Заценил?

— А то. Двойная жизнь. Семья для отвода глаз, любовница. И желание убивать. Желание быть хищником в этом мире. Получать все что ни захочется, управлять людьми, даже своим начальником Грозовым. У всех ведь есть слабости, да? Что может быть проще: дать старому козлу то, о чем он мечтает, а потом держать его на коротком поводке, словно шелудивого пса?

— Я такой же, как и ты. Не заметил сходства? — он улыбается, поднимает стакан и отпивает из него.

— Возможно, сходство и есть. Но есть и отличие.

— Хочешь сказать, что ты-то убивал за правое дело? Брось! Я расследовал твои дела. Убийство оно и есть убийство. Ты такой же псих, как и я. Знаешь, я ведь тоже не убивал тех, кто этого не заслуживает. Взять хотя бы эту Ледовских — потаскуха, желавшая пожить за чужой счет. Думала, что я бизнесмен, и захотела большего, вот и пришлось ее устранить. А ты здорово придумал выводить нас на самого себя. Честно, этим ты усыпил мою бдительность.

— Да и ты неплох. Расположил улики так, как будто бы убийство совершил загадочный маньяк Санитар. Знаешь, когда ты выходил на балкон, это я стоял внизу, а не журналист. Смотрел на тебя и думал, как же ты можешь так жить. А потом понял.

— И что ты понял?

— Понял, что ты сможешь мне исчезнуть. Навсегда. Я перестану быть тем, кем был, ведь ты же найдешь убийцу, правда, мертвого. Я начал с того, что навел справки о некоем полковнике Пименове. О нем немного доступной информации, единственное, что проскочило по новостям, так это сюжет о поимке маньяка из лесополосы в Подмоскowie. Через хорошего знакомого я выяснил, что Станислав Владленович занимается серийными убийствами и что его досье выдают только по запросу, да и то после тщательной проверки. И неважно, кто и когда запросил. Сам понимаешь — бюрократия! Никто из вас ни разу не спросил моего удостоверения. Стоило только пару раз позвонить по телефону и представиться мифическим генералом из Москвы, и все, наживка проглочена. Наш народ настолько боится красных корочек, что ты можешь прийти в магазин, показать удостоверение лифтера и сказать, что ты из пожарной службы, и тебе в 90 % случаев попросту предложат взятку, лишь бы ты ушел, и даже не уточнят, кто ты есть на самом деле. Так вышло и с вами. Я играл роль, вы верили. Я попал в аварию 12 апреля. В этот же день я решил поставить точку. На тебе, на себе, на всей этой истории.

— Миорелаксант тебе тот врач доставал? Денисов?

— Да.

— Я только сейчас понял, почему ты пошел именно к нему, а не в офис к той стерве. Ты же работал там, и тебя бы обязательно узнали.

— За что ты убил Кирилла?

— Этого мальчика с мозгами динозавра? Идиот верил в любовь и бегал без остановки за этой юбкой, которая спала с кем ни попадя. Сам посуди: жила с гражданским мужем, который кормил ее и платил за квартиру, имела роман на стороне с директором фирмы, где работала, между делом ублажала еще пару мужиков, с которых стригла деньги. Мы встречались недолго. Уже через месяц эта тварь заявила мне, что беременна. Круто, правда?! Всего лишь месяц! У нее не было детей ни от первого мужа, ни от остальных хахалей, а от меня — бац! — и сразу. Наверное, залетела от бабок, которые я на нее спускал, — смеется Сергей и отпивает еще из стакана. — Тут я решил, что с этой сухой пора кончать. А потом явился ко мне Комаров. Где-то спалил нас с ней и выследил меня. Начал угрожать. Вот я и отправил его к любимой. Так сказать, воссоединил голубков! А теперь скажи, — он допивает ром и пускает стакан так же по полу обратно, намекая, чтобы я налил ему еще, — что с Громым?

— Он встретился со своим самым страшным кошмаром, — наливая спиртное, произношу я.

— Ха-ха-ха-ха! Представляю, что с ним сделал Головин! Ха-ха-ха!

— Да, наверное, жуткое было зрелище, — я снова отправляю стакан по ламинату к Сергею.

— Спасибо, дружище, — он жадно делает пару глотков.

— На здоровье.

— Знаешь, моя жена меня не понимала. Настя, та еще более или менее. Дура видела во мне трофей, который она отбила у лучшей подруги. А я просто этим пользовался. С ней было хорошо, не так, как с Юлькой. Та просто выносила мне мозг. Занудство, вечно оружие дети, постоянная нехватка денег, а если приносишь в избытке, то допросы на тему, где их взял! Черт! Ну, разве не пофиг ей, а?! Тебе повезло, что ты лишился семьи так рано, — он делает глоток, а я сжимаю зубы до скрипа. — Знаешь, Сергей жил так, как диктовало общество, и, по тем правилам, которые установили задолго до нас. А вот Санитар! — он кривит рожу в

улыбке. — Санитар жил так, как ему нравилось, так, как не мог жить ни один другой человек, даже если бы очень хотел. Можно прожить жизнь и при этом не прожить и дня по-настоящему — так, как ты хочешь, как тебе нравится. Ты же меня понимаешь, да?! Ты должен радоваться, что обрел свободу, — он снова делает глоток. — Что Бог ни делает, все к лучшему! Иначе бы ты не прожил остаток жизни так, как требовала того твоя душа. Ты уж поверь мне. Я знаю, о чем говорю. Мы с тобой одной крови! Мы хотели — и мы делали то, что хотели, а не вели жалкое, неприметное существование, как те ничтожные людишки, что нас окружают. Они так и останутся вторым сортом. Они так и останутся мечтателями, думающими, что они живут по своей воле. Они заблуждаются! Это мы, мы с тобой живем так, как нам хочется. Мы! — он допивает до конца и протягивает стакан. — Плесни еще, а?

— Только ты хотел так жить, а меня вынудили.

Я нажимаю на курок, и хлопок оглушает меня на секунду. Дымящаяся гильза падает на пол и с шумом катится по полу. Я вижу, как стакан падает на пол и разбивается вдребезги. Сергей обхватывает горло свободной рукой и смотрит на меня выпученными глазами. Медленно встаю и подхожу к нему.

— Твое здоровье, — ударяю стаканом о его лоб и медленно потягиваю ром.

Он дергается, внутри него что-то булькает, из горла льется кровь. Он скалит рот, а я наблюдаю за его агонией. Он умирает долго и мучительно, а я пью и смотрю, как в его глазах гаснет жизнь. Такое ощущение, что, убивая его, я уничтожаю и себя. Больше мстить некому. Но остается странное ощущение незавершенности. Хотя вроде бы все, к чему я стремился и о чем мечтал, я сделал. Невольно задумываюсь над его словами о том, что мы все живем не так, как нам хочется. Но эти мысли нужно выкинуть из головы. Все кончено, остается только прибраться здесь. Я должен был выстрелить ему в висок, чтобы все походило на самоубийство. Ну что же, выстрел в горло тоже подойдет. Дмитрий Геннадьевич Головин, думаю, подправит эту картину своими выводами.

Выхожу из квартиры.

— Все прошло удачно?

— Более чем, — передаю ключи от квартиры Сашку.

Александр Стрельников — младший брат мой жены и крестный моего первенца. Когда я рассказал ему, кто виновен в гибели его сестры, он предложил этот до боли простой, но безбашенный план. Пришлось, ему, правда, для начала выучиться в милицейской школе, а потом еще три года лизать зад этому уроду, пытаясь снискать славу ветреного и простодушного парнишки. Все это время он был моими глазами и ушами.

— Нужно было вырвать ему сердце!

— Тебе этого делать не стоит. Уж поверь мне. Ты вне подозрений. Сделай все, как условлено, и никакой самодеятельности. Тело должно попасть к Головину, скорую вызовешь по этому телефону. Ты принес бумаги, которые доказывают, что Сергей спускал дела на тормозах за взятки?

— Да, все со мной в этой сумке. А может, еще и остальное подкинуть, ну, про... — он хитро шурится.

— Нет, больше ничего. Пускай все будет так, как мы и договорились. Его замучила совесть, и он застрелился. Никто не станет это расследовать, ты же знаешь. Коррупцированный полицейский всем как кость в горле: слишком портит репутацию.

— А что с Громовым?

— А что с ним не так?

— Ну как же?

— Пропал человек. Бывает такое. Поищут, поищут, да спишут в утиль. Тебе ли не знать, — усмехаюсь я.

— А ты?

— Меня ты больше не увидишь, Сашок. И даже не пытайся найти. Я умер еще тогда, вместе с Кристиной и детьми. Не дай Бог, кто-нибудь что-нибудь узнает. Еще не хватало, чтобы ты от этого пострадал. Ты и так слишком многое сделал для меня.

— Для вас всех, — спокойно уточняет он и протягивает руку. — Тогда пока?

— Прощай. И спасибо за все. Не отклоняйся от плана!

Выхожу на улицу, накидываю капюшон и залезаю в машину. Черный ворон тяжело взмахивает крыльями и садится впереди на сухое дерево, смотрит на меня.

— Встретиться, говоришь, — усмехаюсь я и поворачиваю ключ в замке зажигания.

Фролова Елизавета Викторовна подходит к ноутбуку, сжимая в руке флэшку. Двадцать минут назад почтальон доставил ей странное послание. На клочке бумаги написано: «Мама, мне плохо. Спаси меня. Я страдаю за то, что ты сделала». Внизу подпись — «Санитар».

Она дрожащей рукой включает компьютер, вставляет в разъем носитель, запускает программу. Женщина минут пять смотрит запись с каменным выражением лица, затем безмолвно поднимается и, сделав два шага, падает в обморок.

Глава XLIV

Не все то золото, что блестит.

Русская поговорка

Тучи наливаются свинцом и опускаются все ниже, начинает моросить дождь. Автомобиль шуршит шинами по мокрому асфальту, иногда въезжает в лужи, поднимая из-под колес фонтаны брызг. Люди, сгорбившись, куда-то бредут — каждый по своим делам. Все вокруг словно череда кадров черно-белого кино. Чем ближе я подъезжаю к кабаку, тем больше хмурится погода и тем беспокойнее становится у меня на душе. Машина тормозит. Порыв ветра поднимает с земли нечто черное, похожее на так хорошо знакомого мне ворона. Нет, всего лишь полиэтиленовый пакет. Сижу и похрустываю пальцами. А так ли уж мне нужно встречаться с этой странной девицей и с ее крылатым приятелем? Что-то подсказывает, что нужно, а что-то, напротив, шепчет: «Беги!». Я гляжу в зеркало заднего вида: на пассажирском сидении расположились рядышком Петр и мой зверь.

— Одумайся, — говорит первый.

Римлянин усмехается, подается вперед и склоняется над моим ухом.

— Сам подумай, где был этот проповедник, когда он был тебе нужен? А я был с тобой всегда.

— А ведь он прав, Петр, — перевожу взгляд на священника. — Почему ты оставил меня в трудный момент?

Петр пытается что-то возразить, но легионер лишь взмахивает рукой, словно стирает его, и Петр растворяется.

— Слабым доверять нельзя, Максим. Слабые предают. Я был с тобой все время, я помогал тебе все эти годы. Разве я пичкал тебя при этом какими-то нравочениями? А он? Ты вспомни: когда ему было нужно, он был не так уж и добр к людям. Пойдем, нас уже ждут. Пойдем.

Вода стекает ручьями по лобовому стеклу, дождь усиливается. Серые оттенки, окрасившие город, становятся еще более мрачными и угрюмыми.

— Пойдем, Максим.

— А может, это ты прикидывался Петром, когда тебе это было нужно?

— Брось. Разве я могу?

Я смотрю на этого мрачного война и в глубине души понимаю, что может. Мои фантазии всеильны: я их не контролирую, это они контролируют меня. Мне нужен был повод, и я получал его, и неважно, кто мне его предоставлял — Петр или этот римлянин. Они оба служили мне, когда мне это было выгодно. В зависимости от ситуации плохой превращался в доброго и наоборот. Они подыгрывали мне, а я им. Странно получается. Интересно, а кто тогда более реален? Они или я? А может, и вовсе нас всех троих не существует? Обильный дождь барабанит по железному кузову автомобиля.

— Пойдем, Максим.

А он прав. Идти нужно, хотя и не хочется. Выхожу из автомобиля, забегаю под навес. У входа стоит толстяк. Он льстиво улыбается мне, забавно щуря маленькие свинячьи глазки. Когда я подхожу ближе, он с поклоном открывает передо мной дверь.

— Прошу, мил человек, прошу. Вас давно уже дожидаются, — при каждом движении его второй и третий подбородки вздрагивают, будто холодец.

Я вхожу внутрь. В кабаке нет ни единой души. Звучит пианино, знакомая мелодия — «Лунная соната» Бетховена. Сдвигаю в сторону преградивший мне путь черный занавес и замираю: передо мной огромная комната, по всему периметру горят свечи, по центру стоит большой стол, за ним сидит человек в плаще из черной кожи, его ладонь покоится на рукояти трости, выполненной в виде золотого черепа. Стол ломится от всевозможных яств, но незнакомец не проявляет к ним никакого интереса. Он поглощен игрой: склонившись над шахматной доской, он внимательно рассматривает расставленные перед ним черные фигуры. Неподалеку от него стоит еще один незнакомый мне человек, в шикарном костюме, крепкого телосложения, приятной наружности, словно сошедший с картины древнего византийского художника. По правую руку от шахматиста расположилась Татьяна с бокалом вина, одетая в вечернее платье насыщенно-красного цвета. Меня привлекает чье-то чавканье. Обернувшись на него, замечаю, как из стоящего на полу огромного таза, опустившись на четвереньки, жрет какое-то существо, отдаленно напоминающее человека, да и то, в основном, благодаря одежде — драной фуфайке и старым треникам. На секунду существо прерывает свою отвратительную трапезу, и его голова приподнимается вверх и поворачивается на сто восемьдесят градусов. Он смотрит на меня, раскрыв пасть, а в ней три ряда острых акульих зубов, между которыми застряли куски мяса. Один глаз чудища угольно-черный, другой — кроваво-красный. Не понимаю, снится мне все это или происходит на самом деле. Я уже забыл, когда в последний раз испытывал чувство страха, но

от этого места даже у меня по коже бегут мурашки, а спина покрывается холодной испариной.

— Его зовут Авера. Не бойся, проходи, он тебя не тронет, — спокойно произносит шахматист, по всей видимости, главный из них.

Он говорит это так, будто в углу находится не странный полузверь-получеловек, а его верный пес, сидящий на цепи возле будки. После этих слов тварь расплывается в безобразной улыбке и снова ныряет в свою миску. Замечаю, что из таза торчат человеческие конечности. Уже жалею, что вообще приперся сюда, послушав эту сучку с ангельским личиком, которая тем временем с ехидной улыбочкой смотрит на меня и потягивает вино.

— Иногда первое впечатление обманчиво, — человек в кожаном плаще поворачивается ко мне и указывает на стул рядом с собой. — Прошу, Максим, присаживайся. Я ждал тебя.

— Да неужели?

— Рад тебя приветствовать, — незнакомец встает с места и протягивает мне руку. — Меня зовут Анатас.

— Максим, — усмехаясь, жму его ладонь.

— Тебя смешит мое имя?

— Чудное, я раньше не слыхал таких. Извини, не хотел обидеть.

— Ничего, я давно привык к такой реакции. Люди всегда странно воспринимают то, что не укладывается в их привычные представления, будь то необычные имена, нестандартное поведение или еще что-либо в таком духе. Присаживайся, — Анатас занимает место напротив меня. — Итак, с Аверой я тебя уже познакомил. Он сейчас занят трапезой. Но это к лучшему, поскольку характер у него стал просто отвратительный.

— Вы кормите его человечиной?

— А почему бы и нет? Ты же кормил собак тем же самым? Что в этом плохого? Тем более, разве то были люди? Словом, не обращай внимания!

— Легко сказать, — я все же еще раз мельком оборачиваюсь в сторону этого странного и пугающего существа. Не каждый раз видишь такое.

— С Татьяной ты тоже знаком. Она, так сказать, свет моей души. Как дочь мне. Ты ведь еще не забыл отцовских чувств? Вижу, что не забыл. Особенно, судя по тому, как ты ухаживаешь за местом захоронения. Привязанность и верность даже после смерти всегда вызвали у меня уважение. А вон того скромного человека, который стоит за моей спиной, ты пока еще не знаешь — это Абигор, мой посланник.

— Да у вас тут знатная компания подобралась, как я погляжу, — кашлянув в кулак, тихо произношу я.

Для себя я уже нашел подходящее объяснение: наверное, я просто сплю в машине. Опять мое больное воображение не на шутку разыгралось. Но мне не привыкать. Я безумен, и я это знаю. Вот только почему этот Анатас, будь он не ладен, смотрит на меня и улыбается, будто слышит все, о чем я сейчас думаю. Страшно быть сумасшедшим и понимать это. Гораздо проще быть просто дураком и ни о чем не беспокоиться. Хотя, кто знает?

— Ты играешь в шахматы?

— Фигуры двигать умею.

— Вот и прекрасно. Прошу.

Я с опаской смотрю на доску, где друг напротив друга стоят две армии — светлых и темных, потом перевожу взгляд на этого странного человека. Мне достались белые, и это означает что первый ход за мной. Двигаю вперед пешку.

— Она сказала, что ты можешь дать ответы.

— Это зависит от вопросов, на которые ты хочешь их получить. Я, конечно, многое знаю, — Анатас отрывает взгляд от игры, — но я же не Господь Бог.

Я вижу, как едва заметно дернулись кончики его губ, образовав подобие улыбки.

— Тогда кто ты?

— Ты все равно не поверишь, — он парирует, подставляя под удар одну из своих фигур.

— Раз я здесь, значит, я готов слушать. Иначе я бы не пришел, — забираю пожертвованную фигуру с доски.

— Ну что же, — Анатас делает ход. — Начну издалека, чтобы тебе стало совсем все понятно. Ты знаешь, что ваш мир — всего лишь верхушка огромного айсберга? Все, что вы знаете о вселенной, — это лишь малые крохи, песчинка в огромной пустыне. Ты веришь в богов?

— В богов? Владимир вроде Русь окрестил еще в десятом веке. С тех пор у нас христианство с единым Богом, единой церковью.

— Это тебе Петр сказал? — усмехается он, видя, как я насторожился. — Да, я знаю про него. И про твоего зверя.

— Откуда? — замираю я на мгновение и смотрю на собеседника.

— Ну, одного из них создал я. Второго создал Он. И мне, и Ему нужен был ты, Максим В качестве последнего трофея. Знаю, что звучит это не очень приятно, но такова правда жизни.

— Да что за бред?

— Понимаешь, вы все фигуры, — он указывает на доску рукой. — Мы можем вами управлять, жертвовать и даже возводить вас в большие ранги. Но в каждой партии есть одна самая главная фигура. Потерять ее означает проиграть все. Так что мне осталось пленить короля, чтобы партия осталась за мной.

— Кто вы такие?

— Игроки. Я и мой брат. Он играет за белых, я — за черных. Предыдущим ходом я объявил ему шах. Теперь я намерен поставить мат, но мне нужен перевес. Такой маленький для Вселенной, но такой огромный для вашего мира. В общем, мне требуется еще один человек для завершения моего плана. Всего лишь один. Ты должен был стать возмездием в этом мире, верша расправу над грешниками. Но мой братец не захотел так просто отдать то, что мне нужно. Он воздействовал на тебя через своего любимого Петра. Еще бы, ведь ты последняя капля. Он будет биться за тебя изо всех сил.

Где же ты, мой зверь, когда ты так мне нужен? Его нет, и я, как ни стараюсь, не могу разозлиться — просто слушаю, наблюдаю за тем, что происходит.

— Петр отговаривал тебя совершать некие поступки...

— Не всегда, — перебиваю его, еле проглатывая слюну.

Анатас на секунду переводит взгляд на Татьяну, и та наливает мне стопку.

— Выпей. Это помогает. Я понимаю, что сейчас творится в твоей голове. Но ведь ты знаешь, как лечить такую мигрень. Выпей, выпей. Не бойся, не отравлено.

Я протягиваю руку.

— Мне бояться уже нечего, — махом опрокидываю в себя жидкость и зажмуриваюсь, занюхиваю рукавом. — Твою мать! Что это?

— Спирт, — усмехается девушка.

— Да. Водка тут тебе не поможет. Нужно что-то покрепче. Ну, так вот, что касается

Петра. Поверь мне: он изо всех сил старался тебе помочь. Но у меня есть ферзь, и он оказался сильнее. К тому же он помогал тебе мстить. По-моему, все справедливо. Тебе так не кажется? Сам подумай, кем бы ты был без него? Думаешь, это ты сам так хорошо научился убивать людей?

— Прекрасно. Значит, все так просто? Ты и вот эта свора, прости за выражение, уродов вместе с неким братом решили поэкспериментировать над моей жизнью? Здорово! Допустим. Татьяна у тебя ферзь, ты король, Абигор — тоже какая-то тяжелая фигура. А кто тогда я в вашей партии? — передвигаю ладью вперед и объявляю шах.

— Неплохой ход, но предсказуемый, — Анатас снимает ладью с доски и ставит на ее место ферзя. — Ты пешка, Максим, которую мне нужно было провести через все поле, чтобы сделать из тебя очень опасную фигуру. Ты последний, кто мне нужен, чтобы начать то, что я планировал с самого начала мироздания. Теперь тебе шах и мат. Партия окончена.

— Кто же ты такой на самом деле?

— Я Дьявол, Максим, и предлагаю тебе сделку.

Смотрю на Анатаса и невольно улыбаюсь, то ли от того бреда, который он говорит, то ли от его невозмутимости и полной убежденности в истинности своих слов.

— Позволишь? — указываю пальцем на спиртное.

— Конечно. Все, что тут видишь, можешь брать без спроса. Ты мой гость.

— Гостем быть лучше, чем пешкой, — наливаю себе в стакан. Татьяна подает лед, но я отказываюсь. — Сойдет и так. Дьявол, говоришь? Сатана, значит?

— Именно, — спокойно отвечает Анатас.

— Ну-ну, — я залпом выпиваю новую порцию и встаю из-за стола. — Рад был познакомиться. Счастливо оставаться, Сатана, — усмехаюсь я и, качая головой, иду к выходу, еще несколько раз повторяя это слово.

— Папа!

Этот голос я узнаю из миллиардов.

— Папа, ты куда?

По всему телу пробегает озноб. Чувствую, как стынет в жилах кровь. Медленно оборачиваюсь. Смотрю и не верю своим глазам: рядом с Анатасом стоит мой сын, а тот, кто только что назвал себя Дьяволом, гладит его по голове. В горле ком, слезы сами текут из глаз.

— Ну, беги к папке, беги, — с улыбкой произносит Анатас, и мальчишка несется вперед.

Я падаю на колени и вытягиваю руки ему навстречу. Мой сын, мой ребенок! Живой!

— Папа! Папа! — кричит он и задорно смеется.

Я прижимаю его к себе, и он растворяется словно эфирное облако, разрывая мою душу в клочья.

— Разве я похож на шута, Максим? Ты же принял меня именно за него?

Я вскакиваю и делаю несколько шагов вперед, стискивая зубы. Абигор делает столько же шагов навстречу мне.

— Я могу все, Максим. Абсолютно все. Даже вернуть твою семью. Надеюсь, что больше доказательств мне предъявлять не придется. Не люблю убеждать. Я привык, что мне верят на слово.

— Так чего ты хочешь, Макс? — интересуется Татьяна.

— Интересно, а что вы возьмете взамен? — хриплю осипшим голосом, стараясь

подавить обуревающие меня чувства. — Мою душу?

— Ха-ха-ха! — комната наполняется смехом. Смеются все. Даже Авера перестает жрать и шипит в отвратительной гримасе.

— Что смешного?

— Да кому нужна твоя душа? Люди-люди, трясетесь над своими жалкими душонками. Твоя душа и так будет принадлежать мне после всего того, что ты совершил.

— Так чего ты хочешь?

— А ты? — поднимая бокал с вином и делая глоток, интересуется Сатана.

— Ты можешь вернуть мою семью? Можешь сделать так, чтобы я стал нормальным? Хочу, чтобы этого кошмара не было.

— Конечно, могу. Присядь, — он кивает на стул рядом с собой.

— И что требуется от меня?

— Сделать выбор.

— Выбор? И все?

— Все, — он прикладывает указательный палец к брови. — Как бы это помягче выразиться. Хочу, чтобы ты встал на мою сторону. Сознательно. Чтобы потом не было претензий.

— Зачем тебе обычный человек типа меня? Не слишком ли мелко для Князя тьмы?

Анатас разводит руки в стороны.

— Знаешь, Библию написали люди. Они вычеркнули все, что им не нравилось из истории, оставив в писаниях только то, что им показалось верным. Как ты думаешь, Максим, сколько было апостолов у Иисуса?

— Двенадцать. Это всем известно, — отвечаю я, не задумываясь.

— Тринадцать. Их было тринадцать, и последним, тринадцатым, как раз был твой зверь — Луций. Только он сможет очистить Землю от всякого сброда. И, как ни удивительно, ты это и есть он: ты его очередное перерождение.

— Это что, шутка такая?

— Почему же люди постоянно думают, что я шучу?

— Откуда мне знать, что ты говоришь правду и не обманываешь меня? Ты же...

— Дьявол? Ты это хотел сказать?

— Именно.

— Вас пичкают рассказами о том, что я злой и плохой, что я всегда противостояю Богу, что я лгу. А разве не я рассказал тебе все, как есть? Разве не я помог справиться с твоими проблемами, не я помог отомстить? Я выполняю всю грязную работу, Максим, и от этого же и страдаю, в то время как Бог для всех остается белым и пушистым. Впрочем, так и должно быть. Кто-то же должен делать то, что делал ты, что делаю я? Никому не хочется копаться в дерьме. Я мог бы тебя отправить, например, в Чистилище и заставить страдать миллионы лет, выбивая из тебя согласие. Но я прошу по-дружески. Разве тебе этого недостаточно? Ты сидишь здесь, у меня, как видишь, нет рогов и хвоста, и мы с тобой нормально общаемся. Существует простое правило: у человека всегда есть выбор. Никто не может вас принудить, пока вы сами не определитесь. Так и сейчас. Делай выбор, Максим. Мне — мое, тебе — твое.

— А если я не соглашусь?

— Твое право.

Я встаю и приближаюсь к нему вплотную, он тоже поднимается.

— Ты точно вернешь мою семью?

— Обещаю.

— Если ты не сделаешь этого, я тебя найду даже в Аду и заставлю страдать так, как заставлял страдать других!

— Принято, Максим. Ну, так скажи, чего ты хочешь взамен?

— Хочу, чтобы моя семья была жива. Чтобы все вернулось на круги своя.

— Хочешь, чтобы все было, как раньше? — он протягивает мне руку.

— Да! — я жму его ладонь.

— Как пожелаешь, — это последнее, что я слышу и вижу.

Тело поднимается вверх, освещается напололам черным и белым. Плоть падает на пол и заволакивается туманом.

— Человеческие поступки так предсказуемы, — усмехается Татьяна.

— Теперь, когда он очнется, то будет очень удивлен тому, как мир изменился. И первой, кто протянет ему руку, будешь ты.

— Я не Мария, милорд, — Татьяна хитро шурит красивые глаза.

— Станешь ею для него. Он был последней песчинкой, упавшей на весы мироздания. Недолго осталось этому миру. Задействуй Александра. Пускай начинает шевелить своих шакалов в верхушке их мнимой власти. Мне надоели эти насекомые. Настало время вымести биологический мусор с планеты.

— Вопрос только с его семьей, которую вы пообещали вернуть. Они будут помехой. В особенности его сын. Этот мальчик может в будущем сделать выбор не в нашу сторону.

— Я пообещал Максиму. У Луция же нет и не будет семьи. Зачем она воину? Нужно будет встретиться с Александром.

— Александр еще не потерял вашего доверия?

— Он цепной пес. Безгранично мне предан. И это с лихвой покрывает многие его прегрешения. Грязную работу он выполняет без нареканий.

— Я на секунду даже поверила, что вы и впрямь вернете ему семью, — отрывая от грозди виноградинку, иронично говорит Татьяна.

— Я же Дьявол, Татьяна. Я играю по своим правилам, — Анатас пристально смотрит на девушку.

— Которых у вас нет, — закидывая виноградинку в рот, мило улыбается она.

Эпилог

Отдельная палата в дорогой клинике, чистые светлые шторы на окнах, высококлассное импортное оборудование. Дыхательный аппарат периодически издает характерный шум, закачивая в легкие живительный кислород. Скачущая на мониторе линия показывает стабильное сердцебиение. На кровати под капельницами лежит пациент с повязкой на голове, закрепленными по всему телу датчиками и отходящими от него многочисленными

проводками и трубками. Доктор в белоснежном халате что-то пишет, поглядывая на показания приборов. Рядом суетится медсестра.

— Мам, а мам? А папа поправится? — спрашивает мальчишка у беременной женщины, которая сидит на стуле рядом с больным.

— Поправится, — приветливо отвечает доктор. — Состояние тяжелое, но стабильное. Ему вообще повезло, что он так легко отделался. Это просто чудо, что он выжил в такой аварии. Так что даже не сомневайся: твой папка поправится, обязательно поправится, — врач вырывает листок из блокнота и протягивает его женщине. — Это лекарства, которые вам потребуются. Они, правда, стоят дорого, но зато они эффективные. У него была глубокая гипоксия, это кислородное голодание, так что какое-то время ему придется их принимать. Можете закупить их впрок.

— Это очень серьезно? — вчитываясь в записи, интересуется женщина.

— У всех последствия гипоксии проявляются по-разному. Это могут быть галлюцинации, потеря в пространстве и времени, провалы в памяти, но, в любом случае, все это быстро пройдет. Через неделю мы отключим его от аппарата. Через месяц-другой он встанет на ноги. Ну, это при хороших условиях лечения. А так, учитывая, что с ним случилось, он довольно быстро идет на поправку. Честно говоря, я такое вижу впервые. У него сильный организм. А теперь, извините, у меня обход. И не волнуйтесь, все будет хорошо.

— Мам, наш папа не умрет? — снова интересуется малыш.

— Не умрет, — отвечает женщина, целует сына в макушку и прижимает к себе.

Дверь палаты медленно открывается, и в нее сначала осторожно заглядывает, а затем и входит незнакомый мужчина. На нем черные джинсы, заправленные в армейские берцы, серый свитер с высоким горлом и кожаные митенки на руках, на плечи накинут белый больничный халат.

— Здравствуйте, — улыбается незнакомец и подходит ближе.

— Здравствуйте, — отвечает женщина.

— Простите за беспокойство. Меня зовут Виктор, — он протягивает ей руку. — Виктор Четырин. А вы, должно быть, Кристина?

— Так и есть, — она жмет руку.

— Я видел, как все произошло, и первым оказал пострадавшим помощь, но потом долго не мог найти вашего мужа. Хочу вернуть ему одну вещь, — он какое-то время шарит рукой в кармане и достает кулончик в виде черной капельки на цепочке. — Когда его увезли, я нашел это на земле и подумал, что это для него важно.

— Мам, это паук! — радостно восклицает мальчик.

— Паук? — удивленно спрашивает Виктор, передавая украшение Кристине.

— Да, Марс его почему-то так называет, — она надевает кулончик на шею сыну.

— Марс? Редкое имя, — присаживаясь на корточки перед пареньком и глядя ему в глаза, произносит Четырин.

— Муж хотел, чтобы он был не такой, как все, чтобы даже имя отличало его от других. К тому же он всегда интересовался историей Древнего Рима, постоянно книги какие-то про это читал.

Мальчик жмет к матери, теребя в руках фигурку римского солдата.

— Значит, Марс? Отец явно вкладывал особый смысл в это имя, — слегка нахмурившись, произносит Виктор. — Что же, мы еще с тобой не раз увидимся, Марс, —

многозначительно добавляет он и поднимается. — Извините, но мне пора. Желаю скорейшего выздоровления вашему мужу.

— Спасибо.

— До свидания. Берегите сына, он у вас прекрасный мальчик! Я думаю, он станет великим человеком, — Виктор выходит из палаты и закрывает за собой дверь.

В коридоре его ожидает Михаил.

— Ну что, убедился?

— Не знаю. Мелкий он еще, — Виктор жмет плечами.

— А чего ты ожидал? Когда Луций очнется, он мало что будет помнить. Тебе нужно спасти их. Луций — угроза для собственной семьи.

— Значит, тот парень, замотанный, словно мумия, и есть перерожденный Луций?

— Все правильно, — Михаил смиренно кивает головой. — Понимаешь, Зверев Максимов, Луций — это все один и тот же человек. Но речь сейчас не о нем, а о тебе. Теперь настало твое время попытаться сотворить добро.

— Или зло, — Виктор смотрит на собеседника холодным взглядом.

— Выбор за тобой, я не вправе тебе указывать.

— Разве Бог сам не может повлиять на Луция?

— Не только может, но и активно делает это. С помощью апостола Петра. Слышал с таким?

— Это тот, который первым отрекся от Христа?

— Верно. Но Господь простил его, ибо милосерден. В знак своего раскаяния Петр вызвался всегда быть рядом с Луцием, помогать ему наставлениями, делать лучше.

— В каком смысле?

— Считай, что он его совесть. Петр направляет его на истинный путь, уводя от тотального хаоса и уничтожения.

— Тогда почему он не может его склонить на вашу сторону?

— Луций очень силен и со временем становится только сильнее. Поверь мне, Петр делает даже больше, чем может.

— Значит, нам все-таки нужен этот малыш?

— Именно. Нам нужен сын Луция. Думаешь, ему дали семью просто так?

— А почему бы его не убить?

— Убить можно только тело. Душа переродится заново. Казнь — лишь временная мера, которая только оттянет решение вопроса. Да и почему сразу убить? Может, Петр сможет его уговорить? Удалось же это сделать один раз, возможно, удастся и второй. Мы очень на это надеемся.

— Только этот мальчишка не сын Божий.

— Вы все его дети.

— Посмотрим, — сухо произносит Виктор и идет к выходу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Примечания

Откр 18:7–8.

2

Иер 49:37.

3

Иез 6:12.

4

Послание Римлянам 6:23.

5

Откр 18:7–8.